

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

**ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ**

VIII

**ДЕВЯТИСОТЫЕ
ГОДЫ**

**П. Т. Г.
1 9 1 3.**

А. А.

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ**

ЧАСТЬ VIII

*ИЗД. 5-е
ПЕРЕРАБОТАННОЕ*

**ИЗД. Т-ВО
„КОЛОСЪ“**

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ

**ДЕВЯТИСОТЫЕ
ГОДЫ**

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ**

**П. Т. Г.
1 9 1 8**

Содержаніе.

	Стр.
1. „Идеалистическій индивидуализмъ“	5
2. Отъ „декадентства“ къ „символизму“	38
3. Въ преддверіи XX вѣка (двѣ революціи)	72
4. Заключение	90

Приложенія къ вып. I—VIII:

1. Указатель именъ.
 2. Указатель произведеній.
 3. Указатель библиографическій.
 4. Указатель содержанія.
-

„Идеалистическій индивидуализмъ“.

1.

Великій расколъ русской интеллигенціи девяностыхъ годовъ привелъ, какъ мы видѣли, къ разложению ортодоксальнаго марксизма и гибели ортодоксальнаго народничества: народничество это погибло подъ ударами марксизма, а марксизмъ разложился отъ внутреннихъ противорѣчій. Ортодоксальный марксизмъ опирался на „перевернутаго вверхъ ногами Гегеля“; всю шаткость этой оригинальной точки опоры ясно показало критическое теченіе въ марксизмѣ: достаточно было легкаго толчка, чтобы перевернутый вверхъ ногами Гегель тяжело рухнулъ внизъ, увлекаая въ своемъ паденіи и ортодоксальный марксизмъ, тщетно пытающійся ухватиться за эмпирио-критицизмъ Авенариуса.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ тѣмъ критико-философскимъ теченіемъ, которое размыло философскую подпочву марксизма и стало весьма замѣтнымъ элементомъ въ исторіи развитія русской общественной мысли конца XIX и начала XX вѣка. Куда въ концѣ концовъ привело это теченіе—мы увидимъ; мы увидимъ, что теченіе это было переходомъ части русской интеллигенціи отъ „реалистическаго“ къ „романтическому“ типу сознанія. Но прежде чѣмъ говорить о будущемъ этого теченія, надо установить его связь съ прошедшимъ, такъ какъ въ этомъ критико-философскомъ направленіи русской мысли мы видимъ возвращеніе ея къ философскимъ традиціямъ тридцатыхъ - сороковыхъ годовъ,—традиціямъ, такъ основательно забытымъ въ слѣдующіе полъ-вѣка господства

позитивизма въ его самыхъ анти-философскихъ проявленіяхъ. Припомнимъ вкратцѣ философскій путь, пройденный русской общественной мыслью, прежде чѣмъ перейти къ изученію эпохи возрожденія философіи среди русской интеллигенціи конца XIX вѣка.

Съ самаго начала своего существованія русская интеллигенція обосновывала свои соціальные и политическіе идеалы на томъ или иномъ философскомъ фундаментѣ, всегда заимствованномъ съ Запада: достаточно вспомнить зависимость Радищева отъ рационалистическихъ теорій „просвѣтителей“ XVIII вѣка, Новикова и его кружка — отъ масонства, Пнина, а также Тургенева и другихъ декабристовъ — отъ утилитаристическихъ построеній Бентама, чтобы принять, въ видѣ общаго правила, вышеуказанное положеніе. Въ тридцатыхъ годахъ молодая сила русской интеллигенціи обратили главное вниманіе на философскую обосновку своего міровоззрѣнія, для чего и обратились къ тщательному изученію Шеллинга, Фихте и Гегеля.

Эта эпоха — тридцатые годы — была эпохой расцвѣта философскихъ знаній въ Россіи; шеллингианская эстетика, фихтианская этика и гегельянская логика, правда, довольно причудли восплетались въ міровоззрѣніи идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, но зато міровоззрѣніе это основывалось на широкомъ фундаментѣ и глубоко заглядывало въ „корень вещей“. И хотя въ теченіе тридцатыхъ годовъ наши идеалисты мало-по-малу разрывали свою связь съ ученіемъ cadaго изъ трехъ вышепоименованныхъ философовъ, но все же и въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій, уже окончательно разорвавшій съ Гегелемъ, еще продолжалъ держаться гегельянскихъ формъ, заполняя ихъ социалистическимъ содержаніемъ. Въ теченіе этихъ же сороковыхъ годовъ достигло высоты своего расцвѣта и славянофильство, сперва основывавшееся на шеллингианствѣ, а потомъ вышедшее и на самостоятельный философскій путь; такимъ образомъ, въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ философскія знанія составляли широкій фундаментъ, на которомъ возводились міровоззрѣнія русскихъ общественныхъ группъ; эта эпоха была апогеемъ развитія философскихъ знаній въ Россіи.

Въ эпоху мертвеннаго затишья пятидесятыхъ годовъ „мыслить не полагалось“, говоря словами Салтыкова;

начиная же съ шестидесятыхъ годовъ, философское развитіе русской интеллигенціи медленно, но вѣрно идетъ на убыль. Чернышевскій въ началѣ своей дѣятельности еще былъ подъ нѣкоторымъ вліяніемъ гегельянства (его лѣвой фракціи) и даже считалъ отрицательнымъ явленіемъ тотъ фактъ, что „философскія стремленія теперь почти забыты нашею литературою и критикою“, которая отъ этого „не выиграли ровно ничего, потерявъ очень много“... Таково было мнѣніе Чернышевскаго въ 1856 г.; но не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ тотъ же Чернышевскій „увѣровалъ въ матеріализмъ“ въ его самомъ крайнемъ проявленіи и сталъ ко всякимъ философскимъ стремленіямъ относиться съ точки зрѣнія философіи здраваго смысла. Въ своемъ знаменитомъ спорѣ съ Юркевичемъ Чернышевскій презрительно отнесся ко всему, что не есть матеріализмъ; и симпатіи русскаго общества той эпохи были всецѣло на его сторонѣ.

Такъ началось философское паденіе русской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ и въ теченіе всего десятилѣтія шло crescendo. Отъ Чернышевскаго къ Добролюбову, уже совершенно равнодушному къ философской обосновкѣ міровоззрѣнія; отъ Добролюбова къ Писареву; для котораго уже „общій идеалъ“ есть такая же невозможность, какъ и „общіе очки“—все это показная плоскость по пути къ полному философскому вырожденію.

Семидесятые годы характеризуются начавшимся еще съ конца шестидесятыхъ годовъ переходомъ отъ матеріализма къ позитивизму; сперва Лавровъ, а затѣмъ Михайловскій являются наиболѣе яркими представителями этого теченія. Конечно, это уже шагъ впередъ по сравненію съ наивнымъ реализмомъ воззрѣній Писарева, но все же это еще не начало возрожденія русской философской мысли. Некритическое смѣшеніе позитивизма съ англійскимъ эмпиризмомъ, одобренное слегка положеніями популярнаго у насъ нео-кантіанца Ланге—вотъ слабое философское обоснованіе широкаго міровоззрѣнія Михайловскаго, колосса на глиняныхъ ногахъ. И однако эта философская теорія является господствующею среди русскаго общества въ теченіе почти четверти вѣка—до 1894—1895 гг., такъ какъ восьмидесятые годы не внесли отъ себя ничего новаго въ развитіе русской фило-

софской мысли, представляя изъ себя „пробѣль въ порядкѣ разумѣнія“. Правда, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ зародился русскій марксизмъ, но въ теченіе этого десятилѣтія онъ обосновалъ главнымъ образомъ соціально-политическую сторону своего міровоззрѣнія; только съ начала девяностыхъ годовъ онъ выступилъ на поле философской мысли.

II.

Выступленіе это началось попрежнему съ подраженія западнымъ образцамъ и съ принятія за абсолютную истину всего того, что *magister dixit*. Въ 1895 году появляется, какъ мы знаемъ, на шумѣвшая книга Бельтова-Плеханова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“; она представляетъ изъ себя не болѣе и не менѣе какъ подробную перефразировку идей Энгельса изъ его знаменитаго „Анти-Дюринга“, дополненную историческими изслѣдованіями о генезисѣ „научнаго социализма“. Вопросъ о цѣнности этихъ изслѣдованій мы въ данномъ случаѣ можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ здѣсь насъ интересуетъ главнымъ образомъ филиація философскихъ идей, а въ этой области Плехановъ только рабски слѣдовалъ за Энгельсомъ—въ немъ для русскихъ марксистовъ былъ весь законъ и пророки.

Въ настоящее время не можетъ быть двухъ мнѣній о философской цѣнности „системы“ Энгельса; какъ извѣстно, онъ опирался на Гегеля и такъ толковалъ и исправлялъ великаго нѣмецкаго философа, что послѣдній не разъ, надо думать, переворачивался въ гробу. Въ философской нѣмецкой литературѣ „система“ Энгельса давно уже оцѣнена по заслугамъ, представляя изъ себя философское ничто, такъ что о провергать ее подробно, писать „Анти-Энгельсъ“ было бы лишь непроизводительной тратой времени. И несмотря на это, Энгельса и энгельсированнаго Гегеля взяли за точку опоры нарождающійся русскій марксизмъ; мало того—именно съ этого времени и начинается возрожденіе философскихъ знаній въ Россіи... Какъ это могло случиться?

Два причинныхъ условія сыграли въ этомъ случаѣ наиболѣе рѣшающую роль; первое изъ нихъ заключа-

лось въ томъ, что теорія Энгельса (и русскихъ марксистовъ-тождь) была діалектическимъ *материализмомъ*, второе—въ томъ, что теорія эта была материализмомъ *діалектическимъ*; первое условіе было причиной быстрого распространенія новаго ученія, второе—причиной быстрого перехода отъ него на болѣе высокія ступени философскаго познанія.

Въ теченіе слишкомъ трехъ десятилѣтій материализмъ и наивный реализмъ въ той или иной его формѣ процвѣталъ въ русскомъ обществѣ, а потому почва для новаго материалистическаго міровоззрѣнія была достаточно подготовлена. Новое ученіе объясняло однимъ принципомъ всю міровую жизнь, оно было типичнымъ методологическимъ монизмомъ на почвѣ материализма; все это являлось достаточнымъ основаніемъ для распространенія новаго ученія *вширь* среди русской интеллигенціи. Но въ виду того, что новое ученіе было не только материализмомъ, а и діалектическимъ материализмомъ—явилась необходимость его развитія и *вглубь*. Отъ ангельсированнаго Гегеля необходимо было перейти къ изученію настоящаго Гегеля. Плехановъ заявлялъ, что Михайловскій знакомъ съ Гегелемъ только „по Льюису“; нельзя же было послѣ этого самимъ марксистамъ ограничиться знакомствомъ съ Гегелемъ только „по Энгельсу“. Пришлось подойти къ самому Гегелю, а далѣе и къ Шеллингу, и къ Фихте, и къ Канту. Разлившись вширь, новое теченіе неизбѣжно должно было развиться и вглубь; съ этого развитія и ведетъ свое начало возрожденіе философской мысли среди русской интеллигенціи.

Начало этого возрожденія было въ то же время, какъ намъ извѣстно, началомъ вырожденія русскаго ортодоксальнаго марксизма. Иначе, впрочемъ и быть не могло. Болѣе близкое знакомство съ системами великихъ нѣмецкихъ мыслителей не могло не обнаружить всей легковѣсности философскаго фундамента марксизма; и хотя русская интеллигенція не вернулась назадъ ни къ Гегелю, ни къ Шеллингу, ни къ Фихте, но она пришла зато назадъ къ Канту, или, вѣрнѣе, къ тому нео-кантіанству, которое стало господствующимъ въ Западной Европѣ за послѣднюю четверть вѣка: и здѣсь мы встрѣчаемся съ вольнымъ или невольнымъ подражаніемъ теченію западно-европейской мысли.

Какъ бы то ни было, но русскіе марксисты пришли прежде всего именно къ нео-кантіанству, слегка очерченную тенденцію къ чему мы найдемъ даже въ „Критическихъ Замѣткахъ“ Струве (1894 г.), который однимъ изъ первыхъ перешелъ къ критической философіи отъ догматической „діалектики“. Въ 1896 - 1898 гг. энгельсированный Гегель трещитъ въ русскомъ марксизмѣ по всѣмъ швамъ; въ марксистскихъ журналахъ („Новое Слово“ 1897 г., „Начало“ 1898 г.) ортодоксальные марксисты съ охотой смертной да участію горькой защищаютъ „неколебимыя твердыни“ діалектическаго матеріализма, яростно упрекая въ „буржуазности“ всѣхъ инако мыслящихъ; но несмотря на это, неколебимыя твердыни воочію разсыпаются прахомъ подъ ударами зараженныхъ „буржуазнымъ нео-кантіанствомъ“ писателей. Въ марксистскомъ журналѣ „Жизнь“ (1899 - 1901 гг.) критическое теченіе признается уже солиднымъ и опаснымъ врагомъ; но противъ представителей его, Струве, Б. Кистяковскаго и др., ортодоксальные марксисты не могутъ выдвинуть ничего существеннаго ¹⁾. Вышедшее же изъ марксизма критическое теченіе пріобрѣтаетъ постепенно увеличивающееся значеніе и съ возрастающимъ успѣхомъ разрабатываетъ, начиная съ 1896 г., рядъ общихъ философскихъ вопросовъ въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“.

Этотъ журналъ, основанный въ началѣ девяностыхъ годовъ проф. Н. Гротомъ, сыгралъ большую роль въ исторіи возрожденія философской мысли въ Россіи; особенное значеніе получилъ онъ, быть можетъ, потому, что не былъ органомъ какой-либо одной философской группы, а напротивъ. былъ въ философскомъ смыслѣ безпартійнымъ. Правда, руководители этого журнала и большая часть его постоянныхъ сотрудниковъ вполне опредѣленно примкнули къ „идеализму“ въ томъ или иномъ его видѣ; но въ то же самое время страницы журнала были всегда открыты для самыхъ „реалистическихъ“ доктринъ и для оживленнаго обмѣна мнѣ-

¹⁾ Изъ уваженія къ заслугамъ Плеханова предпочитаю умолчать здѣсь о рядѣ его статей въ защиту вульгарнаго матеріализма, собранныхъ впоследствии въ его книгѣ „Критика нашихъ критиковъ“: до того всѣ онѣ не выдерживаютъ критики. Отсылаю читателей къ моей статьѣ „Марксистская критика“ (въ книгѣ „Литература и общественность“).

ніями между протівоположними філософскими воззрѣніями. Такимъ образомъ въ журналѣ встрѣчались другомъ съ другомъ гегельянецъ Чичеринъ съ марксистомъ Булгаковымъ, еще не примкнувшій къ неокантіанству Струве съ Влад. Соловьевымъ и кн. С. Трубецкимъ, мистики съ эмпириками, романтики съ реалистами; здѣсь не было мѣста развѣ только плоскому позитивизму и наивному матеріализму, но они и безъ того были достаточно знакомы русской интеллигенціи, еще начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Читатели имѣли такимъ образомъ передъ собою своего рода „парламентъ философскихъ мнѣній“; а вѣдь извѣстно, что ничто такъ не помогаетъ установленію твердой точки зрѣнія на опредѣленный рядъ вопросовъ, какъ присутствіе при диспутѣ на эту тему между „свѣдущими людьми“, при столкновеніи взаимно-протівоположныхъ мнѣній. И если послѣ такого столкновенія, вопреки извѣстной французской пословицы, далеко не всегда появляется на божій свѣтъ истина, то во всякомъ случаѣ всегда является возможность болѣе твердаго критическаго обоснованія вопроса. Въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что сперва трансцендентальный, а затѣмъ и трансцендентный идеализмъ былъ той точкой зрѣнія, къ которой пришло изъ марксизма критическое теченіе. Книга Бердяева („Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“, 1901 г.) и предисловіе къ ней Струве являются характернымъ примѣромъ перехода отъ діалектическаго матеріализма черезъ трансцендентальную философію къ трансцендентной.

III.

Книга Бердяева-Струве была попыткой построения соціологическаго (и именно соціалистическаго) міровоззрѣнія на основѣ трансцендентально-нормативнаго неокантіанства, развитого въ цѣльную и стройную систему Виндельбандомъ, въ чемъ ученикомъ котораго и является въ этой книгѣ Бердяевъ. Книга эта не открывала новыхъ путей передъ русской философской мыслью, а только резюмировала, подводила философскіе итоги критическаго теченія въ марксизмѣ 1895—1900 гг.; въ этомъ ея главная цѣнность вполнѣ отно-

сительнаго характера. Струве въ своемъ предисловіи къ этой книгѣ совершенно опредѣленно возсталъ противъ трансцендентальнаго идеализма и не менѣе опредѣленно сталъ сторонникомъ идеализма трансцендентнаго, не мало не сомнѣваясь въ томъ, что субстанція міра есть духъ и духъ міра есть субстанція. Такимъ образомъ совершилось „преодоленіе Канта“ въ русской философской мысли, а также и начало ея перехода на новую, самостоятельную почву. Въ этомъ отношеніи имена бывшихъ марксистовъ, Струве и Булгакова (тоже однимъ изъ первыхъ совершившаго переходъ отъ „діалектики“ черезъ трансцендентальность къ трансцендентности) должны быть отмѣчены въ исторіи возрожденія философской мысли въ Россіи.

Новое „идеалистическое“ теченіе сыграло во всякомъ случаѣ громадную развивающую роль. Марксизмъ успѣшно ухватился за философію Авенаріуса и Маха, признавъ этимъ самымъ безсиліе философской позиціи діалектическаго матеріализма; господствовавшій раньше позитивизмъ принужденъ былъ занять оборонительное положеніе. Высшей точки успѣха идеалистическое теченіе достигло въ 1903 году, когда появленіе сборника „Проблемы идеализма“ было своего рода событіемъ въ исторіи развитія русской философской мысли. Въ сборникѣ этомъ мирно уживаются рядомъ и трансцендентальный и трансцендентный идеализмъ въ борьбѣ противъ общаго врага—позитивизма; конечно, такой своеобразный симбіозъ могъ быть только временнымъ „тактическимъ“ соглашеніемъ: „программныя“ разногласія были слишкомъ велики, чтобы не вызвать, немедленно послѣ явнаго успѣха, дифференціаціи и раздѣленія реалистовъ и романтиковъ „идеализма“. Первые продолжали разрабатывать философію трансцендентальнаго, вторые чѣмъ дальше, тѣмъ больше погружались въ философію трансцендентнаго, подходя къ послѣднему этапу возродившейся русской философской мысли, впервые не зависящему непосредственно отъ философіи западно-европейской.

Книга Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ объявила войну настолько же субъективизму Михайловскаго, насколько и ортодоксальному марксизму; авторъ этой книги ведетъ борьбу на два фронта, провозглашая слабость философско-со-

ціологічних концепцій и народництва и марксизма, и позитивизма Михайловскаго, и діалектическаго матеріалізма Плеханова. Авторъ признаеть, что „філософія марксизма очень хромаеть“; онъ совершенно отрицаетъ понятіе правовой надстройки на экономическомъ фундаментѣ и указываетъ, что экономическій процессъ совершается въ психической средѣ; онъ возстаеть, далѣе, противъ Zusammenbruchs и Verelendungstheorie; онъ порицаетъ оптимистическій фатализмъ ортодоксальныхъ марксистовъ (но не Маркса)—и всѣмъ этимъ присоединяеть себя къ практическому теченію въ русскомъ марксизмѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ доходитъ до такихъ еретическихъ утвержденій, какъ, на примѣръ, слѣдующее: „мы прекрасно видимъ отрицательныя, хищническія стороны развитія капитализма, нравственно протестуемъ противъ нихъ всегда, но фактически далеко не всегда въ силахъ что-нибудь съ ними подѣлать“. Или: „мы можемъ признавать свое безсиліе въ аграрномъ вопросѣ, но мы должны нравственно протестовать противъ хищническихъ сторонъ того процесса, который совершается въ крестьянской жизни“.

Все это достаточно рѣзкій разрывъ съ марксизмомъ, но мы уже знаемъ, что Бердяевъ не былъ первымъ на этомъ пути; не былъ онъ первымъ также, и на пути приближенія къ субъективизму Михайловскаго. Выступая со своей книгой противъ Михайловскаго, Бердяевъ, однако имѣлъ мужество признатъ, что во многомъ онъ стоитъ ближе къ Михайловскому, чѣмъ къ его противникамъ девяностыхъ годовъ. Вся первая половина книги сводится въ концѣ концовъ къ признанію четырехъ основныхъ пунктовъ субъективизма Михайловскаго; мы уже имѣли случай указывать, что эти четыре пункта суть—признаніе психологическаго a priori, признаніе категоріи справедливости и категоріи возможности въ соціологіи и, наконецъ, признаніе принципа телеологизма. Но, повторяемъ еще разъ, что было бы глубоко ошибочно видѣть въ этомъ возвращеніе „назадъ къ Михайловскому“! Наоборотъ, „нео-идеализмъ“ Бердяева, какъ реннымъ образомъ расходится съ Михайловскимъ въ основныхъ пунктахъ міровозрѣнія, и субъективизму широчайшаго изъ индивидуалистовъ противопоставляетъ объективизмъ трансцендентально-нормативнаго нео-кантіанства.

Мы помнимъ, что еще авторъ „Критическихъ Замѣ-

токъ“ пробовавъ (въ 1894 г.) опереться на критическую философію; мы указывали на статьи Б. Кистяковского (1900 г.), затронувшаго соціологическія проблемы на почвѣ гносеологии (не безъ вліянія Риккерта); книга Бердяева-Струве является въ этомъ ряду наиболѣе полнымъ созиданіемъ міровоззрѣнія на фундаментѣ нормативно-трансцендентальнаго кантіанства, и въ этомъ—главное значеніе этой книги. Слишкомъ очевидно, что „нормативный объективизмъ“ отнюдь не является возвращеніемъ къ „антропоцентрическому субъективизму“ Михайловскаго: сходясь въ частичныхъ результатахъ, они вполне расходятся и въ конечныхъ выводахъ, и въ начальныхъ посылакахъ. Такъ, напримѣръ, оба они принимаютъ телеологическій принципъ, но телеологизмъ Михайловскаго покоится на отрицаніи объективной телеологии и признаніи телеологии субъективной: „я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей; но у меня есть цѣли и я ихъ достигну“—вотъ его точка зрѣнія; наоборотъ, „идеалисты“ стоятъ на точкѣ зрѣнія объективной телеологии, согласно которой „человѣкъ есть объективная, т.-е. общеобязательная цѣль историческаго процесса“. Признаніе телеологизма равносильно введенію этики въ соціологию; и въ этой области Михайловскій вводитъ въ свою формулу прогресса субъективно-этической элементъ, считая справедливымъ и разумнымъ только то, что приближаетъ индивидуума къ цѣльности. Бердяевъ-Струве точно также признаютъ неизбежность этики въ соціологии: „мы тоже вкладываемъ въ слово *прогрессъ* этической смыслъ,—говорятъ они—но не субъективно-этической, а *объективно-этической*“. Иначе говоря, они постулируютъ прогрессивность соціальнаго процесса какъ нѣчто самоочевидное и въ противоположность Михайловскому признаютъ прогрессъ объективной санкціей нравственности. Мы видимъ такимъ образомъ, что эти воззрѣнія лежатъ въ двухъ диаметрально-противоположныхъ плоскостяхъ; тѣмъ интереснѣе, что они совпали хотя бы въ принципиальномъ согласіи о необходимости телеологизма и категоріи справедливости въ соціологии.

Во многомъ мы не раздѣляемъ тѣхъ взглядовъ, которые Бердяевъ-Струве проводили въ разбираемой нами книгѣ, такъ какъ стоимъ на точкѣ зрѣнія не трансцендентальнаго нормативизма, а имманентной философіи;

но эти разногласія не мѣшаютъ намъ признать, что въ книгѣ этой и статьяхъ единомышленниковъ русская социалистическая мысль вышла, наконецъ, на вѣрный путь изъ того позитивнаго тупика, въ которомъ она беспомощно толклась болѣе полувѣка.

Начинается новый періодъ въ исторіи русской философской мысли, новая полоса въ эволюціи русской интеллигенціи; старые идеалы получили новую точку опоры, получили нѣсколько иную форму и измѣнили свой центръ тяжести. Ортодоксальному народничеству и ортодоксальному марксизму это новое критическое теченіе нанесло рѣшительные удары и, повергнувъ плохо вооруженныхъ враговъ, продолжало свою дальнѣйшую внутреннюю эволюцію.

IV.

Въ книгѣ Бердяева-Струве намъ цѣнно обоснованіе міровоззрѣнія на твердой почвѣ критической философіи; надо однако сказать, что этотъ этапъ въ исторіи русской мысли былъ въ высокой степени непродолжительнымъ. Правда, отдѣльныя лица остались на этой почвѣ трансцендентальнаго апріоризма, но общее теченіе русской мысли съ головокружительной быстротой понеслось дальше по пути къ метафизическому идеализму, къ спиритуализму, къ мистицизму. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ авторомъ „Критическихъ Замѣтокъ“, которому принадлежитъ (вмѣстѣ съ С. Булгаковымъ) несомнѣнный пріоритетъ въ переходѣ отъ критической философіи къ крайнимъ системамъ метафизическаго спиритуализма. Въ то время какъ исповѣданіемъ вѣры Бердяева былъ еще телеологическій критицизмъ, Струве излагалъ свое міровоззрѣніе въ духѣ метафизическаго идеализма. Впервые онъ сдѣлалъ это подробно въ своемъ обширномъ „Предисловіи“ къ книгѣ Бердяева.

Въ этомъ предисловіи Струве дѣлаетъ рѣшительный поворотъ отъ трансцендентальнаго-нормативнаго неокантіанства въ сторону метафизики; этической индивидуализмъ онъ обосновываетъ на индивидуализмѣ метафизическомъ: онъ вводитъ понятіе *метафизической личности*, на ряду съ личностью эмпирической; иначе говоря, онъ принимаетъ категорію субстанціи и связан-

ную съ ней категорію свободы, относительно которыхъ онъ утверждаетъ, что онѣ „находятся въ нашемъ познаніи“. Аргументы въ пользу субстанціального пониманія души онъ считаетъ „метафизически неопровержимыми“, ибо само „понятіе душевной дѣятельности требуетъ понятія душевной субстанціи“. Уже отсюда авторъ „Предисловія“ выводитъ свой этической индивидуализмъ, на этомъ онъ основываетъ принципъ чело-вѣка-самоцѣли; „я глубочайшимъ образомъ увѣренъ въ томъ,—заявляетъ онъ,—что идея равноцѣнности людей, какъ продуманное до конца философское убѣжденіе, опирается на идею субстанціального бытія духа“... Идея равноцѣнности и равенства людей неизбежно дополняется идеей индивидуальности, ибо этика требуетъ не равенства безразличія, а равенства многообразія: „нравственно необходимы въ равенствѣ моменты: во-1-хъ, *самоцѣльности* чело-вѣка—чело-вѣкъ никогда не можетъ быть рассматриваемъ, какъ чье-либо орудіе—и, во-2-хъ, воплощенія въ *каждомъ* чело-вѣкѣ высшаго блага въ формѣ чело-вѣческой индивидуальности“... Такъ окончательно пришелъ къ этическому индивидуализму раньше столь враждебный ему марксистъ. „Метафизически этической индивидуализмъ сводится—говоритъ онъ—къ признанію множественности самодѣятельныхъ духовныхъ субстанцій. Этика вся покоится въ этомъ смыслѣ на индивидуализмѣ, ибо этическая проблема возникаетъ изъ отношеній между равноцѣнными и автономными духовными субстанціями, стремящимися воплотить въ себѣ абсолютное добро“...

Здѣсь передъ нами налицо то, что мы хотѣли бы назвать „метафизическимъ индивидуализмомъ“. Мы не стоимъ на этой точкѣ зрѣнія: для насъ понятіе „душевной субстанціи“ является только психологическимъ терминомъ, отнюдь не необходимымъ для построенія понятія душевной дѣятельности; мы полагаемъ, что этической индивидуализмъ можетъ опираться не на метафизику, а на критическую философію. Но теперь дѣло идетъ не объ этихъ частныхъ противорѣчій, а о признаніи этического индивидуализма, на что бы онъ ни опирался—на метафизику ли, или на телеологическій критицизмъ: въ этомъ признаніи мы приходимъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и авторъ „Предисловія“, хотя и стоимъ на разныхъ плоскостяхъ. Интересно однако

замѣтить, что и Струве тщательно подчеркиваетъ дуализмъ а priori логическаго и а priori этическаго, сущаго и должнаго; онъ не понимаетъ стремленія къ монистическому міровоззрѣнію; онъ заявляетъ, что монизмъ не имѣетъ въ свою пользу никакой презумпціи, хотя готовъ признать „сверхъопытное единство сущаго и должнаго“; если метафизически сущее и должное едины, то гносеологически они глубоко различны.

Придя къ такому дуализму, Струве тѣмъ самымъ пришелъ и къ дуализму истиннаго и сущаго съ должнымъ, или, какъ онъ самъ выражается, совѣсти интеллектуальной и совѣсти этической; онъ устанавливаетъ дуализмъ сущаго и должнаго, совершеннѣйшую несоизмѣримость этихъ категорій: такъ былъ рѣшенъ вопросъ о двуединой правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, уже давно формулированный Михайловскимъ. Рѣшеніе это было дано Кантомъ: правда-сущее и правда-должное объективно не соединимы, а едины только субъективно, въ цѣльной человѣческой личности. Если бы Михайловскій владѣлъ оружіемъ критической философіи, то онъ не началъ бы chercher midi а quatorze heures, не ломился бы въ открытыя двери, а понялъ бы, что рѣшеніе Канта—рѣшеніе окончательное и что нельзя „объективно“ слить истину и справедливость. Впрочемъ, смѣшеніе должнаго и сущаго у Михайловскаго замѣтнаѣ всего въ 70-хъ годахъ; наоборотъ въ 90-хъ годахъ въ борьбѣ съ марксистами онъ самъ настаивалъ на различіи этихъ категорій.

Ортодоксальный марксизмъ и ортодоксальное народничество стали въ одинаково враждебныя отношенія къ новому идеалистическому теченію русской мысли; повторилась старая исторія гоненія на народничество со стороны и эпигоновъ славянофильства и эпигоновъ западничества. Интересно, что чувствуя свое безсиліе противъ критической философіи, ортодоксальные марксисты и народники схватились за одно и то же оружіе—за эмпирио-критицизмъ Авенаріуса, и съ трогательнымъ единодушіемъ повели борьбу противъ новаго врага; нельзя, однако, признать особенно удачными ни результаты борьбы, ни самое оружіе. Слишкомъ слабые философскіе удары не причиняли урона міровоззрѣнію „идеалистовъ“, которые даже съ явной неохотой парировали ихъ; настолько же неудачной слѣдуетъ признать и по-

пытку дискредитировать новое теченіе, ставя метафизическій идеализмъ въ логическую связь съ реакціонными общественными теченіями.

На возраженіяхъ эпигоновъ марксизма и народничества намъ не приходится долго останавливаться: возраженія эти, по справедливому замѣчанію одного изъ „идеалистовъ“, мало вдохновляютъ къ отвѣту, такъ какъ показываютъ только легкость философскаго багажа ихъ авторовъ. Достаточно будетъ одного примѣра: въ отвѣтъ на сборникъ статей „Проблемы Идеализма“ эпигоны марксизма выпустили свой сборникъ „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“ (1903 г.); достаточно познакомиться съ любой изъ философскихъ статей этого сборника, чтобы убѣдиться, какъ бьютъ мимо цѣли всѣ громы, обрушиваемые эпигонами марксизма на головы „идеалистовъ“. Такъ, на примѣръ, нѣкто Базаровъ въ обширной статьѣ сражается съ основоположеніями трансцендентальнаго априоризма; онъ доказываетъ, что законы логики не имѣютъ общеобязательнаго значенія. Доказываетъ онъ это слѣдующимъ образомъ: законъ тождества „ $A = A$ “ не обладаетъ, по его мнѣнію, силой необходимости, ибо тождество это состоитъ изъ *словъ*, а слова мѣняютъ свое значеніе!.. Вся философская система Гегеля построена на постоянной перемѣнѣ словомъ его значенія, т.-е. на принципѣ „ $A \neq A$ “, или „ $A = \text{не } A$ “. „...У Гегеля слово постоянно мѣняетъ свое значеніе въ процессѣ мышленія—именно въ этомъ и состоитъ діалектической методъ“ (!). Такимъ образомъ діалектическая логика Гегеля есть система мышленія „внѣ закона тождества“; какъ же послѣ этого можно настаивать на общеобязательности логическихъ нормъ? („Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“; Базаровъ: „Авторитарная метафизика и автономная личность“, стр. 203—204. Тутъ кое-что заимствовано отъ Тренделенбурга,—см. Trd, II, 157; §§ 2—9 и др.,—причемъ, однако, жестоко перепутано). Достаточно прочесть одинъ этотъ отрывокъ, блестящій такимъ своеобразнымъ номинализмомъ и, пожалуй, дѣйствительно являющій примѣръ мышленія „внѣ законовъ логики“, чтобы отказаться отъ намѣренія стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ, вскрывать ошибки подобныхъ возраженій. Поэтому мы пройдемъ мимо этой мало интересной полемики позитивнаго ла-

геря съ „идеалистами“; позицію метафизическаго идеализма мы считаемъ уязвимою только съ точки зрѣнія трансцендентально - критической философіи, которую такъ упорно отрицаютъ позитивисты.

V.

Книга Бердяева съ „Предисловіемъ“ къ ней Струве явилась критическими пролегоменами къ новому теченію; дальнѣйшее свое развитіе идеи „идеализма“ получили въ сборникѣ статей двѣнадцати авторовъ—„Проблемы идеализма“ (1903 г.) Эти „двѣнадцать апостоловъ“ новаго теченія (какъ ихъ тогда иронически называли) въ рядѣ статей останавливаются на вопросѣ объ „этической личности“, подчеркиваютъ абсолютную самоцѣнность ея, выводятъ изъ нея понятіе „нравственности“, разбираютъ понятіе „эгоизма“. Ибо прежде всего возникаетъ вопросъ: на какой личности должна быть построена нравственность, на „я“ или „ты“? Это приводитъ къ рѣшенію проблемы эгоизма, на которой мы уже не разъ останавливались въ предыдущемъ изложеніи. Приматъ „ты“ надъ „я“, проповѣдуемый ходячимъ альтруизмомъ, является глубоко анти-индивидуалистической концепціей въ этикѣ: во-первыхъ, этика совершенно не знаетъ понятія „ты“, содержаніе котораго только отрицательно („не-я“); во-вторыхъ, основной принципъ этики о чело-вѣкѣ, какъ самоцѣли, устраняетъ даже самое раздѣленіе „я“ и „ты“, ибо „высшее нравственное сознаніе требуетъ, чтобы каждый чело-вѣкѣ относился къ каждому другому чело-вѣку не какъ къ *ты*..., а какъ къ *я*, къ такой же цѣли самой въ себѣ, какъ и онъ самъ“... Такимъ образомъ, „въ этикѣ мы должны признать не только приматъ *я* (личности, духовной индивидуальности), но даже должны признать это *я* единственнымъ элементомъ этики... Наше настоящее *я*, то *я*, которое имѣетъ абсолютную цѣнность, которое мы должны утверждать и осуществлять и за права котораго мы должны бороться; это—духовное, идеальное *я*, наша нравственно - разумная природа. Быть эго-истомъ въ этомъ смыслѣ слова и значить быть нравственнымъ чело-вѣкомъ, быть личностью“.

Отсюда еще разъ ясно, что этической индивидуализмъ не имѣетъ ни единой точки соприкосновенія съ

эгоизмомъ въ его обычномъ смыслѣ, противопоставляемомъ альтруизму. Съ этой точки зрѣнія утилитаризмъ—безразлично, будетъ ли онъ эгоистическимъ или альтруистическимъ—является несомнѣнно *этическимъ анти-индивидуализмомъ*, ибо принципъ „блага большинства“ несомнѣнно противорѣчитъ основному принципу индивидуалистической этики — *человѣку-самоцѣли*. (Мы отмѣчали это, говоря о дѣятеляхъ шестидесятыхъ годовъ). Этика совершенно пренебрегаетъ „благомъ большинства“ и даже вообще „благомъ другого“, ибо, во-первыхъ, благо и долгъ не стоятъ ни въ какой логической связи, а во-вторыхъ, „нравственная проблема не есть проблема стадности, ...она не рѣшается ни государствомъ, ни общественнымъ процессомъ, ни судомъ людей, это внутренняя индивидуальная проблема *человѣческаго я*, стремящагося къ идеальному совершенству“.

Однако, вопросъ о личности является не только проблемой этики, но и социологіи; и „Проблемы идеализма“ останавливаются также и на этомъ вопросѣ о взаимоотношеніи личности и общества.

Вопросъ этотъ—одна изъ задачъ философіи права: неудивительно поэтому, что индивидуалистическое теченіе, проявившееся въ русской мысли конца XIX вѣка, не могло не затронуть вопросовъ философіи права.

Принципъ естественнаго права находится въ непосредственной связи съ основоположеніями трансцендентальнаго нормативизма, съ его рѣзкимъ дуализмомъ сущаго и должнаго. Монистическія теоріи, поглощавшія должное сущимъ, отрицали самое понятіе естественныхъ правъ личности—свободы и равенства, и устанавливали только право положительное, покоящееся на историческомъ базисѣ и являющееся отраженіемъ „сущаго“, организмомъ, развивающимся „по законамъ эволюціи“ (какъ будто есть такіе законы!). Должнаго нѣтъ; надо изучать только сущее. Такова была исходная точка исторической школы юристовъ. Слишкомъ общеизвѣстно, что благодаря такой точкѣ зрѣнія историческая школа впала въ крайній анти-индивидуализмъ: „для историческаго созерцанія—заявляютъ „Проблемы идеализма“—общій ходъ событій есть все, а личность—ничто“... Личность есть только производная эпохи, среды, класса (—„національнаго духа“, какъ

обобщалъ и абстрагировалъ Савиньи), а отсюда и возникла проповѣдь „о смиреніи личности передъ общимъ ходомъ событій“... Только со времени возрожденія критической философіи въ концѣ XIX вѣка стало возможнымъ противодѣйствовать такой рѣзко анти индивидуалистической точкѣ зрѣнія и, опираясь на дуализмъ сущаго и должнаго, воскресить естественное право съ его яркимъ этическимъ индивидуализмомъ и безъ того рационализма, который былъ присущъ ему въ XVIII столѣтіи.

Точка зрѣнія исторической школы на право была совершенно аналогична отношенію историческаго материализма къ социологіи: объ эти доктрины несомнѣнно фаталистичны, въ чемъ отчасти были грѣшны и Марксъ и Савиньи, не говоря уже объ ихъ ортодоксальныхъ послѣдователяхъ. Крайній детерминизмъ этихъ теорій заключался именно въ полномъ отрицаніи категоріи должнаго: право, какъ и всякій организмъ, развивается закономерно и естественно, такъ что „естественное право“ есть именно право положительное. Непреложныя силы, стоящія внѣ воздѣйствія чловѣка, ведутъ по строго опредѣленному пути развитія все чловѣчество въ его социальныхъ, правовыхъ, экономическихъ отношеніяхъ: въ этомъ сходились ортодоксальные марксисты и ортодоксальные савиньисты. Естественное право было объявлено такой же „утопіей“, какъ въ былыя времена субъективная социологія, ибо оба они отстаивали этическую точку зрѣнія въ правѣ и социологіи. Надо, впрочемъ, сказать, что русская юридическая наука никогда не имѣла въ своей средѣ видныхъ представителей этой крайне анти-индивидуалистической школы: наиболѣе видные дѣятели въ этой области (Муромцевъ, Коркуновъ, Дювернуа и др.) склонялись къ историко-социологической точкѣ зрѣнія, а не были представителями чистаго историзма; во всякомъ случаѣ однако они относились вполне отрицательно къ идеѣ естественнаго права и отнюдь не были сторонниками индивидуализма, такъ что только въ концѣ XIX вѣка у насъ родился въ области права индивидуализмъ, вслѣдствіе соединенія идеи естественнаго права съ основоположеніями критической философіи.

Возражая исторической школѣ, „Проблемы идеализма“ утверждаютъ, что право не только историче-

ское и общественное явление -- это только одна сторона вопроса; съ другой стороны право, равно какъ и мораль, является принципомъ личности. Посему недостаточно соціологическое изученіе права или психологическое; необходимо изучать право и какъ нормативно-этическое явленіе; отсюда вытекаетъ связь естественнаго права съ индивидуализмомъ. „Въ качествѣ идеала, создаваемого въ силу несовершенствъ существующаго порядка, естественное право можетъ служить для самыхъ различныхъ стремленій; но съ давнихъ поръ оно сроднилось съ индивидуализмомъ, какъ съ наиболѣе законной формой своего выраженія, и въ этомъ видѣ, на этой почвѣ оно получило свое широкое развитіе“. На почвѣ же критической философіи естественное право тѣмъ болѣе развилось въ формахъ этического индивидуализма.

Съ точки зрѣнія философіи право есть явленіе нормативно-этическое, а потому, „поставивъ вопросъ на почву этики, мы этимъ самымъ оправдали индивидуализмъ защищаемаго воззрѣнія. Ибо индивидуализмъ является исходнымъ пунктомъ всѣхъ моральныхъ опредѣленій... Индивидуализмъ является въ такой мѣрѣ принадлежностью этики, что эти два понятія можно признать синонимами“, — ибо центромъ этики можетъ быть только индивидъ, самоопредѣляющаяся личность, личность свободная этически, хотя и связанная соціологически: „личность, это — грань между царствомъ необходимости и царствомъ свободы“. Съ одной стороны она является абсолютно самодержавной, съ другой стороны — она связана обществомъ; „въ общественныхъ союзовъ личность не можетъ проявить всей полноты, всего содержанія нравственныхъ цѣлей, но съ другой стороны, въ автономной личности нѣтъ и вовсе нравственности“. Обычное возраженіе общественниковъ, что-де нравственность есть производная соціальной среды, бьетъ мимо цѣли, ибо генетическое объясненіе нравственности нисколько не опровергаетъ ея абсолютнаго значенія, какъ нормы, а индивидуализмъ, какъ принципъ морали, не отрицаетъ историческихъ формъ нравственности. „Этический индивидуализмъ вовсе не имѣетъ въ виду отрицать необходимость соціальной среды для проявленія нравственнаго закона. Напротивъ, какъ только мы формулировали нравственную норму

личности какъ законъ *всеобщаго* долженствованія, а это и есть основная формула морали. мы этимъ самымъ уже предположили существованіе не одной, а нѣсколькихъ личностей и поставили категорическій императивъ въ извѣстную связь съ остальнымъ міромъ“. Такимъ образомъ, этической индивидуализмъ отъ морали субъективной переходитъ къ морали объективной, цѣль и направленіе которой онъ и указываетъ: „развитіе общественной среды имѣетъ своей конечной задачей возвышеніе нравственнаго достоинства и нравственнаго самосознанія лицъ; этимъ опредѣляется нормальное отношеніе общества къ своимъ членамъ“.

Мы видимъ такимъ образомъ, что идеализмъ приходитъ къ тому этическому и соціологическому номинализму, за который самъ же онъ такъ жестоко нападалъ на Михайловскаго... Новыя птицы — старыя пѣсни, или по крайней мѣрѣ пѣсни на старый ладъ; читатель знаетъ, что этому старому ладу мы глубоко сочувствуемъ, признавая однако, что „идеализмъ“ подвелъ прочный философскій фундаментъ подъ вѣрныя положенія Михайловскаго: точки опоры ихъ различны — у Михайловскаго эта точка опоры весьма мало надежна — но выводы и результаты одинаковы. Вотъ, на примѣръ, „идеалисты“ оспариваютъ воззрѣнія крайнихъ общественниковъ и приверженцевъ органической теоріи общества: „основаніемъ и цѣлью является не общество, а лицо, — говорятъ они; — такъ называемый общественный организмъ не имѣетъ самостоятельнаго бытія: онъ существуетъ только въ лицахъ; это — единственная реальность, черезъ которая появляется духъ общенія. Общественный организмъ есть не болѣе какъ отвлеченіе, подъ которымъ понимается совокупность отдѣльныхъ лицъ“. Подкрѣпляя этотъ взглядъ, они ссылаются на мнѣніе Чичерина въ его „Философіи права“; съ гораздо большимъ правомъ они могли бы сослаться и на Михайловскаго, который еще на тридцать лѣтъ ранѣе ясно и подробно выяснилъ точку зрѣнія соціологическаго номинализма и индивидуализма.

VI.

Заслуга „идеализма“ заключается въ томъ, что онъ попытался обосновать соціологическій номинализмъ и

индивидуализмъ на индивидуализмъ этическомъ, на что мы уже неоднократно указывали.

Правда, „идеалистическому индивидуализму“ на удалось рѣшить проблемы социологическаго индивидуализма; „проклятые вопросы“, формулированные Михайловскимъ, остаются безъ отвѣта. Соціальный прогрессъ не давить ли реальную личность? глубина совмѣстима ли съ широтой? гдѣ указанъ путь для реальной эмпирической личности къ ея гармоничному сочетанію съ обществомъ? Намъ говорятъ, что общество должно быть надлежащимъ образомъ организовано — каковъ же процессъ, который приведетъ къ цѣли, не поработая реальную личность? На все это мы не находимъ отвѣта, нигдѣ не находимъ попытки доказать, что Михайловскій ошибался, принимая принципъ обратной пропорціональности широты и глубины. На нѣтъ и суда нѣтъ; поэтому и мы, минуя критику русскаго идеализма, продолжимъ изученіе его эволюціи.

Въ журналѣ идеалистовъ („Новый Путь“, съ октября 1904 г.; съ 1905 г.— „Вопросы Жизни“) мы встрѣчаемъ развитіе и продолженіе тѣхъ взглядовъ, съ которыми мы познакомились въ „Проблемахъ идеализма“. Придя къ социологическому индивидуализму, „идеалисты“ наконецъ сознали свой старый грѣхъ—свое отрицательное отношеніе къ Михайловскому; теперь они раскаиваются, что „въ пылу полемики мы часто бывали несправедливы и даже грубы по отношенію къ этому замѣчательному человѣку“, котораго теперь они называютъ противникомъ, другомъ и отцомъ... Такъ произошелъ синтезъ въ лицахъ между марксизмомъ и народничествомъ.

Объ этомъ же синтезѣ, между прочимъ, говоритъ и Булгаковъ въ рядѣ интересныхъ статей „Идеализмъ и общественныя программы“. „Развитіе общественной мысли и жизни—говоритъ онъ—заставило выработать изъ этихъ двухъ несогласимыхъ, казалось, противоположностей (марксизма и народничества) нѣчто общее и безспорное, причемъ пришлось сдѣлать существенныя уступки—къ чему таить—объимъ сторонамъ“. Очевидно, что уступка марксизма заключалась главнымъ образомъ --не говоря пока объ аграрномъ вопросѣ-- въ принятіи идеи индивидуализма. „...Личности, какъ соціальной единицы, марксизмъ въ сущности не знаетъ, онъ

этически анти-индивидуалистиченъ“. Точку зрѣнія свою и своихъ соратниковъ Булгаковъ называетъ „идеалистическимъ индивидуализмомъ“, ибо „идеализмъ характеризуется послѣдовательнымъ и сознательнымъ *индивидуализмомъ*, имѣющимъ своей основой религіозно-метафизическій и этический индивидуализмъ, ученіе о безмѣрной и абсолютной цѣнности каждой живой человеческой души, каждой индивидуальности“... Практическая же его программа выражается въ двухъ словахъ — социаль-индивидуализмъ, социализмъ какъ средство, индивидуализмъ какъ цѣль: по выраженію Булгакова, „социализмъ есть исторически необходимое средство для торжества индивидуализма“. Выясняя подробнѣе общественную программу идеализма, Булгаковъ приходитъ къ выводу: неизбѣжнымъ проявленіемъ этического индивидуализма является политическій либерализмъ...

Вполнѣ признавая наличность либерализма въ „идеалистическомъ“ міровоззрѣніи, мы, однако, видимъ возможность рѣшенія проблемы индивидуализма только социализмомъ, который сочетаетъ личность съ обществомъ, право съ экономикой, народное благосостояніе съ національнымъ богатствомъ. Право есть форма, экономика — содержаніе; индивидуализмъ въ правѣ требуетъ свободы личности, но этотъ же принципъ, примѣненный въ такой же формѣ къ экономикѣ, ведетъ къ порабощенію личности — Михайловскій достаточно ясно доказалъ это своѣй критикой либерально-доктринерскаго манчестерства. Противорѣчіе на-лицо; не трудно видѣть, что оно параллельно антагонизму между личностью и обществомъ. Мы утверждаемъ однако, что противорѣчіе это теоретически и практически устранимо: мы предвидимъ такія общественныя формы, которыя гармонично сочетаютъ право съ экономикой и личность съ обществомъ; только тогда будетъ практически рѣшена вѣковая проблема индивидуализма. Если это утопизмъ, то утопизмъ совершенно неизбѣжный: отрицая его, мы вычеркиваемъ изъ нашего лексикона слово „идеаль“. Ортодоксальные марксисты пробовали совершить надъ своею мыслью такую висекцію: мы хорошо помнимъ всѣ ихъ громы, направленные на голову „утописта“ Михайловскаго; идеализмъ и въ этомъ вернулся къ „утопизму“. И недаромъ повторялъ онъ слова Гете:

Nur allein der Mensch
Vermag das Unmögliche.
Er unterscheidet,
Wählet und richtet;
Er kann dem Augenblick
Dauer verleihen...

Такое возвращеніе къ „утопизму“ составляетъ одну изъ заслугъ „идеализма“ и реакцію фаталистическому міровоззрѣнію девяностыхъ годовъ. Широкій „либерализмъ“, въ формулу котораго вылилось это возвращеніе, отличался, правда, неопредѣленностью программы, но это и не удивительно, такъ какъ онъ ставился *цѣлью*, а не средствомъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: либерализмъ идеалистовъ былъ въ то время *демократическаго* характера, ибо они были согласны въ томъ, что средствомъ и методомъ либерализма въ условіяхъ настоящей минуты можетъ быть только демократизмъ. Они полагали даже, что „недемократическій либерализмъ“ есть въ сущности *contradictio in adjecto*; они забывали добавить только, что это—лишь до поры до времени, до перваго столкновенія „либерализма“ съ социализмомъ не на бумагѣ, а на землѣ. 1905-ый и 1917-ый годы показали это впоследствии съ достаточной ясностью.

Резюмируемъ въ немногихъ словахъ общее направленіе идеалистическаго движенія. Сами идеалисты характеризовали свои воззрѣнія различнѣйшими заголовками: одни считали себя „идеалистическими индивидуалистами“ другіе стояли на почвѣ „соціологическаго и этическаго номинализма“; третьи называли свою точку зрѣнія „спиритуалистическимъ индивидуализмъ, этическимъ пантеизмомъ и этическимъ номинализмомъ“ и т. п.; но дѣло не въ названіи, а въ міровоззрѣніи. Оно же—ясно характеризовалось этическимъ и соціологическимъ индивидуализмомъ; и какъ бы мы ни относились къ этимъ „идеалистамъ“ и ихъ позднѣйшей „регрессивной эволюціи“, но все же, говоря объ этомъ теченіи самаго начала XX вѣка, мы раздѣляемъ его глубокой этической и соціологической индивидуализмъ, его яркое антимѣщанство, его былой девизъ „черезъ социализмъ къ индивидуализму“, это своего рода „*per aspera ad astra*“...

VII.

Этимъ мы и закончимъ наше знакомство съ „идеалистическимъ индивидуализмомъ“, оставляя до слѣдующихъ главъ изученіе его дальнѣйшей эволюціи и его разложенія; обратимся теперь не къ будущему, а къ прошлому „идеалистическаго индивидуализма“, не къ его духовнымъ дѣтямъ, а къ его идейнымъ предкамъ. Если говорить пока не объ общемъ теченіи русской мысли, а объ ея отдѣльныхъ представителяхъ, то „идеалистическій индивидуализмъ“ окажется связаннымъ съ такими разнообразными именами, какъ имена Достоевскаго, Михайловскаго, Чичерина и Вл. Соловьева. Метафизическій индивидуализмъ ярко сказался прежде всего въ системѣ замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ философовъ, Вл. Соловьева. Посвящая ему здѣсь только нѣсколько словъ, мы сознаемъ, что слѣдовало бы пополнить этотъ пробѣлъ и подробно разобрать отношеніе этого замѣчательнаго мыслителя къ личности и человѣку. Въ настоящей работѣ мы можемъ, однако, лишь слегка коснуться возрѣній Вл. Соловьева, имѣя въ виду главнымъ образомъ только его отношеніе къ идеалистическому теченію.

Мы сказали, что Вл. Соловьевъ былъ метафизическимъ индивидуалистомъ: его теистическая философія, признаніе субстанціи души, ученіе о Логосѣ, о міровой душѣ, объ автономности категорій абсолютнаго Добра — достаточно подтверждаютъ такое опредѣленіе. Не останавливаясь подробно на всемъ этомъ, мы только въ немногихъ словахъ отмѣтимъ отношеніе Вл. Соловьева къ проблемѣ индивидуализма.

Въ небольшой статейкѣ на эту тему, Соловьевъ подраздѣляетъ индивидуализмъ на метафизическій (теоретическій) и практическій; о первомъ рѣчь будетъ ниже, а ко второму, подъ которымъ Соловьевъ понимаетъ индивидуализмъ главнымъ образомъ соціологическій, Соловьевъ относился отрицательно, считая въ корнѣ неправильнымъ противоположеніе индивидуальнаго и общественнаго элемента. Индивидуальный и общественный элементъ, заявляетъ онъ, должны совмѣщаться въ сознательной нравственной солидарности, не ограничивая, а восполняя другъ друга: „личность—динамиче-

скій элементъ, общество — статическій; исторія — ихъ взаимное треніе“ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Историческій процессъ онъ опредѣляетъ какъ „постепенное расчлененіе и индивидуализацію частныхъ сферъ человѣческой жизни, при возрастающемъ взаимодействіи людей и объединеніи цѣлаго человечества“.

Достаточно ясно изъ этого, что Вл. Соловьевъ отрицательно относится только къ крайнему индивидуализму въ соціологіи, являясь самъ въ этой области чистой воды индивидуалистомъ. Такимъ же индивидуалистомъ является онъ и въ этикѣ, что мы могли бы подтвердить ссылками на многія мѣста изъ его „Критики отвлеченныхъ началъ“, „Оправданія Добра“, „La Russie et l'église universelle“ и „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ и др. Человѣкъ цѣль, а не средство — повторяетъ онъ вслѣдъ за Кантомъ, будучи, однако, далекъ отъ рационализма великаго нѣмецкаго философа; его интересуетъ не „человѣкъ“, какъ голая идея, а человѣческая личность, реальная личность: „личность человѣческая, — пишетъ онъ, — и не личность человѣческая вообще, не отвлеченное понятіе, а дѣйствительное живое лицо, каждый отдѣльный человѣкъ — имѣетъ безусловное, божественное значеніе“.

Центръ тяжести системы Вл. Соловьева лежитъ, однако не въ этическомъ и не въ соціологическомъ, а въ метафизическомъ индивидуализмѣ. Интересно, что самъ Вл. Соловьевъ считалъ себя метафизическимъ индивидуалистомъ, одинаково возставая противъ противоположныхъ его крайностей; это онъ высказалъ съ иной терминологіей въ своемъ блестящемъ предисловіи къ переводу тусклой и сѣрой книги Гелленбаха „Der Individualismus“ („Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи и современной философіи“, изд. А. Н. Аксакова, 1884 г.). Анти-индивидуализмомъ онъ признаетъ тамъ механистическія теоріи естествознанія, ультра-индивидуализмомъ — абсолютистическія теоріи нѣмецкой метафизики (главнымъ образомъ Гегель); и тѣ и другія совершенно уничтожаютъ личность: первыя разлагаютъ вселенную и человѣка на механизмъ движенія вещества или перераспредѣленія энергіи, вторыя поглощаютъ личность, которая теряется какъ переходящій моментъ въ безразличіи Абсолюта. Метафизическій анти-индиви-

дуализмъ утверждаетъ, что человѣческая личность есть лишь комплексъ и комбинація отдѣльныхъ элементовъ; метафизическій ультра-индивидуализмъ утверждаетъ, что реальная личность есть лишь моментъ абсолютной Идеи, абсолютнаго Духа; и то и другое совершенно уничтожаетъ понятие личности—такъ сходятся крайности. „...И тамъ и здѣсь самъ человѣкъ ни при чемъ,— замѣчаетъ Вл. Соловьевъ;—если сущность и смыслъ вселенной заключается въ такихъ вещахъ какъ „безусловное“ тождество“, „абсолютная идея“, „безсознательное“ и тому подобное, то человѣку съ его душевными потребностями и жизненными задачами здѣсь нѣтъ мѣста; ему нѣтъ мѣста и въ томъ случаѣ, если вселенная есть лишь сложный механизмъ движущагося вещества“... (стр. IX—X).

Отвергая абсолютизмъ нѣмецкой метафизики, нашъ мыслитель говорилъ, что и всемірный механизмъ и всемірный силлогизмъ суть лишь отвлеченія нашего ума, реализуемая только въ томъ, отъ чего они отвлечены, въ чемъ-то третьемъ, что не есть ни бездушное вещество, ни безплотная идея: „чтобы обозначить это третье не въ немъ самомъ, а въ самомъ общемъ его проявленіи, мы скажемъ, что оно есть *жизнь*... Необходимо признать полную реальность жизни и наше объясненіе жизни не сводить къ ея отрицанію“... (Jd.; стр. XVIII). Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ мы видимъ яркій индивидуализмъ, дѣлающій Вл. Соловьева главнымъ предшественникомъ „идеалистовъ“.

VIII.

Въ области философски-правовыхъ взглядовъ предшественникомъ идеалистовъ былъ Чичеринъ, тотъ самый Чичеринъ, котораго Герценъ окрестилъ гуверменталистомъ и который въ шестидесятыхъ годахъ занималъ видное мѣсто въ партіи россійскихъ либеральныхъ доктринеровъ. Таковымъ онъ остался до послѣдняго дня своей жизни—вѣрнымъ ученикомъ Бастіа, сторонникомъ экономической свободы, поклонникомъ Екатерины II-ой, противникомъ всѣхъ демократическихъ теченій; очевидно, что онъ былъ далекъ отъ социализма и „демократическаго либерализма“ и могъ служить жи-

вымъ опроверженіемъ мнѣнія „идеалистовъ“ о томъ, что „недемократическій либерализмъ есть въ сущности *contradictio in adjecto*“. Тѣмъ не менѣе, Чичеринъ былъ несомнѣннымъ предтечей идеалистовъ въ области философски-правовыхъ построений: онъ всегда былъ убѣжденнымъ „идеалистомъ“ гегельянской окраски; въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ конца девяностыхъ годовъ онъ безповоротно примкнулъ къ индивидуализму, что признавали и сами представители новаго теченія, считая его однимъ изъ своихъ предшественниковъ (см., напр., „Проблемы идеализма“, стр. 86 и 285; „Новый Путь“ 1904 г. № 10).

Въ своей „Философіи права“ (1900 г.) Чичеринъ выступаетъ на защиту естественнаго права (стр. 94 и слѣд., особенно 105—120), индивидуалистическое значеніе котораго уже было нами выяснено на предыдущихъ страницахъ; онъ утверждаетъ, что „индивидуализмъ, состоящій въ признаніи свободы лица, составляетъ краеугольный камень всякаго истиннаго человѣческаго зданія“. Индивидуальность для него есть понятіе метафизическое, во всякомъ случаѣ на эмпирическое; человѣческая личность есть не только измѣняющійся рядъ сознаній, но нѣчто цѣльное и вполне реальное: „сознаніе своего я есть міровой фактъ, котораго не въ состояніи устранить никакіе софизмы“; личность эта обладаетъ *свободой*, которая является неизбѣжнымъ предикатомъ въ сужденіи, субъектомъ котораго будетъ „личность“, ибо послѣдняя есть „реальная дѣятельная сила, способная направлять свои дѣйствія“. Вообще же личность есть сущность, а значитъ начало метафизическое, и притомъ сущность единичная, индивидуальная, духовная (т.-е. одаренная разумомъ и волей) и свободная, въ силу чего обладающая правами. На такомъ фундаментѣ Чичеринъ строитъ свою философію права; его „идеалистическій индивидуализмъ“ во многомъ повторяется въ построеніяхъ его послѣдователей, изъ которыхъ многіе, какъ мы это видѣли, признаютъ свое духовное родство съ этимъ „идеалистомъ“ 60-хъ годовъ.

Если ихъ предшественникомъ на почвѣ либерализма былъ Чичеринъ, то еще большее вліяніе оказалъ на нихъ его постоянный идейный врагъ, Михайловскій, въ области соціологическаго номинализма. Смѣшно

утверждать, конечно, что „идеализмъ“ есть возвращеніе къ Михайловскому; не менѣе смѣшно было бы отрицать громадное вліяніе Михайловскаго на идеалистовъ, которые именовали его „противникомъ другомъ и отцомъ“ Еще въ 1901 г. Бердяевъ горячо нападалъ на Михайловскаго за его соціологическій номинализмъ; однако въ концѣ того же 1901 года Струве съ нѣкоторыми оговорками пришелъ къ тому же соціологическому номинализму въ своей статьѣ „Въ чемъ же истинный націонализмъ?“ Прошли еще два года—„Проблемы Идеализма“ *implicite* формулировали соціологическій номинализмъ. Этотъ соціологическій номинализмъ и индивидуализмъ былъ центромъ тяжести всей системы Михайловскаго; послѣ недолгихъ колебаній мысли „идеалисты“ пришли къ тому же. Если мы вспомнимъ теперь основныя черты „субъективизма“ Михайловскаго, то увидимъ, что всѣ онѣ перешли по наслѣдству въ идеализмъ: мы видѣли, что и телеологизмъ, и категорію возможности (свободу), и категорію справедливости (должное) „идеалисты“ безусловно принимаютъ, хотя и основываютъ на другомъ фундаментѣ. Короче говоря, въ „идеалистическомъ индивидуализмѣ“, какъ двучленной формулѣ, во второмъ членѣ (индивидуализмѣ) мы найдемъ духовное наслѣдство Михайловскаго; къ первому же члену онъ не причастенъ.

Наконецъ, если мы обратимся къ этическому индивидуализму, то мы найдемъ предшественниковъ идеализма въ Л. Толстомъ и Достоевскомъ, особенно въ послѣднемъ. Еще въ своей книгѣ 1901 года Бердяевъ указывалъ на сходство Михайловскаго и Л. Толстого, ибо они оба-де крайніе субъективисты и индивидуалисты; конечно, тогда Бердяевъ возставалъ противъ этого, признавая однако, что Толстой вполне правъ въ своемъ требованіи самосовершенствованія, что онъ „правъ, когда, онъ учитъ, что въ человѣкѣ живетъ нравственный законъ и этого не опровергнетъ никакая соціологія со своей генетической точкой зрѣнія“. Въ „Проблемахъ идеализма“ еще энергичнѣе подчеркивается та же самая мысль; и какъ ни далеки другъ отъ друга рационалистъ Толстой и ирраціоналисты-мистики среди „идеалистовъ“, однако этическій индивидуализмъ является ихъ общимъ связующимъ звеномъ. (Это доказываетъ между прочимъ, что этическій индивидуа-

лизмъ можетъ быть обоснованъ не только на почвѣ метафизическаго индивидуализма). О Достоевскомъ же намъ не для чего распространяться; слишкомъ ясно, какая тѣсная связь имѣется на-лицо между этимъ величайшимъ изъ русскихъ этическихъ индивидуалистовъ и „идеалистическими индивидуалистами“ конца XIX вѣка: эта связь — „Человѣкъ-самоцѣль“. Вторые обосновываютъ человѣческую личность на почвѣ философіи и метафизики, первый — рисовалъ ее въ образахъ и картинахъ съ громадной силой творческой интуиціи.

IX.

Такова связь идеалистическаго индивидуализма съ отдѣльными представителями русской общественной мысли. Теперь, когда мы познакомились съ этимъ теченіемъ русской философіи конца XIX вѣка, бросимъ еще разъ общій взглядъ на пройденный этой „русской философіей“ путь. Къ концу вѣка окончательно выяснилось, что у насъ есть „русская философія“: также какъ уже давно существовалъ и свой „русскій социализмъ“; такое словосочетаніе не должно шокировать приверженцевъ „единой науки“ уже по одному тому, что, говоря философскимъ языкомъ, при единой сущности возможны различные модусы ея проявленія.

„Русская философія“ ведетъ свое начало отъ славянофиловъ и развивается съ тѣхъ поръ въ непрерывной преемственности, но только къ началу XX вѣка она дѣлается міровоззрѣніемъ не единичныхъ лицъ, а цѣлой группы. Мы уже отмѣтили выше, что славянофильство сороковыхъ годовъ, сперва исходившее изъ основъ шеллингянства, мало-по-малу выходило на собственный путь, характеризуемый именно системой трансцендентнаго идеализма, а еще болѣе точно — системой идеализма мистическаго. Братья Кирѣевскіе и Хомяковъ были первыми основоположниками новаго ученія, но полное развитіе его далъ только въ послѣдней четверти XIX вѣка Владиміръ Соловьевъ, одинъ изъ самобытнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ русскихъ философовъ, характерный романтикъ по типу міровоз-

зрѣнія. Однако, какъ мы знаемъ, время дѣятельности Соловьева совпало съ эпохой расцвѣта позитивныхъ доктринъ среди русской интеллигенціи, а потому въ теченіе четверти вѣка. голосъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Только въ самомъ концѣ XIX столѣтія, когда русская интеллигенція отъ „диалектическаго матеріализма“ перешла черезъ критическую философію къ тѣмъ или инымъ системамъ идеализма, когда послѣ „Проблемъ идеализма“ совершилась дифференціація послѣдняго, мистическій идеализмъ сталъ міровоззрѣніемъ вполне опредѣленной группы русской интеллигенціи, и система Соловьева нашла послѣдователей и продолжателей. Начиная съ 1904 года, русскій мистическій идеализмъ соединился съ художественнымъ романтическимъ теченіемъ и имѣлъ отдѣльный литературный органъ—„Новый Путь“ и „Вопросы Жизни“. Существованіе этихъ органовъ „мистическаго идеализма“ явно показало наличность въ русской интеллигенціи интереса къ системамъ крайняго трансцендентнаго идеализма, но въ то же время быстрое увяданіе этихъ журналовъ не менѣе ясно вскрыло количественную незначительность этой группы интеллигенціи. Однако, дѣло не въ количествѣ послѣдователей, а въ цѣнности идеи; цѣнность же эту мы скоро узнаемъ въ области художественнаго проявленія этой идеи—въ теченіи такъ-называемаго „символизма“. О немъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Политическія бури начала XX вѣка не дали возможности мистическому идеализму достигнуть полнаго и пышнаго расцвѣта; вообще современная революціонная эпоха отодвигаетъ философскіе вопросы на задній планъ передъ жгучими практическими задачами момента, „культура“ временно ступшевывается передъ „политикой“. Еще не такъ давно многіе утверждали, что идеализмъ и мистицизмъ по самому своему существу реакціонны, что они вызваны къ жизни политической задавленностью русскаго общества, что при первыхъ же лучахъ политическаго разсвѣта они растаютъ, яко таетъ воскъ отъ лиха огня... Конечно, всѣ эти кассандровскія прорицанія казались вполне невѣрными по существу. Очень можетъ быть, что въ до-революціонную эпоху многіе искали выхода въ „идеализмъ“ и мистицизмъ, разочаровавшись или отчаявшись

въ другихъ путяхъ; но обвиненіе самого идеализма въ реакціонности является тѣмъ не менѣе въ высшей степени нелѣпымъ. Почему это реализмъ въ его самыхъ реакціонныхъ не-критическихъ формахъ, въ родѣ позитивизма и матеріализма, долженъ имѣть привилегію прогрессивности? и что можетъ быть нелѣпѣе признанія *логической* связи между идеализмомъ и реакціонностью? Если смѣшивать идеализмъ и мистицизмъ съ „православіемъ“ въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, то только въ такомъ случаѣ послѣднее признаніе имѣетъ нѣкоторый смыслъ; но такое смѣшеніе, возможное въ періодъ позитивизма и раціонализма, совершенно немыслимо въ эпоху возрожденія философскихъ знаній. Ошибочность такого смѣшенія явствуетъ уже изъ одного того, что мистическій идеализмъ въ политическомъ отношеніи сталъ отчасти на сторону *анархизма*, который только догматикамъ-марксистамъ можетъ казаться политически-реакціоннымъ (конечно, по сравненію съ ихъ собственной единственно прогрессивной догмой).

И однако „мистическій идеализмъ“ быстро перешелъ черезъ точку апогея своего развитія и еще быстрѣе расплылся въ православной ортодоксіи, въ католицизмѣ, въ „теософіи“, въ чемъ угодно. Причины этого очевидны. Во-первыхъ, философскіе вопросы, выдвигаемые мистическимъ идеализмомъ, не находили отклика въ бурныхъ и тяжелыхъ настроеніяхъ современной эпохи; во-вторыхъ, политическіе идеалы „мистическаго идеализма“ въ лучшемъ случаѣ были созвучны съ анархизмомъ, который, вообще говоря, имѣетъ за собою только весьма малочисленную общественную группу; наконецъ, въ-третьихъ, мистическій идеализмъ являлся проявленіемъ несвойственнаго широкимъ кругамъ общества „романтическаго“ міропониманія и такимъ образомъ неизбежно былъ обреченъ на замкнутое существованіе идейнаго аристократизма. Во всякомъ случаѣ симптомы убыванія мистическаго идеализма были несомнѣнны; очень скоро прежній побѣдоносный походъ трансцендентныхъ идеалистовъ на все раціональное обратился въ оборону своихъ позицій¹⁾.

¹⁾ Мелкій, но характерный фактъ: одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ теоретиковъ „идеализма“, Н. О. Лосскій, помѣщалъ въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ свои статьи подъ „боевымъ“

Но если это такъ, то не присутствуемъ-ли мы при началѣ конца возродившейся философской мысли? Вѣдь современная революціонная эпоха начала XX вѣка одинаково неблагопріятствуетъ развитію какой бы то ни было философіи въ широкихъ кругахъ общества; материализмъ и идеализмъ, позитивизмъ и интуитивизмъ— всѣ они одинаково должны ступшеываться передъ практическими мучительными запросами текущаго момента: когда человѣкъ упалъ въ глубокую яму, то ему надо бросить веревку, не философствуя на тему— „веревка что такое? Веревка, вервѣе простое“... Такіе голоса иногда приходится слышать; если бы изъ этихъ единичныхъ голосовъ образовалось широкое общественное мнѣніе, то, конечно, мы стояли бы въ концѣ періода возрожденія философской мысли въ Россіи и передъ перспективой начинающагося философскаго упадка. Но едва ли послѣднее хоть сколько-нибудь вѣроятно.

Дѣйствительно, теперь почти единогласно признана необходимость широкаго философскаго фундамента, на которомъ только и можетъ быть твердо поставлена всякая программа и теорія, безъ которой практика въ свою очередь оказывается висящей въ воздухѣ и превращается въ рядъ необоснованныхъ и случайныхъ поступковъ. Надо думать, что увлеченія крайней писаревщины, во время оно отрицавшей всякія теоріи и какіе бы то ни было „общіе идеалы“,—болѣе не повторятся въ исторіи русской интеллигенціи: философское возрожденіе послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка не могло пройти настолько безслѣдно, чтобы позволить русскому обществу вернуться въ философскомъ отношеніи вспять на цѣлые поль-вѣка, къ наивной и философски-убогой писаревщинѣ. Широкій философскій фундаментъ безусловно необходимъ при построеніи всякаго, и личнаго, и общественнаго міровоззрѣнія:—это положеніе можетъ считаться основнымъ выводомъ исторіи русской общественной мысли, справедливость котораго не въ силахъ пошатнуть единичные протестующіе голоса. Правда, „наше время—не время широкой разработки специальныхъ философскихъ вопросовъ“, готь всеобщій интересъ къ философскимъ проблемамъ, который наблюдался въ

заглавіемъ „Обоснованія мистическаго эмпиризма“ (1903—1905 г.); въ 1906 г. статьи эти вышли отдѣльной книгой подъ скромнымъ заглавіемъ „Обоснованія интуитивизма“.

самомъ началѣ ХХ вѣка, едва ли скоро повторится, и въ этомъ смыслѣ 1900—1903 года дѣйствительно были годами апогея развитія философскихъ знаній въ Россіи (если говорить о развитіи въ широту). Но все-таки мы не присутствуемъ теперь при разложеніи или упадкѣ возродившейся философской мысли, и это уже по одному тому, что завоеванія философіи послѣдняго десятилѣтія остались вполнѣ дѣйствительными, что корабли позитивизма сожжены и возвратъ къ былому догматизму—невозможенъ.

Послѣднее—наиболѣе важный итогъ изъ всей эпохи нашего философскаго возрожденія. Вкусившій сладкаго не захочетъ горькаго; послѣ критицизма невозможенъ былой позитивизмъ и матеріализмъ, невозможно возвращеніе ни къ Конту, ни къ передѣланному *ad usum magistri* Гегелю. Конечно, еще не скоро вытравятся изъ русскаго сознанія всѣ слѣды догматическаго матеріализма и позитивизма; въ этомъ отношеніи полувѣковая привычка мысли не пройдетъ даромъ для русской интеллигенціи. Еще на долгое время останутся послѣдніе могикане народническаго позитивизма и будутъ считать себя единими хранителями классическихъ завѣтовъ (Чернышевскій! Лавровъ! Михайловскій!), еще долго ангельсированные гегелята будутъ считать себя единими вѣрными блюстителями очага Весты—ортодоксальной марксистской догмы; пусть такъ—но широкую брешь въ своей философіи ни тѣмъ, ни другимъ не удастся замазать никакими усиліями. Болѣе проницательные изъ ортодоксовъ скоро поняли это и пытались опереться то на Авенаріуса, то на Маха, то на „спеціально демократически-пролетарскую логику“ Дицгена, то создавали свой собственный „эмпириомонизмъ“; все это были уже значительные шаги впередъ отъ былого философскаго догматизма, не смотря на всю слабость эмпириомонизма російскаго производства и на всю элементарность и убогость „истинно-пролетарской теоріи познанія“ Іосифа Дицгена. Но во всякомъ случаѣ значительная часть русской интеллигенціи къ самому началу ХХ вѣка пришла къ тому заключенію, что всякое міровоззрѣніе, не опирающееся твердо на критически-продуктивную философскую систему—не жизнеспособно и обречено на гибель. А такое признаніе позволяетъ высказать увѣренность, что въ дальнѣйшемъ развитію

философскихъ знаній въ Россіи предстоитъ еще широкая дорога.

Такъ это или не такъ — покажетъ будущее; но каково бы ни было это будущее русской философской мысли, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что „идеалистическій индивидуализмъ“ уже давно отошелъ въ исторію прошлаго. Демократическіе, но въ то же время доктринерствующіе либералы, неоидеалисты не могли выработать (хотя и пытались) никакой цѣльной программы; русская соціально-политическая мысль воспользовалась ими какъ мостомъ для перехода части „бывшихъ соціалистовъ“ къ „либерализму“, а отъ него, по наклонной плоскости, къ „консерватизму“ и къ откровенной реакціонности. Но главное: „неоидеализмъ“ былъ переходнымъ мостомъ отъ *реалистическаго* типа міропониманія къ *романтическому*; корни его таятся еще въ идеалистическомъ теченіи тридцатыхъ годовъ. Отъ славянофиловъ, черезъ Достоевскаго, черезъ Вл. Соловьева, „неоидеалисты“ перебросили мостъ къ мистицизму начала XX вѣка. Но переходъ этотъ былъ уже разложеніемъ критико-философской мысли конца XIX столѣтія.

Здѣсь мы не будемъ еще касаться этого разложенія, а подчеркнемъ только главное значеніе „идеалистическаго индивидуализма“ въ исторіи русской общественной мысли. Значеніе это должно быть оцѣнено очень высоко. „Неоидеализмъ“ вывелъ русскую мысль изъ позитивнаго тупика, въ которомъ она беспомощно толкалась болѣе полувѣка; онъ показалъ ей обширные горизонты, открываемые съ высоты критической философіи; онъ показалъ, что эта философія можетъ быть твердымъ фундаментомъ міровоззрѣнія; онъ опрокинулъ „перевернутаго вверхъ ногами Гегеля“, и нанесъ жестокій ударъ философскимъ концепціямъ діалектическаго матеріализма. Наконецъ — и это, быть можетъ, самое главное — идеалистическій индивидуализмъ утвердилъ на новомъ фундаментѣ и провозгласилъ съ новой силой принципы этическаго индивидуализма, забытые послѣ Достоевскаго. Новый свѣтъ этическаго индивидуализма — вотъ чѣмъ характеризовались послѣдніе годы XIX столѣтія.

Такъ было въ области „чистой мысли“. Но не здѣсь была главная сила возрожденнаго міровоззрѣнія: только

въ области художественнаго творчества, въ области возрожденнаго „романтизма“ проявилась сила эта въ полной мѣрѣ и снова подняла русскую литературу на высоту послѣ упадка восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Съ этимъ расцвѣтомъ русской литературы конца XIX и начала XX вѣка мы теперь и познакомимся.

Отъ „декадентства“ къ „символизму“.

(1890—1915 г.).

I.

Если оглянуться на всю русскую литературу XIX вѣка, то распадется она на три явственныхъ періода, признаками дѣленія которыхъ будутъ два вѣчныхъ устремленія человѣческаго духа: „реализмъ“ и „романтизмъ“. Мы какъ разъ подошли теперь къ рубежу между ними, къ разложенію художественнаго (и не только художественнаго) реализма, къ возрожденію теоретическаго (и не только теоретическаго) романтизма въ русской литературѣ конца XIX вѣка,—а потому умѣстно будетъ здѣсь бросить взглядъ назадъ, чтобы имѣть возможность по твердому пути идти впередъ. Старая ариаднина нить поведетъ насъ по новымъ путямъ русской литературы начала XX вѣка.

Преддверьемъ къ XIX вѣку была внѣшняя и внутренняя реформа Карамзина; начало этого вѣка отмѣчается рубежомъ 1814 года, потрясеніемъ духовныхъ устоевъ русской интеллигенціи, идейными выводами „освободительной войны“. Зарождается декабризмъ; и около этого же времени впервые проникаютъ къ намъ „темные слухи о какомъ-то романтизмѣ“. Два пути намѣчаются передъ русской интеллигенціей. И въ эти же годы—первое появленіе юноши-Пушкина, именемъ котораго назовется ближайшій и блестящій періодъ русской литературы.

Нити до-пушкинскаго литературнаго развитія пересѣклись въ Пушкинѣ и связались въ крѣпкій узелъ, отъ котораго начались новые пути. „Романтизмъ“ той эпохи былъ не долговѣченъ; „любомудріе“ и шеллин-

ганство двадцатыхъ годовъ изжили себя въ философскомъ романтизмѣ слѣдующаго десятилѣтія; художественный же романтизмъ той эпохи былъ только мнимый, наносный, неусвоенный; онъ возродился только полвѣка спустя, въ послѣднемъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка.

Четверть вѣка (1815—1840 г.) завязывался крѣпкій узелъ новой русской литературы около Пушкина, и былъ этотъ узелъ тройной. Пушкинъ—реалистическій синтезъ всего прошлаго и знамя грядущаго полувѣка; глубочайшая *религія жизни* на основѣ реализма была въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ тѣмъ сѣменемъ, которое разрослось въ „Войну и миръ“ Толстого черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Лермонтовъ—раздвоеніе мятущейся души и развернутое въ грядущее знамя *религіи бунта*; полвѣка спустя, мы увидѣли знамя это въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго утвержденнымъ на небывалой творческой высотѣ. Гоголь—тяга къ мистикѣ реалистической души; послѣ „Мертвыхъ душъ“—*религія смерти*. Отъ этого тройнаго узла вширь и вглубь пошла русская литература послѣ 1840 года.

Въ этотъ годъ—убить Лермонтовъ; тремя годами ранѣе—смерть Пушкина; здѣсь же—высшая точка пути Гоголя и духовная смерть его. Три смерти разсѣкли трѣпной узелъ русской литературы къ началу „эпохи Бѣлинскаго“, который сумѣлъ дать критическіе выводы и итоги реализма минувшей четверти вѣка.

Начался полувѣковой „пушкинскій періодъ“ русской литературы—и эти полвѣка (1840—1890) были свидѣтелями *побѣды реализма и разложенія его*. Если немного подробнѣе, чѣмъ мы это дѣлали раньше, разглядѣть этотъ путь развитія русской мысли и литературы, то расцвѣтъ художественнаго реализма будетъ идти неуклонно вверхъ вплоть до Толстого. Сперва внѣшніе наслѣдники пушкино-гоголевскаго реализма—„натуральная школа“ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ; затѣмъ—знаменитые такъ-называемые „семь китовъ“ русской художественной литературы годовъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ: Тургеневъ, Гончаровъ, С. Аксаковъ, Писемскій, Островскій, Григоровичъ, Салтыковъ (одинъ изъ этихъ „китовъ“, Григоровичъ, оказался небольшой литературной рыбешкой). О Толстомъ и Достоевскомъ—рѣчь была особая, но и безъ нихъ мы имѣемъ передъ собою къ семидесятымъ

годамъ вершины художественнаго реализма, при одновременномъ *разложеніи реализма теоретическаго*.

Мы прошли этотъ путь отъ Бѣлинскаго до „нигилизма“, скатились по наклонной плоскости отъ Чернышевскаго черезъ Добролюбова къ Писареву, прошли мимо эпигоновъ теоретическаго реализма—Антоновича, Зайцева, Ткачева и др. Въ нигилизмѣ было *первое поражение демократіи—пораженіе идейное*; въ немъ было разложеніе теоретическаго реализма. Лишь народничество въ области соціально-политической мысли вывело русскую интеллигенцію изъ этого болота; но въ области мысли философской оно оказалось не на много сильнѣе своихъ предшественниковъ. Въ области художественной литературы оно поднялось выше, и кромѣ второстепенныхъ писателей (Левитовъ, Кущевскій, Новодворскій, Златовратскій и др.) дало такого подлиннаго художника, хотя и художника-публициста, какъ Гл. Успенскій.

Такъ или иначе—но къ семидесятымъ годамъ передъ нами вершины художественнаго реализма и развалины реализма философскаго. Такой подлинный художникъ, какъ Мельниковъ-Печерскій, является уже второстепеннымъ писателемъ своей эпохи; особнякомъ стоитъ Лѣсковъ, которому впоследствии суждено будетъ стать истокомъ „новаго реализма“ въ началѣ новаго вѣка.

Такъ пришли мы къ вершинамъ русской литературы, къ Толстому и Достоевскому, за которыми—переваль, спускъ, а иногда и проваль, срывъ. Толстой—вершина реализма, величайшій синтезъ всего „пушкинскаго періода“, новый узелъ дорогъ, отъ котораго начинаются новые пути; религія жизни отъ „Евгенія Онѣгина“ къ „Войнѣ и миру“—вся полувѣковая исторія литературы „пушкинскаго періода“. Достоевскій—величайшій синтезъ „гоголевскаго періода“; преодолѣнная религія смерти, преодолѣнная религія бунта. Толстой и Достоевскій—вершины реализма, глубины мистики, завершеніе стараго, начало новаго періода русской литературы.

Вершины, но за ними переваль, или проваль; и то и другое случилось въ русской литературѣ и жизни восьмидесятыхъ годовъ. Здѣсь передъ нами *второе поражение демократіи—пораженіе общественное*; и вмѣстѣ съ этимъ—здѣсь передъ нами второе разло-

женіе реализма. Первое было, когда философскій реализмъ перешелъ въ нигилизмъ: это было разложеніе реализма теоретическаго; теперь художественный реализмъ сталъ переходить въ натурализмъ, и это стало *разложеніемъ реализма художественнаго*. Беллетристика Эртеля, Альбова, Терпигорева, Мамина-Сибиряка, несмотря на отдѣльные удачныя достиженія, все дальше и дальше уводила въ тотъ тупикъ натурализма, который закончился безчисленными романами Боборыкина. И даже наиболѣе даровитые изъ эпигоновъ реализма, нащупывавшіе „импрессионистическіе пути“ (Гаршинъ, Короленко) были уже людьми склона, а не подъема. Художественный реализмъ кончался въ тупикѣ.

Надо было искать новые пути отъ великихъ вершинъ. Завершеніе старой формы разсказа и начало новой далъ Чеховъ своимъ бессознательнымъ „импрессионизмомъ“ (здѣсь все дѣло—въ формѣ письма); новое воскресеніе демократіи въ девяностыхъ годахъ привело и къ возрожденію формъ реализма (М. Горькій). Но не на этихъ путяхъ можно было достигъ новыхъ вершинъ; пути эти шли отъ былого „романтизма“, и мы видѣли ихъ достиженія въ „нео-идеализмѣ“ конца XIX вѣка. Достиженія эти были въ области теоретической мысли; въ области художественнаго творчества достиженія эти проявились на путяхъ отъ „декадентства“ къ „символизму“.

Но это уже—періодъ „новѣйшей русской литературы“ (1890—1915), послѣдняя четверть вѣка *побѣды символизма и разложенія его*. Полувѣковой пушкинскій, реалистическій періодъ русской литературы былъ законченъ: начался новый путь—путь теоретическаго и художественнаго „романтизма“.

II.

Съ самаго начала девяностыхъ годовъ стали смутно брезжить „темные слухи о какомъ-то символизмѣ“. До подлиннаго символизма было, впрочемъ, еще далеко; сперва надлежало пройти бурный и обрывистый путь „декадентства“ (тогда еще не различались эти два совершенно различныхъ понятія). Истоки новаго теченія лежали во французской поэзіи, но здѣсь не мѣсто останавливаться на этой линіи развитія отъ Бодлера и Вер-

лена къ Малларме и Римбо; достаточно знать, что именно отъ этихъ истоковъ (включая въ нихъ и Метерлинка и многихъ другихъ) пошло русское „декадентство“, какъ новая форма поэзіи. А новая форма—всегда показатель новаго міровоззрѣнія.

„Міровоззрѣніе“—слишкомъ тяжеловѣсное и серьезное слово, чтобы примѣнять его къ полу-безсознательнымъ движеніямъ души группы молодежи, объединившейся около новаго теченія; да и „новое“, объединившее ихъ, было новымъ, конечно, лишь въ очень условномъ смыслѣ. Все это такъ; и все же новая „идеологія“ вскрылась мало-по-малу за новой формой поэзіи. „Форма“—была реакціей на тотъ упадокъ поэзіи, къ которому пришла русская литература къ девяностымъ годамъ; „идеологія“—была реакціей на умѣренно-либеральную и умѣренно-консервативную эпоху общественнаго мѣщанства. „Декаденты“ девяностыхъ годовъ были своеобразнымъ дополненіемъ „марксистовъ“ той же эпохи; и общественно-безграмотное декадентство и эстетически-безграмотный марксизмъ были двумя совершенно различными отвѣтами русской жизни, искавшей выхода изъ всяческаго болота предыдущей эпохи.

Наслѣдники пушкино-лермонтовской поэзіи въ теченіе полувѣка вели ее подъ уклонъ медленно, но вѣрно. Два большихъ поэта стоятъ особнякомъ на этомъ пути: Тютчевъ и Некрасовъ, и пути ихъ идутъ отъ Пушкина и Лермонтова. Но глубокій и слишкомъ особенный Тютчевъ не имѣлъ и не могъ имѣть наслѣдниковъ; а продолжатели пушкинскаго пути—Фетъ, Майковъ, Полонскій, поэты убывающаго значенія и дарованія,—несмотря на высокія достиженія (особенно у Фета) все же размельчились къ восьмидесятымъ годамъ на рядъ слабыхъ дарованій, среди которыхъ даже Апухтинъ, даже Голенищевъ-Кутузовъ были уже звѣздами первой величины. Некрасовъ, самобытнѣйшій русскій поэтъ, неизмѣримо болѣе глубокій, чѣмъ отражавшееся въ его поэзіи народничество, тоже не создалъ своей „школы“ (слишкомъ былъ онъ для этого своеобразенъ), но имѣлъ рядъ послѣдователей, не служившихъ для него украшеніемъ. Второстепенные поэты обоихъ путей русской поэзіи—Алексѣй Толстой, Мей, Щербина, Огаревъ, Никитинъ („наслѣдникъ Кольцова“), даже Плещеевъ—всѣ они были еще слишкомъ крупными величинами для поэ-

днѣйшей эпохи восьмидесятыхъ годовъ, когда и Апухтинъ, и Суриковъ, и Дрожжинъ считались Божьею милостью поэтами.

Оба пути соединились, наконецъ, въ одномъ поэтѣ упадка, въ Надсонѣ, молодая искренность котораго не искупааетъ всей слабости формы и отвѣчающей ей скудости содержанія. Успѣхъ его былъ (и продолжаетъ оставаться) громаднымъ; десятки изданій его стиховъ разошлись среди русской молодежи: искренняя боль души поэта перевѣшиваетъ въ глазахъ этихъ читателей блѣдность и блѣдность выраженія этой боли. Жертва эпохи общественнаго мѣщанства, подлинный „герой безвременья“, Надсонъ заслуживаетъ всяческаго сочувствія, какъ человѣкъ, являясь въ то-же время типичнымъ поэтомъ упадка русской поэзіи; въ этомъ смыслѣ онъ поистинѣ послѣдній нашъ „декадентъ“ въ буквальномъ значеніи слова.

Были, правда, въ эту эпоху два-три поэта, которые дали намъ проблески новаго въ старомъ: Случевскій, впоследствии признанный и „молодыми“, близкій имъ по текучести и „протеизму“ чувства („Я—художникъ мгновений, Я—пѣвецъ настроеній“), и еще болѣе—Фофановъ, которому недостатокъ не таланта, а лишь образованія, помѣшалъ сдѣлаться Бальмонтомъ восьмидесятыхъ годовъ. (Впоследствии судьба ихъ во многомъ была одинакова: замерли на разѣ достигнутой точкѣ и растеклись въ многословіи). Но ласточка одна не дѣлаетъ весны: обновить русскую поэзію должна была сплоченная стая „молодыхъ“, тѣсной гурьбой, съ шумомъ и скандаломъ вошедшая въ русскую литературу „конца вѣка“. Они „эпатировали буржуа“, „эпатировали“ литературнаго мѣщанина, они не испугались клички „декадентовъ“, вырожденцевъ, дѣтей „fin de siècle“; и именно съ нихъ идетъ возрожденіе русской поэзіи и небывалый расцвѣтъ ея къ началу XX вѣка.

Конечно, къ новому теченію примазалось не мало скандалистовъ, рекламистовъ, случайныхъ людей—но все они отпали и пропали съ теченіемъ времени; молотомъ времени стекло было раздроблено, булатъ былъ прокованъ. Три большихъ поэта „декадента“, признанные въ разное время, связаны съ девяностыми годами: К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ, Ѳ. Сологубъ. Одинъ изъ нихъ, В. Брюсовъ, впоследствии все болѣе и

больше сталъ приближаться къ „парнассизму“, къ четкости, къ строгости, къ ясности письма; другой, Ѳ. Сологубъ, заложившій позднѣе первые камни „новаго реализма“, ошибочно сталъ впоследствии считаться однимъ изъ основоположниковъ „символизма“; третій, К. Бальмонтъ, остался до старости тѣмъ, чѣмъ былъ въ юности: чистымъ „декадентомъ“, поскольку декадентство есть вопросъ не только формы, но и „идеологіи“.

Вопросы формы мы здѣсь оставимъ въ сторонѣ; общеизвѣстно теперь, какія завоеванія въ этой области принесло съ собой „декадентство“ (и впоследствии „символизмъ“). Но зато „идеологія“ декадентства касается насъ какъ нельзя ближе, — ибо „идеологіей“ этой было какъ разъ крайнее проявленіе того самаго „индивидуализма“, который является нашей ариадниной нитью черезъ всю русскую литературу XIX вѣка.

III.

Крушеніе теоретическаго и художественнаго реализма къ девяностымъ годамъ привело ко всяческой „переоцѣнкѣ цѣнностей“, привело къ „отказу отъ наслѣдства“, привело снова къ попыткамъ „строиться въ пустынь“. Чѣмъ кончилъ нигилизмъ шестидесятыхъ годовъ, съ того начало въ девяностыхъ годахъ декадентство: съ отрицанія всякихъ цѣнностей, но зато съ признанія единственной, исключительной и самодовлѣющей цѣнности за своимъ „я“. Плохо понятое и плохо переваренное „нитцшеанство“ для многихъ изъ „декадентовъ“ было сперва первымъ толчкомъ, а затѣмъ и исповѣданіемъ вѣры.

Нитцше — рубежъ цѣлой эпохи въ развитіи западно-европейской мысли; теперь, къ двадцатымъ годамъ двадцатаго вѣка, собранія его блестящихъ и глубокихъ афоризмовъ значительно поблекли и обмельчали, но двѣ его книги останутся великими на всѣ времена: первая его книга, „Рожденіе и гедии“, и одна изъ послѣднихъ „Такъ говорилъ Заратустра“. Отъ этихъ ключей долго еще будутъ питаться новые и новые истоки человѣческаго творчества; но не отъ нихъ шталось русское „декадентство“, взявшее не столько отъ Нитцше,

сколько отъ уплощеннаго нитцшеанства лишь наиболѣе показныя и внѣшнія стороны новаго теченія духа.

„Самообожествленіе я“—одна изъ такихъ сторонъ русскаго „декадентства“. Стали ходячими отдѣльныя строки и строфы декадентскихъ поэтовъ, исповѣдывавшихъ этотъ свой символъ вѣры. Выше моего „я“ нѣтъ ничего; какъ оно волишь, такъ тому и быть; мгновенное настроеніе его цѣннѣе прошлаго и будущаго всего міра; кромѣ моего „я“ и за нимъ—лишь пустыня; долой поэтому всякую „гражданственность“, всякую общественность; зло и добро освящаются лишь моимъ воленіемъ. Н. Минскій, Д. Мережковскій, З. Гиппіусъ, поэты менѣе крупныя, чѣмъ три, названныя выше (быть можетъ только за исключеніемъ З. Гиппіусъ, узкой, но очень острой и пряной „декадентки“) — проложили дорогу первымъ русскимъ „декадентамъ“, группѣ молодежи девяностыхъ годовъ.

„Я цѣпи старыя свергаю, молитвы новыя пою“, — возглашалъ Н. Минскій, порывая съ былой „гражданственностью“; и его „новая молитва“ была лишь рационалистической формулировкой „истины“, казавшейся тогда декадентамъ очень глубокой: „нѣтъ двухъ путей добра и зла—есть два пути добра“... И повторялъ В. Брюсовъ: „равны Любовь и Грѣхъ“. И повторялъ Д. Мережковскій: „и зло, и благо два пути, ведутъ къ единой цѣли оба, и все равно, куда идти“... Впослѣдствіи эта же мысль о „безднѣ вверху и безднѣ внизу“ послужила темой романа Д. Мережковскаго „Воскресшіе боги“.

Отсюда былъ путь къ „люциферіанству“ и далѣе—къ тому дешевому и плоскому „магизму“, который на склонѣ декадентства сталъ суррогатомъ подлинно глубокаго символизма. „О, мудрый Соблазнитель, Злой Духъ, ужели ты—непонятый Учитель великой красоты?“ (З. Гиппіусъ). Но и „демонизмъ“ и „магизмъ“ были уже попыткой спасенія изъ пустыни одинокаго „я“, а сперва въ этой пустынѣ декаденты хотѣли и жить, и умереть. „Люблю я себя, какъ Бога“ (З. Гиппіусъ) — общій ихъ символъ вѣры. Эта „любовь“, опиравшаяся въ концѣ-концовъ на „философскую“ почву солипсизма, особенно ярко выразилась въ рядѣ стихотвореній Ѳ. Сологуба.

„Я—во всемъ, и нѣтъ иного“. „Все—Я. И все, что

есть, то—Я“. „Я создалъ всѣ міры“. „Благословенно все и во всемъ, ибо все и во всемъ—Я и только Я“. „Я—весь. Я только Богъ“. „Дамъ заповѣдь едину: люби, люби Меня“. Такъ повторяетъ Ѳ. Сологубъ въ безчисленномъ рядѣ стихотвореній, въ „Литургіи Мнѣ“, въ „Я“—„книгѣ совершеннаго самоутвержденія“. И разъ „я“ любитъ себя, какъ Бога, разъ „я“ есть Богъ, то вѣчные законы мгновеннаго „я“ и мгновенные законы вѣчнаго „я“—высшее въ мірѣ. Раньше поэты служили литургіи „Красотѣ“; но вѣдь нѣтъ этого кумира, вѣдь мое „я“ можетъ волить и обожествленіе „Безобразія“ (физическаго и нравственнаго). Долой кумиры! подлиннымъ Богомъ „я“ можетъ быть только „Мгновеніе“. Объ этомъ много сказалъ въ свое время К. Бальмонтъ.

Мгновенье вѣчно благовѣствуетъ,
 Секунда—атомъ, живой алмазь.
 Мы расцвѣтаемъ, мы отцвѣтаемъ,
 Безъ сожалѣнья, когда не мыслимъ,
 И мы страдаемъ, и мы рыдаемъ
 Когда считаемъ, когда мы числимъ...

И эта тема проходитъ черезъ всѣ тома и тома его (и не только его) стиховъ. „Все, на чемъ печать мгновенья, брызжетъ свѣтомъ откровенья“. „Живи, и знай, что ты живешь мгновеньемъ“. „Я каждой минутой—сожженъ, я въ каждой измѣнѣ—живу“. „Какъ пѣна морская, на мигъ возникая, погибнетъ, сверкая, растаетъ дождемъ,—мы, дѣти мгновенья, живемъ для стремленья“... Можно было бы привести еще сотни и сотни характернѣйшихъ отрывковъ о „царѣ-мгновеніи“, ибо въ этомъ—одно изъ самыхъ *постоянныхъ* настроеній декадентства, провозглашавшаго *измѣнчивость*. „Мы мѣняемся всегда, нынче *нѣтъ*, а завтра *да*“. Ибо твердаго „да“ и „нѣтъ“—не существуетъ, ибо все декадентство есть „ни да, ни нѣтъ“ („*Да* и *нѣтъ*—не слиты, не слиты—сплетены; ихъ темное сплетенье и тѣсно, и мертво“...), ибо все декадентство—область заглушенныхъ полу-звуковъ, утонченныхъ полу-тоновъ, изощренныхъ полу-чувствъ, заостренныхъ полу-мыслей.

И эта декадентская полутонность („rien que la nuance!“ по завѣту ихъ французскаго учителя и предшественника), эта ихъ заостренность и изощренность, все это—характерное, общее, объединяющее свойство этихъ дѣтей

„fin de siecl'я“. Конечно, это было признакомъ не „вырожденія“, а возрожденія, ибо это было лишь продолженіемъ того „углубленія художественной впечатлительности“, которое характеризуетъ всякое движеніе впередъ, и которое въ свое время могло быть отмѣчено и у Толстого, и у Достоевскаго. Но у декадентства эта „полутонность“ впадала въ „полусонность“, возводилась чуть-ли не въ принципъ познанія:

Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть,—
Это путь,

Для того, чтобъ возсоздать

То, чего намъ въ этой жизни вплоть до смерти не видать!

Это былъ разрывъ съ живой жизнью, которая не ограничиваетъ себя областью полу-тѣней и полу-звуковъ. „Мнѣ мило отвлеченное: имъ жизньъ я создаю; я все уединенное, неявное люблю“... И созданная такъ жизнь не могла не быть лишь тѣнью жизни. „Звуковъ хотимъ, но созвучій боимся“,— а жизнь вся въ звукахъ, краскахъ и созвучіяхъ. Свѣтъ лампы, но не солнца—вотъ декадентство. „Какъ пламя робкое мнѣ мило! Не ослѣпляетъ и не жжетъ. Зачѣмъ мнѣ грубое свѣтило недосыгаемыхъ высотъ?“ (З. Гиппиусъ). И хотя Бальмонтъ призывалъ своихъ соратниковъ: „Будемъ, какъ солнце!“, но гораздо болѣе характерной для декадентства была ненависть Ѳ. Сологуба къ „небесному Дракону“, къ „Змію“, слишкомъ яркому для кабинетныхъ, ночныхъ, бесплодныхъ людей.

„Безплодіе“—о немъ рѣчь впереди: но изъ культа „мгновенія“, изъ страха подлинной жизни былъ попутно и еще выводъ. Жизнь неясная, полутонная, полутѣнная—не жизнь, а игра тѣней; да и вообще—„вся жизнь—игра; тотъ мудръ, кто понялъ это“. Ѳ. Сологубъ любилъ развивать эти мотивы. Самообожествленное „я“ тѣшится игрой—вотъ жизнь и міръ. „Вся жизнь, весь міръ—игра безъ цѣли“. „Все невинно, все смѣшно, все божественной игрою рождено и суждено“. „Я влюбленъ въ мою игру, я, играя, самъ сгораю“. Каждый замкнуть въ своемъ заколдованномъ кругу, каждый „играть“, сгораетъ, умираетъ въ оградѣ своего обожествленнаго „я“. Такъ къ духовному ничилизму пришелъ антиподъ нигилизма—декадентство.

А если такъ, если все — божественная (или дьявольская) „игра“, то искусство, поэзія — высшая грань этого пути: В. Брюсовъ не разъ требовалъ поклоненія этому самодовлѣющему идолу: „поклоняйся искусству, только ему, безраздумно, безцѣльно“. Ибо — „быть можетъ все въ жизни лишь средство для ярко-пѣвучихъ стиховъ“. А въ такомъ случаѣ — жизнь не есть міровой синтезъ, человѣкъ не есть самоцѣль (онъ тоже „лишь средство“), — „и все равно, куда идти“. Такъ завершается „порочный кругъ“ мыслей и чувствъ декадентства, такъ мы приходимъ къ его исходному пути. „Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи, и всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ“... Всѣмъ богамъ — значить ни одному. „Неколебимой истинѣ не вѣрю я давно, и всѣ моря, всѣ пристани люблю, люблю равно“... Всѣ пристани — значить ни одной; люблю равно — значить не люблю. Холодность, негорѣніе, бездѣйственность, бесплодіе — неизбѣжный удѣлъ самообожествленнаго „я“.

Духовное бесплодіе — къ этому пришло декадентство, несмотря на всѣ свои внѣшнія завоеванія. Бесплодіе это ясно у всѣхъ „декадентовъ“, быть можетъ ярче другихъ — у Э. Гиппіусъ. „Любите смѣлость нежеланья“, — ибо желаніе есть жизнь. „Люблю я не исполненіе — возможность“, — ибо исполненіе есть дѣйственность. „Мой безогненный костеръ“, „душевный холодъ“, „какъ будто льда обломокъ острогранный въ меня вложили тайно вмѣсто сердца“... А живая жизнь кругомъ кипитъ, вся въ звукахъ, вся въ краскахъ, и среди нея стоитъ духовно бесплодный „декадентъ“, измученный всѣми „предметами предметнаго міра“, самообожествившей себя, проклинающей жизнь, міръ и людей: „я горестно измученъ, я слабъ и безотвѣтенъ; а міръ такъ разнозвученъ, такъ грубо разносвѣтенъ!“ (Э. Гиппіусъ).

IV.

Чтобы спастись отъ міра, отъ жизни и людей, декадентство замкнулось въ башнѣ своего одинокаго „я“. И сперва оно утѣшалось, забавлялось, гордилось своимъ одиночествомъ. „Въ башнѣ съ окнами цвѣтными я замкнулся навсегда!“ — восклицалъ К. Бальмонтъ, и радовался: „и да и нѣтъ — здѣсь все мое, приѣмлю боль, какъ благодѣтельную, благословляю бытіе, и если создалъ

я пустыню, ея величіе — мое!“ Гордое одиночество—заученная и напряженная поза декадентства, бывшая сперва искренней; а если и не „гордое“, то во всякомъ случаѣ самодовлѣющее:

Я одинъ въ странѣ пустынной,
Но услады есть въ пути,—
Улыбаюсь, забавляюсь,
Самъ собою вдохновляюсь,
И не скучно мнѣ идти,—

такъ утѣшалъ себя Ѳ. Сологубъ. Одиночество—а значитъ либо ненависть, либо презрѣніе, либо равнодушіе, либо просто не-любовь къ *человѣку*, и это очень характерно для крайняго индивидуализма декадентства. Правда, всѣ эти чувства оно пыталось скрыть подъ маской ненависти не къ *человѣку*, а къ „мѣщанину“, къ мѣщанству жизни: это тоже постоянная „декадентская“ тема, перешедшая по наслѣдству отъ всей русской литературы. Стихотвореніе К. Бальмонта „Въ домахъ“ не случайно посвящено М. Горькому, который въ то время какъ разъ писалъ „Мѣщанъ“:

Въ мучительно тѣсныхъ громадахъ домовъ
Живутъ некрасивые блѣдные люди,
Окованы памятью выцвѣтшихъ словъ,
Забывши о творческомъ чудѣ...

И еще болѣе заостряетъ онъ свою ненависть къ мѣщанству, еще болѣе учащаетъ онъ свои удары въ стихотвореніи „Человѣчки“:

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, косоушный, щепетильный,
Вся душа его, душонка—точно изъ морщинъ.

Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это можно,
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный, гробъ сердецъ,
Можешь карты, можешь мысли передернуть осторожно,
Явно грабить—неразумно, но—стриги овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:
Готь упорно двѣ-три ноты тянетъ-тянетъ безъ конца,
Звѣрь несчастный, существуетъ отъ обѣда до обѣда,—
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвить отца.

Эготъ—ту-же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь просвѣщенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ на крючекъ...
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца, евнухъ сонный —
О, когда-бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть могъ!

И у всѣхъ другихъ „декадентовъ“ можно встрѣтить не менѣе беспощадные удары по мѣщанству; они связаны съ постояннымъ возстаніемъ противъ всяческой обыденности—обыденности не только людей, но и міра. Если Ѡ. Сологубу все „бытовое“ кажется „докучной да злой небылицей“ („люди, стѣны, мостовыя, колесницы...“), если всяческій „быть“ ненавистенъ декадентству, то отсюда всего одинъ шагъ до ненависти не только къ быту жизни, но и къ быту міра. „Я сокровеннаго все жду, и съ тѣмъ, что явлено, вражду“. Отсюда и столь осмѣяныя когда-то строки З. Гиппіусъ: „о, пусть будетъ то, чего не бываетъ, никогда не бываетъ... Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ“... Отсюда и строки К. Бальмонта: „я хочу порвать лазурь успокоенныхъ мечтаній, я хочу горящихъ зданій, я хочу кричащихъ бурь!“ Ненависть къ „мѣщанству міра“, основная тема Лермонтова, нашла свой откликъ черезъ полвѣка въ поэзіи декадентства.

И все это—оправданіе „гордаго одиночества“. Но за этой ненавистью къ мѣщанству декаденты хотѣли спрятать свою не-любовь къ человѣку. Ибо для крайняго индивидуалиста, самодовлѣющаго, самообожествившагося—*человѣкъ* всегда чуждъ и враждебенъ, хотя бы онъ и не былъ „человѣчкомъ“. И всѣ декаденты, безъ исключенія, признаются въ концѣ-концовъ, что не только къ „мѣщанину“, но и ко всякому „человѣку“—ихъ отвращеніе, ихъ скука. „Быть съ людьми—какое бремя!“—воскликаетъ часто и часто Ѡ. Сологубъ. „Я не умѣю жить съ людьми“—признается З. Гиппіусъ. „Я людямъ чуждъ“; „и хочу, но не въ силахъ любить я людей, я чужой среди нихъ“—повторяетъ не одинъ разъ Д. Мережковскій. „Всѣхъ людей я не люблю, какъ самого себя“—заявляетъ Н. Минскій. Въ послѣднемъ онъ не слишкомъ искрененъ, ибо „себя“ декаденты настолько любили, что и обожествили: „люблю я себя, какъ Бога“.

Но мы видѣли: отъ этой башни самодовлѣющаго „я“ всѣ пути въ міръ отрѣзаны; въ башнѣ этой декадентство гордо замкнулось, но въ ней оно и задохнулось. И здѣсь—гибель, здѣсь начало конца декадентства, здѣсь крикъ его отчаянія: одиночество стало его могилой.

Помогите! помогите! Я одинъ въ ночной тиши.

Цѣлый міръ ношу я въ сердцѣ, но со мною ни души,—

это вопль отчаянія К. Бальмонта. Препжнее радостное одиночество превращается въ жуткое чудовище, которое кошмаромъ душитъ былого сверхъ-индивидуалиста; и съ жутью признается З. Гиппіусъ:

Мое одиночество — бездонное, безгранное,
Но такое душное, такое тѣсное;
Приползло ко мнѣ чудовище, ласковое, странное,
Мнѣ въ глаза глядитъ и что-то думаетъ неизвѣстное...

И съ чудовищемъ этимъ — плохія шутки: это гибель, это смерть, это могила всего декадентства. Хорошо было раньше утѣшаться: „я одинъ въ странѣ пустынной, но услады есть въ пути, — улыбаюсь, забавляюсь“... Теперь уже не до забавъ, не до игры; и если даже весь міръ, вся жизнь есть лишь игра (былая вѣра декадентства), то игра эта, оказывается, „пустая, тлѣнная, напрасная игра“ (Ө. Сологубъ). И если прежде декадентъ утѣшался въ своей башнѣ: „что-жъ! найду отраду за той оградой быть!“, если онъ собирался въ стѣнахъ своей ограды „воздвигнуть всѣ міры, которыхъ пожелаетъ законъ моей игры“, то теперь ему уже не до игры, не до отрады: отъ башни гордаго одиночества повѣяло „великимъ холодомъ могилы“ (Ө. Сологубъ), а сама „башня съ окнами цвѣтными“ обратилась въ могильный, сырой склепъ:

Я живу въ темной пещерѣ,
Я не вижу бѣлыхъ ночей.
Въ моей надеждѣ, въ моей вѣрѣ
Нѣтъ сіянья, нѣтъ лучей...
Въ моей пещерѣ тѣсно и сыро,
И нечѣмъ ее согрѣть.
Далекій отъ земного міра
Я долженъ здѣсь умереть.

Такова была судьба декадентства. Башня превратилась въ тюрьму; бывые боги обратились въ узниковъ; ограда башни преобразилась въ заборъ звѣринца: „мы — плѣненные звѣри, голосимъ, какъ умѣемъ; глухо заперты двери, мы открыть ихъ не смѣемъ“. Всѣ эти признанія Ө. Сологуба — характерны, типичны; это не только міръ его души, но и обнажившаяся душа всего декадентства. Оно пришло къ могилѣ, къ пропасти, къ провалу — и еще въ серединѣ девяностыхъ годовъ сознаніе это отразилось въ похоронномъ стихотвореніи В. Брюсова:

...Молча надъ сумрачной бездною
Качаются наши ступени.
Друзья! Мы спустились до края!
Стоимъ надъ разверзнутой бездною—
Мы, путники ночи беззвѣздной,
Искатели смутнаго рая.
Мы вѣрили нашей дорогѣ,
Мечтались намъ отблески рая...
И вотъ — неподвижны — у края
Стоимъ мы въ стыдѣ и тревогѣ.

И поэтъ спрашивалъ себя, спрашивалъ другихъ: „послышится-ль голосъ спасенья, откуда — изъ бездны иль свыше?“ Спасенія „изъ бездны“ они не дождались, хотя и пробовали искать его въ дешевомъ „магизмѣ“, „люциферіанствѣ“, служили „черныя мессы“, причащались человѣческой кровью (стихотворенія *Θ. Сологуба* „Маріи“ и др.; *А. Ремизовъ* — „Черную обѣдню я творилъ съ тобой“, — см. журналъ „Золотое Руно“). И все это было вотще — только еще болѣе горькій осадокъ оставался на гибнувшихъ въ одиночествѣ душахъ. „Такъ вотъ въ какія пустыни ты насъ заманилъ, Соблазнитель! — восклицалъ былой провозвѣстникъ „магизма“ россійской выдѣлки, *В. Брюсовъ*: — эта страна — безвѣстное Гоби, гдѣ Отчаянье — имя столицѣ! Здѣсь тихо, какъ въ гробѣ“... Гробъ — вотъ во что обратилась бывшая „башня съ окнами цвѣтными“; и декаденты могли бы теперь повторить о себѣ слова Фауста —

Weh! steck'ich in dem Kerker noch?
Verfluchtes dumpfes Mauerloch!
Wo selbst das liebe Himmelslicht
Trüb'durch gemalte Scheiben bricht ¹⁾.

Пещера, могила, гробъ, провалъ — къ этому пришло декадентство, завершивъ свой кругъ къ концу девяностыхъ годовъ. Не дождавшись спасенія „изъ бездны“ оно стало чаять его „свыше“ — и отсюда такой рѣзкій, казалось бы, переходъ отъ декадентства къ символизму, переходъ къ религіознымъ исканіямъ, къ „нео-христіанству“. Это былъ слѣдующій этапъ „нео-идеалистическаго“ теченія, ибо отъ „проблемъ идеализма“ прямой путь къ проблемамъ мистицизма, къ проблемамъ

¹⁾ Увы! останусь-ли въ тюрьмѣ,
Въ проклятой каменной норѣ!
Здѣсь солнца лучъ въ цвѣтномъ окнѣ
Печально такъ мерцаетъ мнѣ,

христіанства. И одинъ изъ первыхъ декадентовъ, Д. Мережковскій, однимъ изъ первыхъ вступилъ и на этотъ путь, на которомъ жаждалъ спасенія и исхода изъ могильнаго склепа декадентства. Когда-то, въ молодые дни этого теченія, онъ провозглашалъ: „мы для новой красоты нарушаемъ всѣ законы, преступаемъ всѣ черты“, но тутъ же называлъ себя и своихъ соратниковъ обреченными на смерть „дѣтьми ночи“ и признавался: „дерзновенны наши рѣчи, но на смерть осуждены слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной весны“. И сознавая гибель въ одиночествѣ, онъ взывалъ къ новымъ пророкамъ и грядущимъ пѣвцамъ:

Мы безконечно одиноки,
Боговъ покинутыхъ жрецы.
Грядите, новые пророки,
Грядите, вѣщія пѣвцы
Еще невѣдомые міру!

Пѣвцы и пророки пришли,—пришелъ „символизмъ“. Но тщетна была попытка влить въ новые мѣха символизма старое вино декадентства, стать изъ „декадентовъ“ — „символистами“. Ибо „сдѣлаться“ символизмомъ—нельзя, какъ нельзя „сдѣлаться“ и поэтомъ, имъ можно только быть, имъ надо родиться: *decadentes fiunt. symbolistae nascuntur.*

V.

Лишь мало-по-малу выяснилась грань перелома между „декадентствомъ“ и „символизмомъ“. Сначала оба эти понятія употреблялись синонимно, и „символистовъ“ расплодилось тогда многое множество. И лишь по мѣрѣ того, какъ выявлялся „кризисъ индивидуализма“ былого декадентства, стало ясно, что символизмъ долженъ былъ стать новымъ путемъ для исхода декадентовъ изъ пустыни, изведеніемъ декадентской души изъ темницы, изъ могилы, изъ склепа, изъ былой „башни съ окнами цвѣтными“. Казалось, что это такъ просто: бывые „декаденты“, Д. Мережковскій, З. Гиппиусъ и др., начнутъ искать спасенія въ „религіозныхъ запросахъ“, начнутъ искать истины въ обновленномъ христіанствѣ, начнутъ издавать журналъ „Новый Путь“ (1903—1904 г.), начнутъ возставать противъ былого своего декадентства. Забывалось только одно:

что „символизм“, — какъ тремя четвертями вѣка ранѣе „романтизмъ“, — не только міровоззрѣніе, но и міроощущеніе, міровоспріятіе, что „мистическое воспріятіе“, лежащее въ основѣ и романтизма и символизма, не берется, а дается. А кому не дано — тѣ тщетно будутъ называть себя „символистами“: они будутъ ими лишь по внѣшней формѣ, а не по сущности духа.

Декадентство погибло и распалось. „Банкротство индивидуализма“ — своего крайняго сверхъ-индивидуализма — оно горько испытало на себѣ самомъ и стало искать спасенія на путяхъ „мистическаго воспріятія“. Правда, не всѣ пошли къ этому пути, нѣкоторые пожелали остаться въ пещерѣ, остаться въ подпольи, остаться со своимъ послѣднимъ отчаяніемъ („люблю отчаяніе мое безмѣрное“, Э. Гиппиусъ). Идеологомъ такого настроенія, такого міровоззрѣнія явился въ послѣднихъ дняхъ декадентства Л. Шестовъ. Этотъ своеобразный и талантливый ученикъ Ницше можетъ считаться со своей философіей подполья подлиннымъ идеологомъ декадентства, но тѣмъ непримиримѣе онъ ко всякому символизму, въ который тщетно пытались войти отъ своего отчаянія многіе бывше декаденты. Дорога въ него была имъ закрыта.

Дѣйствительно, что такое символизмъ? Вопросъ этотъ возвращаетъ насъ къ давно разобраннмъ понятіямъ „реализма“ и „романтизма“, ибо лишь своеобразнымъ измѣненіемъ послѣдняго явился символизмъ начала XX вѣка. Два основныхъ человѣческихъ міровоззрѣнія, міропониманія, міроощущенія, міровоспріятія, два вѣчныхъ пути человѣческаго духа лежатъ передъ нами; и мы знаемъ, что „реализмъ“ и „романтизмъ“ безмѣрно шире, чѣмъ отвѣчающія этимъ названіямъ литературныя теченія и направленія.

Русскій „романтизмъ“ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ въ своемъ художественномъ преломленіи былъ, какъ мы знаемъ, псевдо-романтизмомъ. вмѣстѣ съ Пушкинымъ воцарился на полъ-вѣка реализмъ — и какъ литературное направленіе, и какъ міровоспріятіе, и какъ міровоззрѣніе; о побѣдѣ и разложеніи этого реализма мы говорили на предыдущихъ страницахъ. На смѣну ему къ началу XX вѣка пришелъ романтизмъ подъ новымъ именемъ „символизма“ — и на этотъ разъ романтизмъ подлинный въ основѣ, тѣсно связанный, какъ

литературное направленіе, съ глубокими психологическими и гносеологическими основами новаго воспріятія.

О символизмѣ много было споровъ—не меньше, чемъ въ былые дни о романтизмѣ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ. И теперь, какъ и тогда, чаще всего обращали вниманіе на частные признаки, опредѣляющіе именно этотъ новый романтизмъ начала XX вѣка; но за этимъ частнымъ видѣли и общее—тотъ *принципъ творчества*, который опредѣляетъ собою искусство въ бѣгѣ вѣковъ и тысячелѣтій: Одинъ изъ главныхъ теоретиковъ символизма, В. Ивановъ, справедливо указывалъ, что въ этомъ смыслѣ и Эсхиль, и Данте—„символисты“, ибо всякое „высокое искусство“ — символично, ибо образы такого искусства всегда являются „символами“. Но это обобщающее утвержденіе („всякое подлинное искусство есть символизмъ“) — настолько обще, что теряетъ всякое методологическое значеніе. Если и Эсхиль, и Данте, и Пушкинъ, и Гоголь—„символисты“ по своему отношенію къ акту творчества, то очевидно, что они рѣзко различаются между собой въ чемъ-то другомъ, и это „что-то другое“—актъ познанія и сознанія.

Познаніе символизма — мистично, вотъ въ чемъ узелъ вопроса, въ свое время стянувшійся и надъ „романтизмомъ“. Не въ томъ только дѣло, что реализмъ есть утвержденіе конечнаго во имя безконечнаго, а романтизмъ—отрицаніе конечнаго во имя безконечнаго. Пусть реализмъ—вѣренъ землѣ, а романтизмъ стремится „за предѣлы предѣльнаго, къ безднамъ свѣтлой безбрежности“,—мы уже подчеркивали, что здѣсь рѣшающимъ моментомъ является не стремленіе, а проникновеніе. Подлинный романтизмъ, подлинный символизмъ—тамъ и только тамъ, гдѣ есть „касаніе мірамъ инымъ“. Въ этомъ смыслѣ „символистъ“ не Эсхиль, а Яковъ Беме, не Пушкинъ, а Вл. Соловьевъ. И не случайно противопоставляю я въ этихъ именахъ художественное и философское творчество,—ибо именно Вл. Соловьевъ былъ тѣмъ первымъ русскимъ „символистомъ“, котораго признали своимъ учителемъ виднѣйшіе „символисты“ начала XX вѣка.

Итакъ, подобно былому романтизму, символизмъ не есть только принципъ творчества, но и нѣкое міровоззрѣніе, міроощущеніе, связанное съ высшимъ позна-

ніемъ, съ духовнымъ опытомъ, съ мистическимъ воспріятіемъ; символизмъ есть не только нѣкоторое литературное направленіе, но и *опредѣленное „романтическое“ міровоззрѣніе*, зиждущееся на почвѣ психологической и познавательной. Въ смѣнѣ вѣковъ не разъ смѣнялись „реализмъ“ и „романтизмъ“ въ этомъ условномъ смыслѣ слова, и каждый разъ возрождались они подъ новыми формами, въ новыхъ одеждахъ. „Символизмъ“ начала XX вѣка, положившій краеугольнымъ камнемъ своего символа вѣры—вѣру въ символъ, безмѣрно отличается, конечно, отъ своего предшественника начала XIX вѣка (если даже позабыть о „псевдо-романтизмѣ послѣдняго“); но основа ихъ—общая. Неоромантизмъ нашихъ дней былъ проявленіемъ въ художественной литературѣ того же, чего проявленіемъ въ области философіи былъ нео-идеализмъ, вплотную подошедшій къ мистицизму.

На смѣну былому реализму пушкинскаго періода пришелъ романтизмъ—пришелъ символизмъ какъ міровоззрѣніе, какъ міроощущеніе, какъ литературное теченіе. Новое же міровоззрѣніе проявляется въ новыхъ формахъ,—и подготовительныя работы по разрушенію старыхъ формъ, по созиданію формъ новыхъ произвело декадентство. Оно погибло и разложилось, оно лишь удобрило собою почву для пышнаго расцвѣта символизма. И именно потому бывые декаденты, отчаявшіеся, погибавшіе въ своей мертвой пустынѣ, не вошли на „новый путь“—какъ имъ ни хотѣлось войти. Словесно они могли символизмъ проповѣдывать, духовно они бессильны были его исповѣдывать. Новые молодые поэты вошли въ русскую литературу по пути символизма, старые—погибли въ пустынѣ.

VI.

Когда въ 1894 году впервые вышли собранные В. Брюсовымъ книжки „Русскіе символисты“, то не кто иной, какъ Вл. Соловьевъ написалъ рядъ злѣйшихъ пародій на эти боевыя выступленія нашего декадентства. Принято видѣть въ этомъ ошибку Вл. Соловьева, который не сумѣлъ оцѣнить въ новомъ теченіи живыхъ струй подлинной поэзіи; забываютъ одно—насколько правъ былъ онъ, сразу увидѣвшій, что въ

этомъ новоявленномъ „символизмѣ“ нѣтъ ни зерна подлиннаго символизма. И пусть тогда еще не были раздѣлены понятія „символизма“ и „декадентства“, но за нарочито крикливыми проявленіями новой поэзіи Вл. Соловьевъ прозрѣвалъ всю отграниченность „декадентовъ“ отъ міра, ихъ замыканіе въ узкомъ кругу „я“. А отграниченность есть ограниченность—духовная гибель и смерть.

Вл. Соловьевъ умеръ въ 1900 году на порогѣ прихода молодого символизма въ русскую литературу. Первые юношескіе опыты свои уже писалъ и печаталъ Андрей Бѣлый; еще не печаталъ, но уже писалъ свои первые стихи о „Прекрасной Дамѣ“ Александръ Блокъ; медлительно готовился къ литературному пути значительно болѣе старшій Вячеславъ Ивановъ. Эти три имени опредѣляютъ собою вершины и высшія достиженія молодого символизма, подобно тому какъ три имени К. Бальмонта, В. Брюсова и Ѡ. Сологуба опредѣляютъ собою вершины декадентства девяностыхъ годовъ.

Изъ этихъ трехъ основоположниковъ декадентства одинъ только В. Брюсовъ искренно и откровенно призналъ безсиліе стараго теченія декадентства вступить на новые пути символизма. Въ отвѣтъ на стихи о „Прекрасной Дамѣ“,— а она была тогда символомъ Мировой Души, *Lumen coeli sancta Rosa*,—онъ написалъ искреннее и горькое стихотвореніе „Младшимъ“ (1903 г.):

Они Ее видятъ! они Ее слышатъ!
Съ невѣстой женихъ въ озаренномъ дворцѣ!
Свѣтильники тихое пламя колышатъ,
И отсвѣты радостно блещутъ въ вѣнцѣ.

А я—безнадежно бреду за оградой
И слушаю говоръ за длинной стѣной.
Голодное море безумствовать радо,
Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свѣтъ, непонятный и желтый,
Но въ небѣ напрасно ищу я звѣзду...
Дойдя до воротъ, на желѣзные болты
Горячимъ лицомъ приникаю—и жду.

Тамъ, тамъ, за дверьми--ликованіе свадьбы.
Въ дворцѣ озаренномъ съ невѣстой женихъ!
Желѣзные болты сломать-бы, сорвать-бы!
Но пальцы безсильны и голосъ мой тихъ.

Не многіе изъ былыхъ декадентовъ имѣли искренность повторить о себѣ подобныя слова; большинство смѣло вступило на новый путь—религіозный, апокалипсическій. Ибо символизмъ сразу началъ съ самой высокой, съ самой напряженной ноты: съ эсхатологическихъ чаяній и упованій. Исходомъ изъ декадентства была лишь смерть въ каменной норѣ душевной башни („для смерти лишь открою потайное окно“), смерть—либо безуміе. Символизмъ заговорилъ объ иномъ „безуміи“, смѣшномъ для „дѣтей вѣка сего“: устами Д. Мережковскаго онъ заговорилъ о близкой кончинѣ міра, о второмъ пришествіи Христовомъ, о концѣ исторіи и человѣчества на дняхъ сихъ, еще при жизни нашей. Но у слишкомъ многихъ все это „безуміе“ такъ и осталось словами о безуміи, міровоззрѣніе не претворилось въ міровоспріятіе. И не могло претвориться: міровоззрѣнія можно мѣнять (вспомнимъ душевныя трагедіи Бѣлинскаго), міровоспріятіе неизмѣнно. Символистомъ, подлиннымъ въ своихъ переживаніяхъ, нельзя было *стать*, имъ можно было *быть*.

Вотъ почему такъ много внѣшнихъ „символистовъ“ появилось въ эти девятисотые годы въ русской литературѣ. И вотъ почему такъ мало подлинныхъ символистовъ осталось въ ней. „Быть можетъ никто изъ насъ не есть истинный символистъ“—признался однажды В. Ивановъ; и онъ былъ, конечно, правъ. Ибо *право на символизмъ* имѣютъ лишь тѣ, для кого онъ не только литературное теченіе, не только даже психологическая категорія, но и категорія познавательная; для кого онъ не только міровоззрѣніе, но и міровоспріятіе.

Такое „право на символизмъ“ имѣлъ Вл. Соловьевъ; и кое-кто изъ сверстниковъ „декадентовъ“ стоялъ къ символизму по настроенію своему ближе, чѣмъ къ декадентству (А. Добролюбовъ, Ю. Балтрушайтисъ, И. Кожевской-Ореусъ). Но даже и на вершинахъ символизма далеко не всегда былъ онъ, символизмъ, „имѣвшимъ право“—и въ этомъ отношеніи ступени его ведутъ отъ В. Иванова къ А. Блоку и отъ него къ А. Бѣлому. Рационалистическій у перваго, мистическій у послѣдняго—въ послѣднемъ онъ и достигаетъ высшей точки пути.

VII.

Творчество этихъ трехъ большихъ поэтовъ, мыслителей, художниковъ не можетъ быть раскрыто на немногихъ страницахъ¹⁾; здѣсь приходится ограничиться лишь краткой характеристикой. Вліяніе поэзіи Пушкина, Тютчева и Некрасова, прозы Гоголя и Достоевскаго, философіи Вл. Соловьева своеобразно преломилось въ творествѣ символистовъ.

Тяжеловѣсно-велелѣпная философская поэзія В. Иванова идетъ отъ Баратынскаго и Тютчева; архаизированная, она возвращаетъ насъ чуть ли не къ XVIII вѣку, къ Державину, къ масонамъ рационалистамъ и мистикамъ. Глубокій знатокъ эллинскаго міра, ученикъ Моммзена, онъ захотѣлъ стать тѣмъ, чѣмъ быть не могъ: носителемъ „духовнаго знанія“ и проявителемъ его въ своихъ произведеніяхъ. Символизмъ его есть поэтому лишь искусно слаженная личина, которая съ перваго взгляда обманно скрываетъ подлинный рационалистическій ликъ его. Ни пентаграммы, ни туманные намеки на „высшее знаніе“ не помогаютъ ему спрятаться отъ самого себя, отъ своего подлиннаго лика; и если протянуть линію къ XVIII вѣку, то не масонамъ-мистикамъ, не розенкрейцерамъ близокъ В. Ивановъ (чего онъ страстно желалъ бы), а рационалистическому теченію (которому онъ такъ враждебенъ). Онъ много и умно говорилъ съ чужихъ словъ о Люциферѣ, объ Ариманѣ, о духовномъ знаніи, о духовномъ опытѣ,—но говоритъ о томъ чего внутренне не знаетъ, чего духовно не имѣетъ. Мучительное стремленіе быть тѣмъ, чѣмъ быть ему не дано—трагедія его творчества. Хотѣлъ бы быть духовнымъ „учителемъ“, является лишь литературнымъ *maitr'omъ*.

И въ послѣднемъ—его заслуги, которыхъ нельзя не дооцѣнить. Для цѣлаго ряда молодыхъ поэтовъ девятисотыхъ годовъ онъ былъ тотъ *arbiter elegantiarum*, который многому ихъ научилъ. Большой мастеръ техники, излюбившій такую наитруднѣйшую (но и наимертвѣйшую) форму, какъ „вѣнокъ сонетовъ“, онъ сталъ

¹⁾ Подробнѣе—въ моей книгѣ: „Александръ Блокъ. Андрей Белый“ (Спб., 1919 г.)

однимъ изъ искуснѣйшихъ „александрійцевъ“ символизма, достигъ недоступныхъ ранѣе вершинъ въ своей тяжеловѣсной поэзіи. Талантливый и лукавый Василій Шуйскій символизма, онъ, конечно, носилъ лишь маску подлиннаго мистика, но страстно хотѣлъ, чтобы маска эта была его подлиннымъ лицомъ. Одно время ему удалось увѣрить въ этомъ многихъ—и быть можетъ даже самого себя.

Однимъ изъ первыхъ заговорилъ В. Ивановъ о „кризисѣ индивидуализма“ былого декадентства, противопоставивъ ему нѣкую теургическую „соборность“; но и здѣсь всѣ эти „оркестры и ѳимелы“ грядущей „мистеріи свободнаго творчества“ остались словесными построениями, безмѣрно далекими отъ жизни. Ибо „мистерія“ есть какъ разъ та область, въ которую не дано вступить вѣрному выученику Аполлона, тщетно пытающемуся быть жрецомъ Діониса. Большой мастеръ художественнаго слова, напрасно тщился онъ дарованный ему жизнью вѣнокъ поэта замѣнить вѣнкомъ пророка. И хотя справедливо горькое восклицаніе В. Брюсова—

Горе, кто обмѣнитъ
На вѣнокъ—вѣнецъ!

(это горе вскорѣ стало судьбою А. Блока), но на примѣрѣ В. Иванова можно научиться, и другому, обратному: горестной попыткѣ обмѣнять добытый вѣнокъ на недоступный вѣнецъ.

А. Блокъ — полная противоположность старшему своему собрату. Тяжелозвонкія философемы одного — легкозвучная лирика другого; никогда ни одного „вѣнка сонетовъ“ не могъ бы написать А. Блокъ, точно также какъ никогда ни одного сонета не написалъ А. Бѣлый. Глубоко отравленный былымъ декадентствомъ, изнемогавшій въ „стеклянной пустынѣ“ одинокой души, не ушедшій отъ міра въ башню съ окнами цвѣтными— А. Блокъ нашелъ спасеніе въ мистикѣ Вѣчно-Женственнаго, въ эзотерическомъ ученіи Вл. Соловьева. На слова учителя—

Знайте-же! Вѣчная Женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ,

ученикъ отвѣтилъ цикломъ „стиховъ о Прекрасной Дамѣ“. Подлинно тогда „горѣлъ душою“ онъ, бѣдный рыцарь символизма, и этотъ душевный пожаръ на

минуту растопилъ ледъ одинокой декадентской души. Ибо трагедія А. Блока оказалась обратной, по сравненію съ трагедіей В. Иванова: одинъ пророкъ, другой поэтъ—оба они потерпѣли пораженіе отъ жизни. В. Ивановъ бесплодно пытался замѣнить свой вѣнокъ—вѣнцомъ; А. Блокъ безвольно далъ жизни замѣнить свой вѣнецъ—вѣнкомъ...

Да, былъ я пророкомъ. Царемъ я не буду.
Рабомъ я не стану. Но я—человѣкъ,—

такъ говоритъ поэтъ о себѣ. Онъ *былъ* пророкомъ, онъ *имѣлъ право* на символизмъ, имѣлъ право на вѣнецъ—и обмѣнялъ его на вѣнокъ лирическаго поэта. Онъ имѣлъ право на „безуміе“ (ибо пророкъ—всегда безумецъ въ глазахъ людей), но потерялъ его, замѣнилъ Прекрасную Даму—Незнакомкой, Снѣжной Маской, Картонной Невѣстой („Балаганчикъ“), любовь къ розѣ и кресту—земною „влюбленностью“. Благоуханнѣйшій вѣнокъ поэта (безмѣрно тяжелый для него самого) сталъ его удѣломъ; до небывалой тонкости довелъ онъ знаменитый „трехдольный паузникъ“, свои перебойные ритмы, выражавшіе его душевные перебои. Паденіе его—отъ вѣнца къ вѣнку—совершилось въ тундровые годы между двумя русскими революціями; вмѣсто горѣнія сердца въ пламени—было метаніе въ снѣжномъ вихрѣ вновь замерзающей души. И лишь событія мірового переворота вновь взметнули эту душу на недостигнутую ранѣе высоту („Двѣнадцать“, „Скиѣны“).

Крайне близокъ А. Блоку—и въ то же время опять противоположенъ ему—третій поэтъ, достигшій вершинъ символизма, А. Бѣлый. Вѣчно пылающій духомъ, не обмѣнялъ онъ вѣнецъ на вѣнокъ, не надѣвалъ никакихъ личинъ, но, мятущійся, искалъ истины на новыхъ и новыхъ путяхъ. И онъ тяжело преодолевалъ бывшее декадентское одиночество, и онъ испыталъ на самомъ себѣ тяжкій „кризисъ индивидуализма“, и онъ вступилъ на „путь безумія“, ожидая ближайшихъ эсхатологическихъ свершеній, и онъ шелъ отъ Вл. Соловьева и его „Трехъ разговоровъ“. Новую, свою форму создалъ онъ (отъ него потомъ многимъ заимствовались „футуристы“), одинаково далекою и отъ легкозвучности А. Блока и отъ тяжелозвонкости В. Иванова; отъ Тютчева, отъ Баратынскаго, позднѣе отъ Некрасова идетъ линія его поэзіи.

Когда путь „безумія“ былъ пройденъ до конца (это совпало съ концомъ первой русской революціи), онъ пытался найти спасеніе на пути строгой философской мысли; но и этотъ путь обманулъ. Вѣчно ищущій, подлинный „символистъ“ по духу, онъ вступилъ тогда на путь реального „теургическаго“ дѣланія, о которомъ только словесно могъ разсуждать В. Ивановъ; путь этотъ А. Бѣлый нашелъ въ теософіи, въ антропософіи Рудольфа Штейнера. Теософія, рожденная въ свѣтъ одной изъ геніальнѣйшихъ русскихъ женщинъ минувшаго вѣка, Блаватской, была вѣдь задолго до „символизма“ своеобразнымъ и глубоко знаменательнымъ его проявленіемъ.

Въ этотъ періодъ своей жизни, между двумя русскими революціями, А. Бѣлый создалъ замѣчательнѣйшее произведеніе эпохи символизма—романъ „Петербургъ“; въ немъ и въ послѣдующихъ произведеніяхъ А. Бѣлаго („Котикъ Летаевъ“, „Записки чудака“ и др.)—вершины, достигнутыя русскимъ символизмомъ. За ними—уже давно начавшійся скатъ эпигонства, кризисъ символизма, разложеніе его; недаромъ къ этому времени въ поискахъ новыхъ путей появляется новое „декадентство“ начала XX вѣка—„футуризмъ“, нѣкое чудище „обло, озорно и лаяй“.

Высочайшая вершина символизма была достигнута; и если бы символизмъ, если бы романтизмъ нуждался въ оправданіи, то таковымъ было бы для него хотя бы одно творчество А. Бѣлаго.

VIII.

Вершины символизма—какъ и всякія вершины—не для всѣхъ; онѣ, какъ и горныя тропинки въ Альпахъ, по замѣчанію Л. Шестова, nur für die Schwindelfreie, только для не боящихся головокруженія. Массовой „читающей публикѣ“—удобнѣе и уютнѣе въ низинахъ; тамъ эпигоны прокладываютъ широкіе шоссеиные пути. Вершины символизма остались и до сихъ поръ для немногихъ; но „символизмъ“ и „декадентство“, какъ новыя формы,—одержали блестящую побѣду въ русской литературѣ. Правда, это была та самая побѣда, о которой еще въ девяностыхъ годахъ вѣрно предсказалъ В. Брюсовъ:

Но настанетъ мигъ—я вѣдаю—
 Побѣдятъ мои друзья,
 И надъ жалкой ихъ побѣдою
 Засмѣюся первымъ—я.

„Жалкая побѣда“—ибо всякая побѣда есть уже и поражение, ибо всякая побѣда есть уже и приспособленіе. Вершины лежатъ за снѣговой линіей приспособленчества, но въ низинахъ побѣда часто ведетъ къ вырожденію. Такъ въ жизни, такъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ.

В. Ивановъ, А. Блокъ, А. Бѣлый явились признанными, прославленными и непонятыми; „символизмъ“ сталъ понятенъ массѣ лишь въ общедоступной формѣ „аллегоризма“, тѣмъ болѣе, что проявителемъ послѣдняго явился большой талантъ Л. Андреева. Вотъ кто явился властителемъ думъ поколѣнія начала девяностыхъ годовъ, непосредственнымъ преемникомъ Чехова и М. Горькаго.

Все тотъ же вѣковѣчный вопросъ о человѣческой личности, все та же наследственная вражда живого духа къ мѣщанству лежала въ произведеніяхъ Л. Андреева, какъ до него у Чехова и у М. Горькаго; но было нѣчто новое, свое, опредѣляющее творчество Л. Андреева и его мѣсто въ русской литературѣ. Въ то время какъ его предшественники восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ обратились въ своемъ творствѣ къ вопросамъ общественно-этическимъ (тутъ и Гаршинъ, и Короленко, и М. Горькій), Л. Андреевъ вернулся къ темамъ философско-этическимъ, а значитъ и вернулся къ Достоевскому. Правда, одновременно съ нимъ къ этимъ темамъ подошелъ и символизмъ, углубивъ ихъ до проблемъ религіозно-философскихъ, но именно въ этомъ углубленіи и лежала причина ихъ недоступности для того читателя, которому по плечу была поэзія не Тютчева, а Надсона, философія не Вл. Соловьева, а какого-нибудь популярнаго профессора эпигона.

Л. Андреевъ не былъ эпигономъ, онъ былъ крупнымъ талантомъ; темы онъ захватывалъ широкія, не имѣя силъ ихъ углубить. Но именно въ этомъ широкомъ и поверхностномъ захватѣ была причина величайшей его популярности въ тѣ самые годы, когда не признанный символизмъ былъ понятъ и признанъ лишь немногими. Въ поэзіи „genus dicendi Asianum“ В. Иванова и „genus

dicendi Atticum“ А. Блока равно были недоступны широкой публикѣ (не говоря уже о „genus dicendi Rhodium“ труднаго по „содержанію“ А. Бѣлаго); легкой и наглядный „аллегоризмъ“ Л. Андреева покорилъ сразу всѣхъ. Тѣмъ болѣе, что въ этой легкой формѣ были созданы имъ такія талантливья и неожиданныя произведенія, какъ „Жизнь Человѣка“.

Прежній Л. Андреевъ, авторъ прекраснаго разсказа „Жили-были“, сразу былъ забытъ, и что главное, сразу забылъ самъ себя. Новый Л. Андреевъ сталъ, казалось ему, углублять новонайденную манеру въ рядѣ все менѣе и менѣе удачныхъ произведеній— „Къ звѣздамъ“, „Царь-Голодъ“, „Черныя Маски“, „Океанъ“. Сильный „Савва“, подлинный „Разсказъ о семи повѣщенныхъ“ показывали въ то же время, какой большой талантъ данъ этому не нашедшему себя „властителю думъ“ девятисотыхъ годовъ. „Что за талантъ у этого человѣка, и что за топоръ его талантъ“—эти слова Бѣлинскаго о Некрасовѣ невольно вспоминались въ приложеніи къ Л. Андрееву.

Большой топорный талантъ, талантъ глубоко „не культурный“, особенно выдѣлялся въ сравненіи съ утонченными, изостренными наслѣдниками декадентовъ, символистами, прошедшими черезъ всю европейскую культурную выучку и сумѣвшими соединить съ ней свою „русскую“ глубину. „Кризисъ индивидуализма“— провозгласили они; Л. Андреевъ въ творествѣ своемъ безсознательно противопоставилъ имъ утвержденіе индивидуализма, самоцѣльной человѣческой личности, но утвержденіе это строилось у него не на твердомъ основаніи, а на нутряной „философіи“, на внутреннемъ чувствѣ. И онъ выходилъ побѣдителемъ, если не запутывался въ мертвыхъ схемахъ аллегоризма, если „нутро“ и чувство не замораживалъ вымученною формою. Оттого такъ часты у него срывы и паденія и вновь подъемы, вновь возстанія. Такъ было съ самаго начала его творческой дѣятельности. „Большой шлемъ“— и рядомъ „Ложь“ (1900 г.), „Жили-были“ и „Стѣна“ (1901 г.), „Призраки“— и „Красный смѣхъ“ (1904 г.), „Губернаторъ“— и „Къ звѣздамъ“ (1905 г.) „Савва“, „Елеазаръ“, „Жизнь Человѣка“, „Иуда Искариотъ“— и „Царь-Голодъ“, „Тьма“, „Черныя Маски“ (1906—1908). И такъ идетъ эта перемежающаяся лихорадка достижений и падений до самыхъ послѣднихъ его произведеній.

И все же для девятисотых годов значение Л. Андреева было велико, как значение М. Горькаго для годовъ девяностыхъ и Чехова—для восьмидесятыхъ. Философско-этическія темы, подъ тяжестью которыхъ часто надрывался его доморощенный талантъ, были въ художественной литературѣ проявленіемъ темъ, одновременно затронутыхъ „нео-идеалистами“; и здѣсь и тамъ былъ возвратъ къ проблемамъ Достоевскаго, къ основной изъ нихъ—проблемѣ этического индивидуализма. Успѣхъ Л. Андреева послѣ десятилѣтія царства марксизма былъ въ этомъ отношеніи и показателемъ, и знаменателемъ. А успѣхъ „аллегоризма“ знаменовалъ собою кромѣ того и побѣду символизма, недоступнаго въ своей чистой формѣ для широкихъ массъ. Символизмъ *ad usum delphini*—въ этомъ была опасность для символизма, и она не преминула въ ближайшіе же годы повести къ его вульгаризаціи, упрощенію, уплощенію и разложенію. О разложеніи этомъ—рѣчь впереди; сперва ещё нѣсколько словъ о представителяхъ художественнаго реализма въ эти же девятисотые годы.

IX.

Старый реализмъ заблудился и погибъ въ тупикѣ натурализма; новый реализмъ родился, перейдя черезъ пустыню того самаго декадентства, изъ котораго вышелъ и символизмъ.

Старый реализмъ не сдался безъ боя. Несмотря на почти полное художественное безлюдье въ своемъ станѣ послѣ эпохи общественнаго мѣщанства, онъ еще пробовалъ обновиться, опираясь на достиженія Чехова. Единственной крупной его силой въ девяностыхъ годахъ былъ М. Горькій, но онъ былъ слишкомъ „самъ по себѣ“ и, несмотря на рядъ подражателей, ему не привелось имѣть продолжателей. Продолжатели же Чехова, въ родѣ четкаго и холоднаго И. Бунина, или теплаго и расплывчатаго „импрессиониста“ Б. Зайцева, не говоря уже о второстепенныхъ дарованіяхъ, въ родѣ А. Куприна, не могли влить новое вино въ старыя, расплывшіяся мѣха: задача была не по силамъ.

Путь выработки формъ новаго реализма лежалъ черезъ все то же „декадентство“, и недаромъ отдавали часто дань послѣднему новыя вступавшія въ литературу

силы (Сергѣевъ-Ценскій, продѣлавшій путь отъ слабаго „декадентскаго“ разсказа „Береговое“ къ сильной „реалистической“ повѣсти „Движенія“). Но подлинное обновленіе реализма было произведено силами самихъ бывшихъ „декадентовъ“, не ставшихъ „символистами“, какъ имъ ни хотѣлось бы этого. Отточенные „стилизованные“ романы В. Брюсова („Огненный ангель“, „Алтарь побѣды“), историческіе романы Д. Мережковскаго, особенно замѣчательный „Мелкій бѣсъ“ Ѡ. Сологуба и все мастерское творчество А. Ремизова—вотъ пути новаго реализма, вотъ вѣхи его въ выработкѣ новыхъ формъ для новаго содержанія.

В. Брюсовъ, Ѡ. Сологубъ, А. Ремизовъ долго считались „символистами“, не имѣя никакихъ духовныхъ „правъ на символизмъ“. По прежнему я говорю здѣсь, конечно, о символизмѣ не какъ о принципѣ творчества, но какъ о философіи міра, религіи жизни, психологіи духа. В. Брюсовъ искренно—мы видѣли—призналъ свою отчужденность отъ символизма, какъ міровоспріятія; реалистическій „марнассець“, онъ разработалъ въ прозѣ манеру стилизованнаго романа (начало положилъ еще Тургеневъ блестящею своею „Пѣснью торжествующей любви“). Ѡ. Сологубъ, вѣчный „декадентъ“ по духу, отточилъ новыя формы романа, показавъ, что романъ „бытовой“ (ибо весь „Мелкій бѣсъ“, весь Передоновъ—типичный „быть“) есть въ то же время романъ „міровой“. Въ этомъ пересѣченіи быта со всемірностью не было ни зерна духовнаго символизма, но были уже мастерскія достиженія новаго реализма. Пересѣченіе бытового съ фантастическимъ въ дальнѣйшихъ романахъ Ѡ. Сологуба только расширило область этихъ достиженій, не составляя, конечно, никакого приближенія къ сущности символизма. О холодныхъ и обточенныхъ романахъ Д. Мережковскаго въ этомъ отношеніи говорить не приходится, ибо дѣло не въ словахъ о „третьемъ Завѣтѣ“, а въ безсиліи проникнуть духомъ хотя бы въ преддверье его. Но со стороны „формы и содержанія“ и эти романы давали нѣчто новое „реализму“, вышедшему изъ былого натуралистическаго тупика.

Творчество А. Ремизова особенно характерно во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Единственный наслѣдникъ особнякомъ стоящаго въ русской литературѣ Лѣскова (не автора растянутыхъ романовъ, но творца насыщенныхъ,

а порою и пересыщенных „словомъ“ повѣстей, рассказовъ, апокрифовъ), А. Ремизовъ связалъ съ этой возрожденной имъ формой „достоевскую“ духовную боль, карамазовскіе вѣчные вопросы. Онъ прошелъ черезъ декадентство, сильно отразившееся по формѣ на первомъ его романѣ „Прудъ“, онъ дошелъ до вершины своего творчества въ „Крестовыхъ сестрахъ“, онъ далъ въ „Лимонарѣ“, въ трагедіяхъ („Бѣсовское дѣйство“, „Трагедія объ Іудѣ“, „Дѣйство о Георгіи“), въ „Отреченныхъ повѣстяхъ“, въ „Посолони“—образцы новыхъ реалистическихъ формъ, уходящихъ корнями въ глубь народного слова и древней „книжной мудрости“. Но мистическія достиженія былого „Добротолубія“ чужды его духу, „права на символизмъ“ у него нѣтъ, какъ этого ему ни хотѣлось бы; „безуміе“ подлиннаго символизма для него, невѣрующаго, есть лишь тема; церковь, православіе, быть для него лишь драгоценная форма. И онъ достигаетъ величайшаго мастерства, претворяя ее въ формы словесныя; и внѣшній бытъ („Крестовыя сестры“, „Пятая язва“ и др.) онъ возводитъ до мірового. Вѣчная тема—страданіе человѣческое—связываетъ его съ Достоевскимъ не менѣе, чѣмъ внѣшняя форма—съ Лѣсковымъ. Новый реализмъ достигаетъ здѣсь своихъ вершинъ и можетъ помѣряться главами съ вершинами символизма русской литературы.

Такъ въ началѣ новаго вѣка пышно расцвѣтаетъ поэзія и проза новаго, послѣ-толстовскаго періода. Эпигоны прежнихъ формъ—И. Бунинъ, П. Якубовичъ и др.—далекъ отстаютъ, отмираютъ, отцвѣтаютъ. Новыя силы рождаются и пользуются *всѣми завоеваніями старшихъ собратій (М. Пришвинъ, А. Толстой 2-ой и др.) Всяческое „александрійство“—впереди, но вершины и новаго романтизма и новаго реализма прочно достигнуты, завоеваны; расцвѣтъ русской поэзіи, расцвѣтъ художественнаго творчества во всѣхъ областяхъ знаменуетъ собою первыя десятилѣтія XX вѣка. И послѣ нигилистическаго декадентства, послѣ „кризиса индивидуализма“—снова побѣждаетъ исконная въ русской литературѣ мысль, исконное чувство—о самоцѣнности человѣческой личности, о тернистыхъ путяхъ ея въ вѣчной борьбѣ съ мѣщанствомъ духа, мѣщанствомъ жизни.

X.

Новый романтизмъ, новый реализмъ—побѣдили. А такъ какъ „реалисты“ этой группы долго смѣшивались (и смѣшиваются) съ подлинными „символистами“, то говорили вообще о „побѣдѣ символизма“, побѣдѣ новаго теченія, вышедшаго изъ декадентства и преодолѣвшаго его.

„Побѣда символизма“. Но тутъ же надо прибавить: „и разложеніе его“. Ибо очень скоро побѣда стала поражениемъ, расцвѣтъ сталъ разложениемъ. На завоеванныя пашни пришли стада эпигоновъ; уже въ началѣ девятисотыхъ годовъ А. Бѣлому пришлось сражаться съ „обозной сволочью“ (его слова) декадентства и символизма. Начиналось „александрійство“: внѣшнее мастерство и искусство безъ духа жива, изящность безъ одушевленія, эстетство и дэндиизмъ безъ горѣнія, машинное стилизаторство безъ страданія, безъ ненависти, безъ любви. Впослѣдствіи дикій и намѣренно косноязычный „футуризмъ“ сталъ реакціей противъ этихъ омертвѣвшихъ формъ, а потомъ и вообще всякихъ „старыхъ“ формъ (иной же разъ—новой, болѣе утонченной въ своей грубости формой того же самаго „александрійства“).

Побѣда и разложеніе символизма—въ этихъ словахъ исторія русской литературы полуторыхъ десятилѣтій XX вѣка; въ литературѣ, вообще въ искусствѣ, въ религіи—всюду наблюдалось одно и то же: побѣда, но цѣною вульгаризаціи, обѣднѣнія, разложенія. Послѣ взрыва 1905 года, послѣ погашеннаго пожара первой революціи, обывательскія стада валомъ повалили въ теософію; и то, что у Блаватской было духовнымъ проникновеніемъ, стало въ средѣ ея послѣдователей мѣщанскимъ уплощеніемъ. Геніальный въ узкомъ кругѣ половой мистики В. Розановъ, нашедшій самого себя въ этихъ вопросахъ еще въ послѣдніе годы XIX вѣка, а въ общественныхъ вопросахъ самый типичный обыватель-мѣщанинъ—находитъ послѣ 1905 года откликъ въ кругахъ мѣщанской бездарности, переводящей глубокіе вопросы на почву самой первобытной порнографіи. И такъ во всемъ; такъ было и съ символизмомъ. Онъ заблудился и погибъ въ тупикѣ вуль-

гарнаго эстетства, омѣщанившейся мистики, духовнаго стилизаторства. Одинокія вершины высоко поднялись надъ этимъ болотомъ мѣщанскаго символизма; болото разлилось по всему стану побѣдителей.

Котель революціи 1905 года переработалъ былыхъ символистовъ въ общественниковъ, былыхъ общественниковъ—въ псевдо-символистовъ. Промежуточные годы между первой и второй русской революціей были эпохой этой побѣды символизма и его разложенія; и эта побѣда, это разложеніе завершаютъ собою кругъ русской литературы XIX вѣка. По двумъ вѣчнымъ путямъ реализма и романтизма шла русская литература всѣ эти сто лѣтъ—и эти же пути ведутъ ее и дальше, въ невѣдомую глубь XX вѣка, ибо иныхъ путей нѣтъ у духа человѣческаго, есть лишь разныя формы проявленія вѣчныхъ и неизмѣнныхъ сущностей.

„Реалистическій“ пушкинскій періодъ былъ изжитъ въ художественной литературѣ къ девяностымъ годамъ минувшаго вѣка; „романтическій“ періодъ символизма въ послѣдующую четверть вѣка продѣлалъ тотъ же путь и исчерпалъ себя. Отъ высшихъ достижений новаго символизма, отъ Андрея Бѣлаго—протягивается вдаль путь людей „романтическаго“ міровоспріятія и творчества; отъ высшей точки новаго реализма, отъ „Мелкаго бѣса“, отъ повѣстей А. Ремизова—идетъ творческая линія людей міровоспріятія „реалистическаго“. Впереди—новыя исканія, новыя достижения по вѣчнымъ путямъ; новыя силы выходятъ съ новыми словами на эти пути. Первый большой народный поэтъ, Н. Клеверъ, подлинно „имѣющій право“ на символизмъ, появляется въ годы первой русской революціи; десятилѣтіемъ позднѣе, къ годамъ второй революціи, выступаетъ второй подлинный народный поэтъ, С. Есенинъ, „реалистическій“ путь котораго еще много обѣщаетъ въ будущемъ. Но все это—темы уже будущаго развитія русской литературы; ея кругъ XIX вѣка уже завершень; его завершило—четверть вѣка борьбы, побѣды, торжества и разложенія символизма.

И борьба эта—всегда борьба съ мѣщанствомъ духа; и торжество это—всегда торжество идеи о самоцѣнности человѣческой личности.

Такъ пришла русская жизнь отъ европейской войны 1814 года къ міровой войнѣ 1914 года. И къ этому

году относится третье и последнее поражение русской демократии. Если первое было, в эпоху нигилизма, идеологическимъ и сопровождалось разложениемъ теоретическаго реализма; если второе, в восьмидесятыхъ годахъ, было общественнымъ и сопровождалось разложениемъ реализма художественнаго,—то третье, в годы мировой войны, стало политическимъ поражениемъ, одновременнымъ съ разложениемъ символизма. Краткой исторіей этой эпохи между двухъ революцій мы и закончимъ нашъ долгій путь по вершинамъ русской общественной мысли.

Въ преддверіи XX вѣка.

(Двѣ революціи.)

I.

„Чтобы обозрѣть всѣ колокольни города, надо выйти далеко за предѣлы городскихъ стѣнъ“, — говорилъ Нитцше. Мы совершили обратный путь: съ каждымъ шагомъ мы все ближе и ближе подходили къ глухой стѣнѣ текущаго момента, наконецъ подошли къ ней вплотную и вошли въ самый городъ. Теперь мы стоимъ въ самомъ центрѣ кипучей городской жизни, раздѣленія и борьбы партій, восхваленія каждымъ колокольни своего прихода; все это послужитъ современемъ богатымъ матеріаломъ будущему историку русской общественной мысли, а мы можемъ считать нашъ путь пройденнымъ до конца. Только въ самыхъ общихъ чертахъ мы намѣтимъ группировку русской интеллигенціи въ преддверіи XX вѣка, пользуясь для этого все той же ариадниной нитью, которая вела насъ черезъ все XIX столѣтіе.

Читатель знаетъ нашу основную точку зрѣнія о двухъ психологическихъ типахъ, стоящихъ на двухъ совершенно различныхъ плоскостяхъ міропознанія и міропониманія; споръ между ученикомъ Сократа и жрецомъ Діониса является споромъ на двухъ разныхъ и взаимно непонятныхъ языкахъ. Мы можемъ только заявить, что, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣніямъ людей противоположнаго психологическаго типа, мы въ то же время стоимъ на реалистической почвѣ; эта субъективная сторона нашего міровоззрѣнія не мѣшаетъ намъ вполне объективно признать, что въ преддверіи XX вѣка на русской почвѣ дѣйствительно проявился тотъ истинный романтизмъ, къ которому

тщетно стремились въ первой половинѣ XIX столѣтія представители русской интеллигенціи, въ то время еще типично реалистической по типу сознанія; мы имѣли случай отмѣтить, что молодая русская интеллигенція той эпохи, еще только подступавшая съ пытливыми запросами духа ко всему „предѣльному“, не могла не стать характерно реалистичной. Всѣ попытки логическаго, этическаго, равно какъ и философскаго романтизма; не говоря уже о романтизмѣ религиозномъ, были обречены на неизбежное банкротство, и русская творческая мысль къ началу сороковыхъ годовъ остановилась на реалистическомъ типѣ міропониманія въ области философской мысли, и, одновременно съ этимъ, на социалистическомъ міровоззрѣніи въ сферѣ мысли общественной.

Однако мы тогда же отмѣтили и другое теченіе русской творческой мысли, пришедшее къ началу сороковыхъ годовъ къ романтическому типу міросознанія и въ то же время къ вполне ясно выраженному анархизму. Реализмъ и социализмъ, романтизмъ и анархизмъ — только такое сочетаніе общественныхъ и философскихъ элементовъ представляется намъ жизнеспособнымъ; сочетаніе романтизма съ социализмомъ дало въ свое время вымершую разновидность утопическаго социализма; сочетаніе реализма съ анархизмомъ нѣсколько долѣе противилось разлагающимъ силамъ внутренняго противорѣчія и имѣло среди русской интеллигенціи такихъ крупныхъ представителей, какъ Бакунинъ, Кропоткинъ и Толстой; однако, крахъ бакунизма въ борьбѣ съ реалистическимъ социализмомъ Маркса можетъ служить нѣкоторымъ показателемъ неустойчивости соединенія анархизма съ реализмомъ. Наша мысль (которая, конечно, нуждается еще въ подробномъ обоснованіи) состоитъ въ томъ, что сочетаніе анархизма съ реализмомъ и социализма съ романтизмомъ представляетъ изъ себя только искусственное, механическое смѣшеніе, въ то время какъ социализмъ и реализмъ, равно какъ и анархизмъ и романтизмъ, являются органически связанными другъ съ другомъ. По крайней мѣрѣ, въ исторіи русской общественной мысли только эти два теченія прошли черезъ весь XIX вѣкъ, начиная съ западниковъ и славянофиловъ.

Къ началу сороковыхъ годовъ русская интеллиген-

ція, въ лицѣ Бѣлинскаго, твердо пришла къ реализму въ области философско-психологической и къ социализму — въ области общественной мысли. Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій — вотъ послѣдующіе представители этого направленія, по которому пошло громадное большинство русской интеллигенціи; переживаемое нами политическое и социальное движеніе начала XX вѣка несомнѣнно происходитъ на почвѣ реализма и подъ знаменемъ социализма. Но рядомъ съ этимъ могучимъ потокомъ неослабно и неустанно пробивалась струя анархизма на романтической (въ смыслѣ особаго типа сознанія) почвѣ. Теченіе это ведетъ свое начало отъ „любомудровъ“, затѣмъ отъ славянофильства сороковыхъ годовъ, и, проходя черезъ Достоевскаго и Вл. Соловьева, развѣтвляется на двѣ струи: одна приходитъ къ критико-философскому теченію конца XIX вѣка, другая — къ символизму.

Мы отмѣтили выше фактъ внутренняго разложенія критико-философскаго теченія, идеалистическаго индивидуализма; оно разложилось на двѣ части, изъ которыхъ одна перешла къ демократическому либерализму, а отъ него — по наклонной плоскости вплоть до самой крайней реакціонности, оставаясь все время на почвѣ критической философіи; другая часть перешла къ типичному религіозному романтизму. Его генеалогія выяснена выше: славянофильство, Достоевскій и Вл. Соловьевъ, и, наконецъ, часть интеллигенціи конца XIX столѣтія. Для этой части русской интеллигенціи критическая философія была мостомъ для перехода отъ реалистическаго типа міропониманія къ романтическому, и въ то же время — отъ социализма марксистскаго толка къ анархизму. Русскій романтизмъ начала XX вѣка вполне естественно и неизбежно пришелъ къ анархизму; и анархизмъ этотъ является *романтическимъ анархизмомъ*, сказали бы мы, или „мистическимъ анархизмомъ“, если употребить терминъ, встрѣчавшійся въ журналѣ русскаго религіознаго романтизма — въ журналѣ „Вопросы Жизни“ (1905 г.); и въ этомъ отношеніи русскіе „романтики“ продолжали идейное теченіе славянофильства и являлись духовными дѣтьми Достоевскаго.

II.

Намъ предстоитъ теперь прослѣдить за другою группою русской интеллигенціи, — группою, стоявшею на почвѣ реализма и социализма. Мы возвращаемся здѣсь къ марксистамъ и народникамъ, продолжавшимъ и послѣ девяностыхъ годовъ свой споръ на почвѣ философскихъ и социально-экономическихъ вопросовъ; однако въ этой заключительной главѣ мы только бросимъ общій взглядъ на эти группы русской интеллигенціи—по причинѣ, указанной выше: мы вошли теперь въ предѣлы „городскихъ стѣнъ“ и лишены возможности исторической перспективы. Поэтому только въ самыхъ общихъ чертахъ мы набросаемъ схему группировки громаднаго большинства русской интеллигенціи начала XX вѣка.

Девяностые годы, годы пробужденія русской интеллигенціи отъ спячки эпохи общественнаго мѣщанства, оказались предисловіемъ къ русской политической революціи, которая является рубежомъ XIX и XX вѣковъ. Система оффиціального мѣщанства послѣдней четверти XIX столѣтія сама подписала свой смертный приговоръ своей политикой распатыванія экономического фундамента, на которомъ она стояла, экономической политикой созданія дуты промышленности и высасыванія послѣднихъ соковъ изъ крестьянства. Раньше или позже, но взрывъ былъ неизбеженъ; неизбежной стала всенародная политическая революція, долженствующая положить конецъ системѣ оффиціального мѣщанства. Какъ къ этому времени сгруппировалась русская интеллигенція, въ какія формы вылилась русская общественная мысль?

Въ „реалистической“ части интеллигенціи (а только объ этой части и будетъ идти рѣчь далѣе) мы видимъ три крупныя группы: одну либеральную и двѣ социалистическихъ. Критико-философское теченіе, вышедшее изъ лона марксизма и одной струей впавшее въ „романтичeskій анархизмъ“, перешло другою струей въ русло „демократическаго либерализма“. Русский либерализмъ, влачившій жалкое существованіе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и загнанный въ подполье въ эпоху общественнаго мѣщанства, въ девя-

ностыхъ годахъ поднялъ голову и рѣшилъ вступить въ болѣе рѣшительную борьбу съ системой мѣщанства оффиціального. Онъ отказался (какъ оказалось впоследствии—только на короткое время) отъ старыхъ, излюбленныхъ принциповъ пѣнкоснимательства и, опираясь на „земщину“, объявилъ войну оффиціальному мѣщанству. „Земля“ выступила противъ „Государства“, и П. Струве въ своемъ заграничномъ журналѣ „Освобожденіе“ сталъ, по собственнымъ словамъ, „регистраторомъ русской либеральной мысли“. Идеологіей либерализма сталъ уже знакомый намъ „идеализмъ“, и критико-философское теченіе явилось, такимъ образомъ, мостомъ отъ марксизма къ либерализму. Мы видѣли выше, что „либерализмъ“ понимался идеалистами очень широко, что ему придавался не столько политическій, сколько этический смыслъ; однако, когда отъ словъ пришлось перейти къ дѣлу, то оказалось, что „широкій смыслъ“ либерализма неизбежно выливается въ узкія формы. Когда послѣ 17-го октября 1905 г. произошло быстрое дифференцированіе русскихъ политическихъ партій, то демократическій либерализмъ, ставшій знаменемъ „конституціонно-демократической“ партій, сталъ на крайнемъ правомъ флангѣ русской общественной мысли ¹⁾. Въ своемъ послѣдующемъ развитіи онъ все ближе и ближе сталъ подходить къ бывшему пѣнкоснимательству и къ постепенному, съ дозволенія околоточныхъ надзирателей, благопоспѣшенію.

Громадное большинство русской интеллигенціи оставалось въ тѣ годы социалистическимъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи завѣтамъ исторіи русской общественной мысли; только былой „великій расколъ“ обратился теперь въ русской интеллигенціи во фракціонную раздробленность. Попрежнему стояли другъ противъ друга двѣ группы народниковъ и марксистовъ, но первая изъ нихъ дѣлилась уже на три фракціи („трудовиковъ“ и социалистовъ-революціонеровъ, въ свою очередь дѣлившихся на „максималистовъ“ и „минималистовъ“), а вторая—на двѣ (соціалъ-демократовъ „большевиковъ“

¹⁾ Группы, стоящія еще правѣе к.-д.—это уже, вообще говоря, представители не интеллигенціи, а „дикарей высшей культуры“. Надо помнить однако, что не политическіе взгляды опредѣляютъ собою принадлежность къ интеллигенціи; см. объ этомъ т. I, Введеніе, а также мою книгу „Объ интеллигенціи“.

и „меньшевикомъ“) ... Происходила вполне естественная дифференціация политическихъ партій, по тактическимъ и программнымъ вопросамъ. Не входя въ подробности, мы только самыми общими чертами обрисовываемъ положеніе русской социалистической мысли въ преддверіи XX вѣка.

III.

Марксизмъ быстро выросъ и усилился въ теченіе девяностыхъ годовъ; онъ двинулъ впередъ русскую мысль. Идеологически онъ двинулъ ее отъ позитивизма къ Гегелю, правда, перевернутому вверхъ ногами,—но отъ него не трудно было найти выходъ и дальше изъ позитивнаго тупика; политически онъ взбудоражилъ живой мыслью муравейникъ русскаго „культурнаго“ общества и усилилъ кадры русской интеллигенціи. Наконецъ, въ 1898 г. изъ марксизма вышла, съ Манифестомъ въ рукахъ, Русск. Соц.-Демокр. Рабоч. Партія. Это было время апогея торжества марксизма: изъ интеллигентской, внѣклассовой группы онъ обращался въ классовую, пролетарскую партію! Надо вспомнить рѣзко отрицательное отношеніе марксизма къ интеллигенціи, о которомъ намъ приходилось говорить выше, чтобы понять всю радость марксистовъ, ставшихъ социаль-демократами. Но именно къ этому же времени относятся и первые проблески пониманія марксистами роли и значенія интеллигенціи—хотя бы въ ихъ собственномъ идеологическомъ строительствѣ.

Еще въ 1900 г. одинъ изъ публицистовъ ортодоксальнаго марксизма, Потресовъ, призналъ всю ошибочность былого пренебрежительнаго отношенія марксизма въ русской интеллигенціи. Мы помнимъ, что Струве въ своихъ „Критическихъ Замѣткахъ“ обозвалъ русскую интеллигенцію „кучкой идеалистовъ“, признавъ ее социологически за *quantité négligeable*; теперь Потресовъ, ортодоксальный марксистъ, рѣзко возстаетъ противъ подобнаго взгляда; по его мнѣнію, Струве „погрѣшилъ передъ русской интеллигенціей, пренебрежительно обозвавъ ее кучкой идеалистовъ“; „требуется еще доказать,—говоритъ онъ,— что наша безусловная интеллигенція... была не чѣмъ инымъ, какъ такого рода кучкою,

что, напиримѣръ, массовое хожденіе въ народъ... возможно сувереннымъ мановеніемъ руки смахнуть съ вѣсовъ исторіи, какъ нѣчто невѣсомое. Глубокому броженію цѣлыхъ десятилѣтій, оставившему неизгладимый слѣдъ на всей русской литературѣ и нестираемую печать на психологіи значительныхъ пластовъ нашей современной общественной формации, передъ верховнымъ судомъ исторіи нельзя вынести приговоръ: величина социологически ничтожная"... Теперь, отказавшись отъ легкомысленнаго осужденія интеллигенціи, марксизмъ признаетъ ее „сфинксомъ русской жизни“; теперь марксизмъ признаетъ, что разночинная интеллигенція „сказала *свое слово* въ русской исторіи, и звенитъ оно среди сумеречной обстановки обывательскаго существованія вотъ уже пятый десятокъ лѣтъ призывнымъ, будящимъ звономъ“; теперь марксизмъ взываетъ: „никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайте своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи“; теперь марксизмъ говоритъ о „громадной умственной и революціонной энергіи социалистической интеллигенціи“ (см. газету „Начало“, 1905 г., № 1). Вотъ какой, съ Божьей помощью, поворотъ! Но этого мало: теперь марксисты категорически признаютъ и подчеркиваютъ, что „*марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ опредѣленной части русской интеллигенціи*“; теперь уже марксизмъ не отрицаетъ не только этической, но и громадной политической роли русской интеллигенціи (Потресовъ, „Что случилось?“; „Заря“ 1901 г.).

Все это не только въ высшей степени справедливо, но и въ высшей степени знаменательно. Правда, не всѣ марксисты уразумѣли историческую справедливость этихъ положеній; не всѣ они поняли, что русскій марксизмъ былъ типично интеллигентскимъ построеніемъ русской общественной мысли: даже въ меньшевистской „Искрѣ“ 1904 г. мы снова находимъ въ статьяхъ Троцкаго брань и насмѣшки надъ интеллигенціей („Искра“ 1904 г., № 59), а Тирфей большевиковъ, М. Горькій, уже въ концѣ 1905 г. въ цѣломъ рядѣ статей „О мѣщанствѣ“ (въ фельетонахъ первыхъ №№ газеты „Новая Жизнь“) поставилъ знакъ равенства между этическимъ мѣщанствомъ и интеллигенціей, причисливъ къ лику мѣщанъ ни болѣе ни менѣе, какъ

Л. Толстого и Достоевскаго! До такихъ Геркулесовыхъ столповъ самыя узкіе изъ твердокаменныхъ марксистовъ доходили все же не часто.

IV.

Въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ, почти одновременно съ возникновеніемъ Р. С.-Д. Р. П., воскресло и обновилось и молодое русское народничество, какъ политическая группа, принявшая по наслѣдству отъ народовольчества названіе социаль-революціонерства. Что касается философскаго фундамента этой группы русской интеллигенціи, то молодые народники остались при старомъ позитивизмѣ и въ этомъ отношеніи не сдѣлали ни шага впередъ отъ Лаврова и Михайловскаго. Нѣкоторые изъ представителей народничества пробовали опереться на эмпирио-критицизмъ, нѣкоторые—на переработаннаго для всеобщаго употребленія Нитцше, но эти одинокія попытки не дали всему народничеству того твердаго философскаго фундамента, который необходимъ при постройкѣ цѣльнаго и широкаго міровоззрѣнія. Мы слышали отъ народничества исповѣданіе принциповъ этического и социологическаго индивидуализма, но исповѣданіе это въ лучшемъ случаѣ являлось модернизированными варьяціями на тему, исчерпанную еще Михайловскимъ.

Все вышесказанное касается философскаго фундамента народничества; что касается его социально-экономическихъ воззрѣній, то они развивались въ девяностыхъ годахъ подъ сильнымъ давленіемъ марксизма, по признанію самихъ же представителей возродившагося народничества. Нельзя отрицать того, что въ цѣломъ рядѣ вопросовъ старое народничество было наголову разбито марксизмомъ девяностыхъ годовъ и реальной россійской дѣйствительностью; еще болѣе было бы странно отрицать и крушеніе марксистской догмы о дѣйствительность русской политико-экономической жизни начала XX вѣка. Аграрный вопросъ сыгралъ роль своего рода „*experimentum crucis*“, перев. на реальную почву вопросъ о теоретическихъ воззрѣніяхъ народничества и марксизма.

Ортодоксальный марксизмъ въ началѣ девяностыхъ годовъ съ юношеской нетерпимостью проповѣдывалъ

экспроприацию мелкого земельного собственника, радовался этому „исторически-необходимому“ процессу и воспеивал деревенского кабатчика и кулака, какъ „высшій типъ человѣческой личности“ (Плехановъ, Струве). Согласно теоріи „научнаго социализма“, мелкая земельная собственность фатально поглощается крупной, такъ какъ капиталистическое производство побѣждаетъ кустарное не только въ области фабрично-промышленной, но и въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Однако, исторія и статистика не только не оправдали этотъ историко-экономическій законъ, но обнаружили его полнѣйшую мнѣичность даже для Франціи и Германіи.

Въ это время въ Россіи начиналось бурное и обширное крестьянское движеніе (1902 г.), почти одновременное съ выступленіемъ на русскую историческую сцену фабрично-заводскаго пролетаріата. Часть марксистовъ („большевики“, Ленинъ) увидѣла невозможность оставаться при старой аграрной программѣ, такъ какъ при ней нечего было думать о возможности опереться на революціонное крестьянство; тогда въ марксизмъ появилась типично палліативная „теорія отрѣзковъ“, теорія возвращенія крестьянамъ такъ называемыхъ занадѣльных отрѣзковъ 1861 года. Прошло еще два года, и марксисты были вынуждены сдѣлать дальнѣйшій шагъ; теорія отрѣзковъ была предана забвенію и марксисты (даже меньшевики!) стали требовать уже муниципализаціи всѣхъ земель; нѣкоторые изъ нихъ пошли и дальше этого. Тутъ уже политико-экономическій либерализмъ сталъ упрекать марксистовъ въ забвеніи законовъ научнаго социализма, сталъ убѣждать слѣдовать примѣру капиталистической Европы, которая твердо стоитъ на священномъ принципѣ частной земельной собственности и ничего не слыхала ни о какомъ проектѣ муниципализаціи...

Придя къ такому проекту, марксисты совершенно неожиданно для себя стали на точку зрѣнія возможности особаго пути экономического развитія Россіи! Конечно, этотъ особый путь не есть скачекъ черезъ капиталистическій фазисъ развитія, но вѣдь на послѣдней точкѣ зрѣнія не стоятъ теперь даже могикане стараго народничества.. Правда, долго еще оставались любимыя окаменѣлости изъ породы ортодоксальныхъ марксистовъ, которые блюли за чистотой марксистской

догмы и съ великолѣпнымъ апломбомъ заявляли и подчеркивали, что „...никакой особой аграрной, т.-е. крестьянской, программы нѣтъ и быть не можетъ“ и что пролетарская партія не должна играть въ руку мелко-буржуазной деревнѣ, — но такихъ ортодоксовъ было уже немного, это были уже „*gaiae aves in marxismi horto*“... Наконецъ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ, во вторую русскую революцію, марксизмъ большевистскаго толка дошелъ до признанія земледѣльческаго „коммунизма“: такой головокружительный путь продѣлалъ онъ въ одно десятилѣтіе. Впрочемъ, это было не только въ аграрномъ вопросѣ; и недаромъ различные „*gaiae aves*“ упрекали ставшій у власти „большевизмъ“ за сдачу многихъ идейныхъ позицій и „бакунизму“, и народничеству.

V.

Народничество заняло по аграрному вопросу ту позицію, которая необходимо вытекала изъ хода историческаго развитія русскаго социализма; оно выставило принципъ широкой *соціализаціи* земли, какъ основаніе своей программы *минимум*; оно требовало упраздненія всей частной собственности на землю и организаціи уравнительнаго землепользованія. Марксисты, конечно, считали такую программу „мелко-буржуазной“ (они и Михайловскаго называли „идеологомъ мелкой буржуазіи“) и заявляли, что въ ней сказывается вѣчная ошибка народничества: попытка воскресить отмирающее (община) и въ то же время перескочить черезъ капиталистическій фазисъ развитія, ибо социализація земли мыслима только при торжествѣ социализма по всей линіи.

Что касается общины, то, дѣйствительно, молодое народничество попрежнему относилось съ довѣріемъ къ ея внутреннимъ силамъ, хотя и не отрицало факта разложенія общины подъ вліяніемъ губительной для крестьянства экономической политики второй половины XIX вѣка; молодое народничество, дѣйствительно, надѣялось, что, избавившись отъ бюрократическаго и сословнаго гнета, община найдетъ въ себѣ силы сопротивленія процессу внутренняго разложенія, искусственно поощряемаго извнѣ. Молодое народничество настойчиво заявляло, что къ вопросу объ общинѣ оно подходитъ

строго критически, что оно прежде всего ставить передъ практической наукой вопросъ о жизнеспособности общины; „данное, исторически-реальное крестьянство, при данныхъ культурныхъ и социальнo-политическихъ условіяхъ, организованное въ поземельно-общинныя ячейки, обнаруживаетъ ли способность въ переорганизациі окружающихъ и своихъ собственныхъ поземельныхъ отношеній на болѣе широкихъ, исторически-прогрессивныхъ началахъ? Есть ли община лишь пассивный матеріалъ, который *меньше противится* вліяніямъ извнѣ въ смыслѣ прогрессивнаго развитія, или мы въ общинѣ имѣемъ теченія, на *активныя* тенденціи которыхъ мы можемъ опереться, работая для этого прогрессивнаго развитія въ направленіи къ социализму? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь конкретнымъ, индуктивнымъ изслѣдованіемъ реальной русской дѣйствительности“ (В. Черновъ).

Что же касается упрека въ желаніи совершить скачекъ черезъ капитализмъ прямо въ царство социализма, то онъ, очевидно, билъ мимо цѣли; марксисты забывали извѣстное положеніе, что не всѣ обратныя теоремы справедливы. При осуществленіи „социализма“ несомнѣнно должна имѣть мѣсто и „социализація“ земли, но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что социализація обусловливаетъ собою социалистическій строй; самъ Плехановъ въ первомъ своемъ памфлетѣ („Наши разногласія“, 1884 г.) твердо зналъ эту истину; вполне справедливо заявляя, что хотя когда идетъ дождь—я раскрываю зонтикъ, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дождь пойдетъ, когда я раскрою зонтикъ... Марксисты забыли эту истину и стали утверждать, что если социализація земли является слѣдствіемъ социализма, то она и возможна только вмѣстѣ съ социализмомъ. Это старая и знакомая намъ ошибка марксизма, коренящаяся въ его фатализмѣ: правильно подчеркивая необходимость единослѣдственности тождественныхъ причинъ, марксизмъ въ то же время не понимаетъ возможности разнопричинности тождественныхъ слѣдствій. Такова ошибка марксизма съ логической стороны; съ социальнo-экономической она уже давно вскрыта современными народниками и заключается въ смѣшеніи формы производства съ формой собственности. „Когда говорятъ о социализаціи земли, то болѣе чѣмъ ясно,

что о социализмѣ здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Соціализмъ есть извѣстный способъ планомѣрной организациі всего производства обществомъ и для общества. Соціализація же земли сама по себѣ еще никакъ не рѣшаетъ вопроса о *формѣ производства*, а рѣшаетъ лишь вопросъ о *формѣ собственности* на одинъ опредѣленный родъ благъ—именно, на поверхность и нѣдра земли“ (В. Черновъ).

Но это уже частные вопросы, которые мы можемъ затронуть только мимоходомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они вытекаютъ, какъ слѣдствія, изъ болѣе общаго вопроса, разъединявшаго народничество и марксизмъ: это—вопросъ о классовой борьбѣ и о пролетарскомъ характерѣ социализма. Ортодоксальные марксисты, оберегая чистоту догмы Маркса, настаивали на строго пролетарскомъ характерѣ социализма, причемъ рѣзко ограничивали этотъ классъ городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ съ одной стороны отъ „мыслящаго пролетаріата“, съ другой—отъ „мелкой буржуазіи“, отъ трудового крестьянства. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, „никакой особой аграрной, т.-е. крестьянской программы, нѣтъ и быть не можетъ“; но мы видѣли, что марксизмъ былъ принужденъ сойти съ высотъ этой теоріи въ конкретную, реальную жизнь и опереться въ своей борьбѣ за социализмъ и на интеллигенцію и на крестьянство.

Народничество въ этомъ вопросѣ сохранило старыя позиціи, защищая принципы трудового социализма и утверждая, вслѣдъ за Михайловскимъ, что интересы *народа* суть интересы *личности*, которая опредѣляется *трудомъ*. Городской пролетаріатъ является для народничества только авангардомъ социалистической арміи, который не можетъ довести до конца своими силами не только социальную, но даже и политическую революцію; стремленія городского пролетаріата должны быть поддержаны массой „трудового народа“, только тогда они явятся достаточно обоснованными. Возставая противъ чрезмѣрно узкаго пониманія ортодоксальнымъ марксизмомъ принципа классовой борьбы, народничество доказывало, что интересы городского пролетаріата тѣсно связаны съ интересами трудового крестьянства (В. Черновъ: „Крестьянинъ и рабочій какъ экономическія категоріи“). Однимъ словомъ, хотя народничество и не принимало „народъ“ за одно цѣлое, но оно попрежнему принимало „интересы труда“ за единицу,

понимая ихъ въ широкомъ смыслѣ. Правда, въ одно и то же время горшечникъ молитъ Бога о вѣдрѣ, а пахарь — о дождѣ, но это слишкомъ узкое толкованіе „интересовъ труда“; при широкомъ ихъ толкованіи интересы трудового крестьянина, фабричнаго рабочаго и „мыслящаго пролетарія“ могутъ оказаться лежащими въ одной плоскости. Народничество приняло, такимъ образомъ, принципъ классовой борьбы, но пыталось широко раздвинуть его предѣлы.

Таково было къ 1905 году положеніе вопроса объ особомъ пути развитія Россіи,—вопроса, за эволюціей котораго мы слѣдили на протяженіи всей этой книги. Мы видѣли, что народничество шагъ за шагомъ вынуждено было отказаться отъ цѣлага ряда своихъ основныхъ положеній. Мы видѣли у Герцена и Михайловскаго вѣру въ особый *типъ* развитія Россіи—эта вѣра была окончательно разрушена; мы видѣли у перваго изъ нихъ убѣжденіе въ анти-мѣщанствѣ „крестьянскаго тулупа“—это убѣжденіе было расшатано; мы помнимъ, что народнической примать соціального надъ политическимъ былъ отвергнутъ самими же народниками; мы знаемъ, что въ цѣломъ рядѣ пунктовъ народничество было разбито въ девяностыхъ годахъ марксизмомъ. И если всѣ эти удары не сокрушили „русскій социализмъ“, то, значитъ, дѣйствительно были въ немъ жизнеспособныя начала, которыя мы также старались вскрыть на предыдущихъ страницахъ. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ основныхъ началъ народничества мы считаемъ его отношеніе къ личности. Народничество соединило въ себѣ яркое *анти-мѣщанство* и величайшую *общественность* съ безусловнымъ *индивидуализмомъ*: Герценъ, Чернышевскій и Михайловскій являются въ этомъ отношеніи величайшими представителями русскаго социализма во всей исторіи русской общественной мысли XIX вѣка. Въ преддверіи XX вѣка возродившееся народничество пошло по этому же направленію въ загадочную глубь наступающаго столѣтія...

VI.

Такъ дѣлилась на партіи и группы русская интеллигенція къ началу первой русской революціи, къ 1905 году. Здѣсь не мѣсто, однако, подробнѣе говорить

объ этихъ группировкахъ: задача наша—не исторія партій, а исторія мысли. По той же причинѣ не будемъ подробно говорить и о самой революціи 1905 года, тѣмъ болѣе, что она оказались лишь революціей „пробной“. Громадное внутреннее значеніе ея—трудно преувеличить, внѣшнія политическія завоеванія ея—легко преуменьшить; но надо помнить, что 1905 годъ впервые показалъ во всероссійскомъ масштабѣ возможность близкаго осуществленія всего того, за что боролась социалистическая русская интеллигенція. XIX вѣка.

Однако тотъ же 1905 годъ воочию показалъ и другое: какъ много случайныхъ „спутниковъ“ у основного ядра интеллигенціи, какъ велика численно „интеллигенція“ въ кавычкахъ, все „цивилизованное“ общество, „дикари высшей культуры“, и какъ сравнительно невелика числомъ та подлинная духовная интеллигенція, задача которой—творчество новыхъ формъ и идеаловъ и активное проведеніе ихъ въ жизнь. Не успѣла революція 1905 года добиться первыхъ октябрьскихъ успѣховъ, какъ громадное большинство „интеллигенціи“ опасливо остановилось на достигнутыхъ результатахъ. Этимъ и объясняется съ внѣшней стороны быстрое угасаніе революціонной волны въ 1906 году: народныя массы не были тогда еще всколыхнуты до дна (какъ это сдѣлала міровая война десятилѣтіемъ позднѣе), а такъ называемое „интеллигентное общество“ быстро устало „творить новыя формы“, испугалось „активнаго проведенія ихъ въ жизнь“ и, съ видомъ подчиняющагося лишь силѣ, легко удовлетворилось скудными политическими достиженіями первой революціи.

Интеллигенція—всегда численно небольшая группа, этически анти-мѣщанская, социальна внѣсословная и внѣклассовая; non multa sed multum—постоянное ея опредѣленіе. Но эта не новая истина, казалось, твердо была забыта въ послѣ-революціонные годы, когда интеллигенція, передъ фактомъ „неудавшейся“ политической и социальной революціи, стала предаваться самобичеванію. Бичевала она „интеллигенцію“ въ кавычкахъ, а думала, что бичуетъ сама себя. Такъ нѣкогда Донъ-Кихоть думалъ, что Санчо Панса бичуетъ себя, въ то время какъ тотъ преисправно бичевалъ ближайшія деревья.

Роль Санчо-Пансы взяли на себя напумѣвшіе тогда, въ 1908 году, „Вѣхи“—сборникъ статей все тѣхъ же авторовъ, которые давно уже все дальше и дальше отходили отъ социализма (Н. Бердяевъ, С. Булгаковъ, П. Струве и еще нѣсколько случайныхъ авторовъ).

Основной мыслью всѣхъ этихъ „кающихся разночинцевъ“ было признаніе личнаго совершенствованія, какъ пути борьбы съ общественными несовершенствами, „свобода внутренняя“ противопоставлялась недобытой путемъ политической борьбы „свободѣ внѣшней“, социальный идеаль „блага народа“ противопоставлялся идеѣ внѣсоциальной „Истины“. Во всемъ этомъ не трудно узнать старые мотивы эпохи общественнаго мѣщанства, старые идеи толстовства; въ годы духовной усталости широкой успѣхъ этимъ идеямъ былъ обезпеченъ.

Но успѣхъ этотъ былъ показателенъ и въ другомъ отношеніи. „Вѣхи“ были направлены противъ того „социальнаго максимализма“, къ которому всегда стремилась лучшая часть русской интеллигенціи; отрицаніе его производилось яко-бы во имя максимализма духовнаго. Но это „во-имя“ было лишь словеснымъ, ибо нѣтъ и не можетъ быть различія между „социальнымъ“ и „духовнымъ“, ибо первое есть лишь часть второго, и отрицая первое нельзя не обѣднить, не сузить и второе. Десятилѣтіемъ позднѣе недаромъ почти всѣ тѣ-же идеологи оказались въ самыхъ реакціонныхъ группахъ интеллигенціи въ ея отношеніи къ событіямъ великой русской и міровой революціи.

А пока—событія первой революціи глубоко перемѣшали слои русской интеллигенціи, заставивъ обѣ ея главныя группы во многомъ сдать взаимно свои позиціи, ко многому присмотрѣться, многому поучиться. До 1905 года у насъ былъ общественно-безграмотный символизмъ и эстетически-безграмотный социализмъ. Духовно плоскій, социальнo сильный марксизмъ—даже и онъ сталъ присматриваться къ духовно-глубокимъ, хотя и социальнo безпомощнымъ построеніямъ „романтической“ идеологіи. Годы между двумя революціями характеризуются попыткой взаимнаго уразумѣнія двухъ психологически различныхъ группъ русской интеллигенціи—и одинъ общій пунктъ объединяетъ ихъ, столь разныхъ, непохожихъ, непримиримыхъ.

И этотъ пунктъ—въ томъ самомъ „духовномъ максимализмѣ“, который они такъ по разному чувствуютъ, но такъ единодушно предчувствуютъ. Предчувствуютъ, что вотъ-вотъ, при дверяхъ—конецъ міра, но не со вторымъ пришествіемъ Христа, а съ пришествіемъ міра новаго, на развалинахъ стараго зижлущагося. Старый, мѣщанскій—прогнилъ до корня; новый построится на развалинахъ стараго.

И это—по разному чувствуютъ и „соціалисты“ и „символисты“ тѣхъ годовъ. Революціонныя прокламаціи этой эпохи не менѣе характерны, чѣмъ поэтическія прѣзрѣнія большихъ и подлинныхъ нашихъ художниковъ; и въ то время, какъ въ низинахъ жизни и литературы чадить стряпня мелкой политической кухни и дешевыхъ литературныхъ „проблемъ“ (въ родѣ „Санина“ М. Арцыбашева, успѣхъ котораго тоже характеренъ для этихъ послѣ и предъ революціонныхъ годовъ), въ это время на вершинахъ видятъ послѣдніе лучи стараго, заходящаго, первые лучи новаго, восходящаго міра. И лучи эти—новая свобода *человѣческой личности* свобода и соціальная и духовная.

Такъ подошли мы къ взрыву сперва міровой войны, а за нею и міровой революціи. Здѣсь—рубежь, отдѣляющій XIX вѣкъ отъ XX, здѣсь конецъ и нашего пути въ изученіи исторіи русской общественной мысли.

VII.

За этотъ рубежь мы не перейдемъ; лишь немногими словами заключимъ исторію русской интеллигенціи, ея исторію въ тотъ вѣкъ, преддверіемъ къ которому была дѣятельность первыхъ революціонеровъ екатерининской эпохи, который начался съ идейнаго перелома послѣ „освободительной войны“ 1814 года, который кончился идейнымъ переломомъ въ началѣ „міровой войны“ года 1914-го. И если даже въ этотъ годъ былъ и не переломъ (онъ случился тремя годами позже), а лишь выявленіе подлиннаго лика цѣлаго ряда представителей русской интеллигенціи, то все же и это выявленіе было какъ нельзя болѣе знаменательнымъ.

Ибо въ 1914 году совершилось „третье паденіе“ демократіи—на этотъ разъ и „реалистической“ и „ро

мантической“: паденіе и разложеніе *политическое*. Лишь небольшое ядро „духовныхъ максималистовъ“ обоихъ становъ выдержало испытаніе огнемъ войны, громадное большинство скатилось въ болотныя низины обывательскаго пониманія и настроенія. Большіе поэты, видные представители социалистической мысли—всѣ очутились въ общей толгѣ принимающихъ, восхваляющихъ, оправдывающихъ эту міровую войну; К. Бальмонтъ или Ѳ. Сологубъ раздѣлили въ этомъ судьбу Г. Плеханова и многихъ сотенъ и тысячъ „народникомъ“ и „марксистовъ“. Въ тинѣ духовнаго мѣщанскаго болота одинаково запачкались высшіе представители двухъ разныхъ становъ русской интеллигенціи.

Но еще болѣе тяжкимъ оказалось испытаніе въ грозѣ и бурѣ революціи 1917 года. Этотъ годъ паденія стараго строя завершаетъ собою все столѣтіе политической борьбы; но лишь немногіе приняли рожденіе новаго строя революціи социальной. Правда, среди принявшихъ и понявшихъ были наиболѣе выдающіяся силы былого „символизма“ (А. Бѣлый, А. Блокъ), и, нѣсколько позднѣе, наиболѣе видная величина стана „реализма“, М. Горькій; но количественно имена „духовныхъ максималистовъ“ были наперечетъ противъ сплоченныхъ рядовъ отказавшейся отъ социализма массовой „интеллигенціи“.

Ибо „кризисъ социализма“—вотъ что пришло теперь на смѣну „кризису индивидуализма“ предыдущаго десятилѣтія. И этотъ „кризисъ“—во очищеніе отъ толпы *Mitläufer*’овъ, во очищеніе и самого социализма отъ того мѣщанскаго оппортунизма, который часто влекъ вершинное ученіе въ низинное приспособленіе. Но это къ лучшему—ибо не количество людей рѣшаетъ судьбу идей.

Но судьбу идей рѣшаетъ также и не сила, не насиліе. Новая партійная власть, ставшая къ концу 1917 года на развалинахъ и старой, постоянной, и промежуточной, временной, объявила господство идей одной опредѣленной формы предполагаемаго социализма,—формы „коммунистической“. Въ самой этой формѣ вѣтъ еще принципиальнаго анти-индивидуализма, но въ неумѣлыхъ и грубыхъ примѣненіяхъ ея—онъ налицо. Вотъ почему впереди—неизбѣжный новый расцвѣтъ вѣчнаго индивидуализма во всѣхъ

его духовныхъ формахъ. Наслѣдники былой революціонности, соединившіе въ эти годы свою „индивидуалистическую“ идеологію съ принятіемъ формъ новаго соціального міра, перенесутъ въ этотъ міръ вѣчно живое зерно *человѣка какъ самоцѣли*—человѣка, страдающаго, гибнущаго за свою любовь и вѣру, и вновь воскресающаго, для новой полной и яркой жизни, для новыхъ пораженій и новыхъ достиженій.

Ибо вѣчнымъ остался завѣтъ всей исторіи русской общественной мысли: *борьба съ мѣщанствомъ*, подъ какими бы формами оно ни пряталось. Ибо вѣчнымъ остался завѣтъ всей исторіи русской интеллигенціи: *борьба за индивидуализмъ*, какъ бы ни старалось мѣщанство спрятаться и за это духовное прикрытіе. Въ этой двойной борьбѣ вся внутренняя исторія XIX-вѣка—и вся исторія вѣка грядущаго. Эта ариаднина нить вела насъ по вершинамъ „духовнаго максимализма“ всего минувшаго вѣка; эта ариаднина нить протягивается отъ насъ въ невѣдомые лабиринты вѣка наступающаго. И она выведетъ когда-нибудь русскаго Тезея, русскаго „бездника“, русскаго „скиѣа“—отъ Минотавра-мѣщанства къ грядущему въ міръ, свободному духомъ и тѣломъ, подлинному *человѣку*.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы останавливаемся на рубежѣ XX вѣка, для того чтобы окинуть однимъ общимъ взглядомъ пройденный нами путь.

Теперь мы можемъ съ полнымъ основаніемъ повторить то, что высказали еще во Введеніи: борьба съ духовнымъ мѣщанствомъ въ тѣхъ или иныхъ его проявленіяхъ проходитъ черезъ всю исторію русской общественной мысли.

Въ преддверіи XIX вѣка передъ нами разстилается эпоха „литературнаго мѣщанства“, въ борьбѣ съ которымъ русская интеллигенція проходитъ періодъ своего первоначальнаго развитія. Ложно-классицизмъ гибнетъ подъ ударами сентиментализма; выродившійся сентиментализмъ погибаетъ въ борьбѣ съ „сентиментальнымъ романтизмомъ“; послѣдній вынужденъ уступить дорогу „псевдо-романтизму“, замыкающему кругъ этой своеобразной „системы литературнаго мѣщанства“ (а значитъ и мѣщанства духовнаго), въ которой такъ фатально *le mort saisit le vif*. Къ 1825-му году у русской литературы, по выраженію Пушкина, уже „прорѣзались зубки“: съ Пушкинымъ приходятъ отточенныя формы реализма, который и царитъ почти полновластно до самаго конца XIX вѣка.

Реализмъ и романтизмъ, два въ корнѣ различныхъ міровоззрѣнія и міровоспріятія, относятся однако равно враждебно къ духовному мѣщанству той эпохи—и къ этическому мѣщанству жизни, и къ „официальному мѣщанству“ системы управленія. „Эпоха официального мѣщанства“ тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ встрѣчаетъ рѣшительное противодѣйствіе русской творческой мысли. Эпоха эта губитъ цѣлый рядъ лучшихъ людей, обращая ихъ въ „лишнихъ людей“; но въ это же время единственный въ своемъ родѣ апологетъ этическаго

мѣщанства, Гончаровъ, не находятъ никакого сочувственнаго отклика въ средѣ русской интеллигенціи; наоборотъ люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, Герценъ) ведутъ беспощадную борьбу съ духовнымъ мѣщанствомъ во имя широты и глубины реальной человѣческой личности. Бурное теженіе шестидесятыхъ годовъ смываетъ съ пути идеалы духовнаго мѣщанства и подмываетъ фундаментъ системы мѣщанства оффиціального; однако неудачная, хотя и героическая борьба русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ съ этой системой кончается снова торжествомъ послѣдней, — торжествомъ, ознаменовавшимъ русскую общественную жизнь послѣдней четверти XIX вѣка; мы видѣли, что въ этомъ случаѣ торжество системы оффиціального мѣщанства привело къ эпохѣ мѣщанства общественнаго, которая однако длилась недолго, но которая совпала съ эпохой рѣшительнаго разложенія реализма. Происходитъ нарожденіе „романтизма“ въ его новыхъ формахъ, и на этой почвѣ мѣщанству приписывается даже нуменальное значеніе и ведется съ нимъ борьба на религіозной почвѣ. Съ этой обостренной ненавистью къ мѣщанству мы вступаемъ въ XX столѣтіе, въ бурю и грозу *революціи*.

Эта борьба съ мѣщанствомъ всегда была въ то же время и борьбой за индивидуализмъ, она всегда велась во имя личности. Начиная съ Новикова и Радищева, непрерывно шла борьба русской интеллигенціи съ Левиафаномъ государственности, а нѣсколько позднѣе — и съ Молохомъ общественности, шла борьба сперва за „абстрактнаго человѣка“ а затѣмъ и за „реальную личность“. Декабристы перенесли борьбу на политическую почву и попытались однимъ ударомъ добыть и политическую свободу и социальную реформу; но только поколѣнію шестидесятыхъ годовъ удалось увидѣть частичное осуществленіе столѣтнихъ чаяній и ожиданій русской интеллигенціи. Освобожденный „мужикъ“ становится во главу угла міровоззрѣнія русской интеллигенціи и даетъ начало тому народничеству, которое является главнымъ содержаніемъ исторіи русской общественной мысли третьей четверти XIX вѣка. Народничество это углубляетъ смыслъ борьбы съ мѣщанствомъ (Герценъ), обосновывается на твердой научной почвѣ (Чернышевскій) и ведетъ борьбу за социологическій

индивидуализмъ противъ крайней „общественности“ (Михайловскій); въ это же время достигаетъ высшей точки своего развитія и борьба за этическую самоцѣльность человѣческой личности, этическій индивидуализмъ достигаетъ своего апогея (Л. Толстой, Достоевскій). Въ слѣдующую за этимъ эпоху общественнаго мѣщанства наблюдается духовное паденіе интеллигенціи, превращеніе ея въ „культурное“ общество; послѣдующее десятилѣтіе девяностыхъ годовъ приноситъ съ собой анти-индивидуалистическую идеологію марксизма. Но эта отливная волна скоро вновь замѣняется приливной волной анти-мѣщанства и индивидуализма: критическое теченіе въ марксизмѣ, придя къ философскому идеализму, вновь провозглашаетъ забытые послѣ Достоевскаго принципы этического индивидуализма, а молодое народничество попрежнему выставляетъ впередъ принципы индивидуализма социологическаго; XIX вѣкъ заканчивается такимъ образомъ своеобразной „эпохой возрожденія“ русской интеллигенціи, и въ концѣ этой эпохи—огни и бури *революціи*.

Таковъ результатъ всего нашего изслѣдованія, таково краткое резюме философіи исторіи русской литературы и русской интеллигенціи XIX вѣка, такова русская общественная мысль въ ея прошедшемъ. Что касается настоящаго времени, то теперь мы переживаемъ бурную, революціонную эпоху борьбы за социальныя идеалы, совпавшую съ внутреннимъ кризисомъ въ средѣ русской интеллигенціи, не выдержавшей испытанія огнемъ міровой войны и революціи. Духовный максимализмъ, вѣчный двигатель русской интеллигенціи въ ея борьбѣ съ мѣщанствомъ, оказался не подъ силу для громаднаго ея большинства эпохи мірового переворота. Ряды вѣрующихъ въ прежніе идеалы безмѣрно среди нея порѣдѣли; но, еще разъ—„non multa, sed multum“ не даромъ всегда было ея девизомъ.

Только далекое будущее можетъ дать намъ полное разрѣшеніе проблемы социологическаго индивидуализма, ибо только социалистическій строй можетъ привести къ одновременному достиженію и высоты типа и высоты степени, и народнаго благосостоянія и національнаго богатства; поэтому борьба за индивидуализмъ не только можетъ, но и должна вестись подъ знаменемъ социализма, а индивидуализмъ долженъ составлять этиче-

ское содержаніе соціально-экономическихъ социалистическихъ формъ. Несомнѣнно, что этими словами характеризуется будущее исторіи русской общественной мысли; хотя и въ XX вѣкѣ русская общественная мысль будетъ идти приливными и отливными волнами индивидуализма и антимѣщанства, но нѣтъ сомнѣнія, что—какъ это было и въ XIX столѣтіи—каждая изъ „приливныхъ“ волнъ будетъ захватывать все большее пространство, тѣмъ большее, чѣмъ сильнѣе была передъ этимъ волна идейнаго отлива въ сторону мѣщанства и анти-индивидуализма, а этихъ „отливныхъ“ волнъ было и будетъ не мало въ тяжеломъ процессѣ русской революціи. Часто побѣда бываетъ худшимъ пораженіемъ, а внѣшнее пораженіе—духовной побѣдой. Мы увѣрены также, что въ будущемъ открытъ широкій путь тому философско-историческому индивидуализму, который одинъ только даѣтъ возможность рѣшенія проблемы индивидуализма для каждаго отдѣльнаго лица; но объ этой субъективной увѣренности было бы неумѣстно распространяться въ настоящемъ мѣстѣ ¹⁾. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно: русская интеллигенція, каково бы ни было ея настоящее, можетъ съ вѣрой смотрѣть на свое будущее, черпая силы и увѣренность въ своемъ славномъ прошломъ...

Ортодоксальные русскіе марксисты пророчили и пророчатъ русской интеллигенціи быстрое увяданіе и вымираніе. Интеллигенція, говорятъ они, должна испытать процессъ разложенія и смерти, будучи такимъ же застарѣлымъ пережиткомъ „до-конституціоннаго“, а тѣмъ болѣе „до-революціоннаго“ строя, какъ и помещельная община: вѣдь на Западѣ теперь нѣтъ ни общины, ни „интеллигенціи“, въ ея русскомъ значеніи: недаромъ само понятіе „интеллигенціи“ присуще только русскому языку. Мы не стоимъ на такой точкѣ зрѣнія, такъ какъ не считаемъ сильнымъ аргументомъ старое, истрепанное положеніе: на Западѣ когда-то было то, что у насъ теперь есть, а слѣдовательно у насъ когда-нибудь будетъ то, что есть теперь на Западѣ. Поистинѣ, удивительный силлогизмъ! Какъ не видятъ люди, съ торжествомъ сражающіеся на него,

¹⁾ Подробное развитіе этого вопроса см. въ моей книгѣ „О смыслѣ жизни“.

что они совершаютъ грубѣйшую ошибку противъ логики! Дѣйствительно, мы должны признать необходимость „единослѣдственности тождественныхъ причинъ“, но вѣдь въ данномъ случаѣ причинные ряды отнюдь не тождественны; мы имѣемъ здѣсь случай приложенія одинаковыхъ законовъ соціально-экономическаго развитія къ совершенно различнымъ условіямъ жизни соціальной ткани. Такъ, на примѣръ, политическая революція во Франціи, въ концѣ XVIII вѣка, и въ Россіи, въ началѣ XX вѣка, происходила при совершенно различномъ соотношеніи общественныхъ группъ, при совершенно различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ; какъ же можно послѣ этого утверждать, что слѣдствія и результаты будутъ одинаковы? Только неяснымъ пониманіемъ теоріи причинности (и гносеологически, и логически) можно объяснить себѣ упорныя ссылки „на Западъ“ своеобразныхъ современныхъ російскихъ „западниковъ“ отъ маркизма. Вотъ почему мы не придаемъ никакого вѣса ихъ кассандровскимъ пророчествамъ о грядущей гибели русской внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; наоборотъ, мы предвидимъ, послѣ очищающаго кризиса, дальнѣйшій ея ростъ и расцвѣтъ.

Но это уже дѣло вѣры, ни для кого не обязательной. Возвращаясь отъ проблематическаго будущаго русской интеллигенціи къ ея изученному, нами прошлому, мы хотимъ еще разъ подчеркнуть, что анти-мѣщанское и индивидуалистическое, революціонное и максималистическое настроеніе русской интеллигенціи въ ея борьбѣ за права личности и человѣка вырисовывается слишкомъ рельефно, чтобы вполне оправдать ту точку зрѣнія, съ которой мы изучали исторію русской интеллигенціи. Анти-мѣщанство, индивидуализмъ и социализмъ—этой формулой мы можемъ подвести итоги исторіи русской общественной мысли XIX столѣтія.

1903—1918 г.

1. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.
2. УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.
3. УКАЗАТЕЛЬ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ.
4. УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

- А**венариусъ—VIII, 5, 12, 17, 36.
 Аксаковъ, А.—VIII, 28.
 Аксаковъ, И.—I, 7; II, 185, 212; III, 64, 110, 116, 117, 118, 121, 122, 124, 130, 187; IV, 6; V, 18; VI, 105.
 Аксаковъ, Констант.—II, 73, 164, 166, 187, 190, 211, 212; III, 94, 95, 106, 107, 112, 115—121, 130, 187; IV, 8, 18; VI, 105.
 Аксаковъ, С.—VIII, 40.
 Аксельродъ—VII, 6.
 Александръ I—I, 141, 154, 156, 158, 161; II, 173.
 Александръ II—III, 116; IV, 11, 21.
 Альбовъ—VIII, 42.
 Анакреонъ—IV, 127.
 Андреевичъ—V, 40.
 Андреевъ, Л.—II, 48; VII, 135; VIII, 64—65.
 Андрей Бѣлый—см. Бѣлый, Андрей.
 Анненковъ, П.—II, 22, 62, 63, 182; III, 55, 59, 115, 145.
 Антоновичъ—IV, 48; VIII, 41.
 Анфантенъ—III, 55.
 Апухтинъ—VIII, 43, 44.
 Аракчеевъ—II, 54—55.
 Аристотель—IV, 147.
 Арцыбашевъ—VIII, 87.
- Б**абстъ—I, 182; IV, 103.
 Базаровъ—VIII, 18.
 Байронъ—I, 99—101, 115—119, 123, 124, 133; II, 28, 29, 42, 142—144, 187.
 Бакунина, А.—III, 18; VII, 130.
 Бакунинъ, М.—I, 23, 150; II, 70, 164, 166, 187, 188, 195—204, 211, 213; III, 5, 6, 7, 13, 19, 21, 22, 23, 24, 26, 39, 130, 189, 190; IV, 27; V, 12, 13, 14, 15, 16, 48; VI, 100, 161; VIII, 73.
 Балтрушайтисъ—VIII, 59.
 Бальмонтъ—II, 36; VIII, 44—52, 58, 88.
 Баратынскій—VIII, 60, 62.
 Барсуковъ—II, 63.
 Бастія—IV, 10; VIII, 29.
 Батенковъ, декабристъ—I, 158, 160.
 Батте—II, 177.
 Батюшковъ, К.—I, 110.
 Бауеръ, Бр.—IV, 33.
 Баховецъ—V, 89.
 Бельтовъ, Н.—см. Плехановъ.
 Беме, Яковъ—VIII, 56.
 Бенедиктовъ—I, 130, 132; II, 77.
 Бенкендорфъ—II, 53, 55, 56, 73.
 Бентамъ—I, 63, 185; II, 181; IV, 32, 99; VIII, 6.
 Бердяевъ—VIII, 11—15, 19, 31, 86.
 Берне—III, 27.
 Бернштейнъ—VII, 53.
 Беръ—V, 80, 81, 82, 84, 85, 87.
 Бестужевъ, Н.—I, 192.
 Бестужевъ-Марлинскій—I, 102, 126, 131, 133, 141, 149, 151, 158, 160, 166, 189; II, 5, 26, 94, 183.
 Бетховенъ—IV, 44, 171, 172; VI, 165; VII, 29.
 Бисмаркъ—V, 63.
 Блаватская—VIII, 63, 69.
 Бланъ, Луи—см. Луи Бланъ.
 Блокъ, Александръ—VIII, 58—65, 88.
 Боборыкинъ—VIII, 42.
 Бобринцевъ-Пушкинъ, Н.—I, 186.
 Богдановичъ—I, 41.
 Бодлеръ—VIII, 42.
 Бокль—VIII, 158, 159; V, 9.
 Боткинъ, С.—II, 187, 210, 212; III, 17, 27, 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 48, 49, 51, 52, 58, 59, 61, 130; VI, 65.
 Брери, В.—IV, 46.
 Броунъ, Джонъ—II, 170.

- Брюсовъ—VIII, 44, 46, 49, 52, 53, 57
58, 61, 63, 67.
- Буа о—I, 126.
- Булгаковъ—VIII, 11, 12, 15, 24, 25, 86.
- Булгаринъ—II, 76; VI, 106.
- Буке, проф.—II, 171.
- Бушинъ—VIII, 66, 68.
- Бурцовъ, декабристъ—I, 146—148, 173.
- Бѣлинскій—I, 12, 23, 31, 41, 72, 76,
77, 95—98, 102, 104, 116, 117, 120,
122, 128; II, 10, 12, 16, 18, 20, 23,
40, 44, 67, 70, 81, 95, 98, 102, 104,
108, 138, 140, 141, 143, 147, 164—167,
181, 186—190, 192—194, 196—214;
III, 5—67, 70, 82, 84, 91, 93—95, 101,
102, 106, 108, 115, 120, 122, 125, 126,
128, 130, 131, 139, 144, 145, 180;
IV, 7, 8, 28, 31, 58, 59, 73, 74, 96,
100, 104, 115, 116, 122, 125, 129, 135,
143, 144, 147, 151—153, 181, 183, 188;
V, 8, 29, 33, 40, 49, 52, 66, 100, 112,
114, 131, 132; VI, 65, 86, 105; VII, 35,
122, 130; VIII, 6, 41, 59, 65, 74, 91.
- Бѣлоусовъ—II, 173
- Бѣлый, Андрей—VIII, 58—65, 69, 70, 88.
- Бюргеръ—I, 104.
- Бюхнеръ—IV, 33, 45, 95.
- В**
- Валуевъ—II, 128.
- Вальтеръ-Скоттъ—II, 59.
- В. В.—VI, 112, 130; VII, 10, 15, 19.
- Велланскій—II, 170, 171, 176, 204, 205.
- Венсвитиновъ—II, 174, 179, 182, 184,
186, 188, 189, 212; III, 8, 69.
- Верленъ—VIII, 42.
- Вернадскій—I, 182; IV, 18, 20.
- Виландъ—I, 78.
- Виллеръ—II, 196.
- Вильмъ—II, 199.
- Виньп—I, 126.
- Волконскій кн., декабристъ—I, 140, 141,
156; II, 165.
- Волоцкій, Иосифъ—I, 9.
- Вольтеръ—I, 41, 89; II, 9, 168; III, 154;
V, 113; VI, 162.
- Воронцовъ—II, 26.
- Вяземскій, П., кн.—I, 110, 112; II, 17.
- Вяземскій, П. П., кн.—II, 22.
- Г**
- Гагаринъ, кн.—III, 74.
- Гакстгаузенъ—III, 111.
- Галичъ—II, 173.
- Гарденбергъ—I, 126.
- Гартманъ—V, 65.
- Гаршинъ—II, 7; VIII, 42, 64.
- Гегель—II, 167, 172, 180, 185, 197—201,
203, 204, 211; III, 6, 18, 21, 22, 25,
28, 32—34, 38, 40, 41, 43, 45, 80, 180;
IV, 28, 95; V, 66; VII, 52; VIII, 5, 6,
8, 9, 10, 18, 36, 37, 77.
- Гейкинъ—V, 18.
- Гейне—IV, 172.
- Геккель—V, 77, 80, 87.
- Гельвецій—II, 168.
- Гельмгольцъ—V, 116.
- Гердеръ—I, 78.
- Герценъ—I, 26—29, 37, 40, 66, 161, 165,
168, 174, 191; II, 39, 56—59, 67, 70,
111, 140, 147, 151—153, 161, 164, 166,
169, 170, 186, 192, 200, 203, 205,
207—214; III, 5, 22—24, 42, 44, 54,
58, 60, 61, 66, 68, 70, 71, 77, 78, 85,
88—90, 95, 103, 106, 120—123, 125,
127, 128—199; IV, 8, 11, 13, 14,
16—18, 26, 28, 29, 49, 54—56, 58—60,
73—79, 85—91, 93, 94, 99, 102, 103,
105, 106, 112, 135, 143, 144, 147, 179,
183, 187—189; V, 5, 8, 21, 22, 24, 34,
36, 38, 40—43, 45—47, 49, 53, 55,
57—60, 62, 64, 65, 68, 77, 82, 83,
93—95, 107, 112—115, 121, 123, 128,
131, 132; VI, 7, 9, 10, 12, 15, 100, 111,
118, 145, 146, 161; VII, 12, 18, 19, 43,
87, 122; VIII, 74, 84, 91.
- Гете—I, 100, 116; II, 182; III, 61, 63;
IV, 163, 172, 180; VI, 5; VIII, 25.
- Гильдебрандъ—IV, 159.
- Гиппиусъ, З.—VIII, 46—55.
- Глинка—II, 56.
- Гоголь—I, 130; II, 26, 36, 70, 71, 77, 79,
80—101, 127, 140; III, 36, 64, 65;
V, 131; VI, 9, 105, 143, 152, 156; VIII,
40, 56, 60, 91.
- Голенищевъ-Кутузовъ, А.—VIII, 43.
- Голенищевъ-Кутузовъ, П.—I, 110.
- Голицынъ—II, 56, 57.
- Гончаровъ—I, 82; II, 25, 70, 71, 79—81,
100, 101—140; III, 55, 66; VI, 140,
144, 147; VII, 67, 73, 75; VIII, 40, 91.
- Горацій—IV, 123.
- Горькій, М.—I, 25, 26; II, 115, 116, 144;
VI, 158; VII, 67, 91, 92—135; VIII,
42, 50, 64, 66, 78, 88.
- Готшедъ—II, 15.
- Гофманъ—I, 99—101; III, 129.
- Грановскій—II, 67, 68, 166, 187, 199,
203, 212, 213; III, 60, 106, 120, 125,
132; IV, 19; V, 8.

Грекъ, Максимъ—I, 9.
 Грибоѣдовъ—I, 140; II, 5, 9, 24.
 Григоровичъ—VIII, 40.
 Григорьевъ, А.—VI, 7.
 Григорьевъ, В.—IV, 19.
 Гриммъ—I, 44.
 Гротъ, Н.—VIII, 10.
 Гюго—I, 99, 101, 126—128.

Давыдоѣвъ, В., декабристъ—I, 149.
 Давыдовъ, Д.—I, 158.
 Давыдовъ, И.—II, 60.
 Даламберъ—VII, 57.
 Данте—VIII, 56.
 Дарвинъ—V, 9, 76, 77, 79—81.
 Дашковъ—I, 110.
 Дебагорій-Мокрыевичъ—V, 15, 19.
 Дегаевъ—VI, 110.
 Дельвигъ—II, 17.
 Демосѣенъ—I, 76.
 Державинъ—I, 41, 42, 49, 65, 66, 67—72, 84, 111; II, 87; VIII, 56.
 Детю-де-Траси—II, 181.
 Дидгенъ—VIII, 36.
 Добровольскій—V, 116.
 Добролюбовъ, А.—VIII, 59.
 Добролюбовъ, Н.—II, 64, 68, 73, 110, 112, 150; III, 199; IV, 13—17, 31, 43, 54, 57, 100, 101—131, 133, 138, 143—145, 147, 151, 153, 155, 159, 173, 177, 182, 188, 190; V, 49, 111; VI, 28, 49, 140; VIII, 7, 44.
 Достоевскій—I, 37, 83, 106, 107; II, 39, 47, 50, 84, 85, 137, 139, 142; III, 44, 56, 57, 64, 65, 92, 114, 118; IV, 47—49, 101, 129, 174, 189; V, 13, 14, 22, 28, 113, 131, 133; VI, 5—103, 111, 159, 161; VII, 40, 43, 71, 87, 135; VIII, 27, 31, 32, 37, 40, 41, 48, 60, 64, 66, 68, 74, 79, 92.
 Драгомановъ—V, 19.
 Дрожжинъ—VIII, 44.
 Дуббельтъ—III, 66.
 Дювернуа—VIII, 21.

Екатерина II—I, 40, 42—44, 46, 47, 52, 87, 151, 153, 184; II, 91; VIII, 29.
 Елагинъ—II, 171.
 Елизавета, имп.—I, 158.
 Елпатьевскій—VII, 73, 90.
 Есенинъ—VIII, 70.

Желябовъ—V, 19, 21; VII, 7.
 Жемчужниковы, братья—II, 72.

Жоржъ-Зандъ—III, 54.
 Жуковскій, В.—I, 102—111, 113—115, 117—119, 133—135; II, 8, 10, 13, 31, 37, 42, 93, 98, 100, 166, 183; III, 7, 11, 25, 80, 87.

Зайцевъ, В.—IV, 44, 181; V, 8; VIII, 41.
 Зайцевъ, Бор.—VIII, 66.
 Зандъ, Ж.—см. Жоржъ Зандъ.
 Засуличъ—V, 18; VII, 6.
 Зиммель—VII, 56.
 Златовратскій—VI, 111—125, 128, 131; VIII, 41.

Ибсень—II, 144.
 Ивановъ, Вяч.—VIII, 56—64.
 Ивановъ-Разумникъ—V, 113; VI, 49, 88.
 Иванъ Грозный—I, 8; III, 99.
 Ильинъ—см. Ленинъ.

Иегудилъ Хламида (псевдон. М. Горькаго)—VII, 100.

Кабэ—II, 210; III, 54, 55.
 Кавелинъ—I, 180; II, 212, 213; III, 59, 60, 66, 89, 91, 97—101, 103—108, 169; IV, 18—20, 24, 76—78, 81, 82; V, 8, 9, 59; VII, 12.
 Кавеньякъ—III, 150.
 Калита, И.—III, 99.
 Кантъ—I, 32, 78, 92; II, 171—173, 195—197; III, 6, 33; V, 116; VI, 53, 57, 165; VII, 29, 52; VIII, 9, 12, 17, 28.
 Капелькинъ Аполлонъ, псевдон. Н. Добролюбова—II, 73.
 Каракозовъ—IV, 11, 13, 17; V, 12.
 Карамзинъ—I, 40, 75—77, 78—88, 90, 92, 93, 94, 102, 108, 109, 119, 133, 134—137; II, 10, 59, 100, 108, 127, 137, 144; III, 11, 25; IV, 189; V, 35; VIII, 39.
 Катковъ—II, 187, 200; III, 40, 49; IV, 18.
 Каховскій—I, 141, 151, 152, 160, 166, 179, 192.
 Кетчеръ—II, 210.
 Кирѣевскій, Ив.—II, 65, 166, 171, 172, 174, 184, 186, 189, 205, 211, 212; III, 92, 95, 105, 120; VIII, 32.
 Кирѣевскій, Петръ—II, 171, 174, 184, 205, 212; VIII, 32.
 Кистяковскій, Б.—VII, 58—60; VIII, 10, 14.
 Клюевъ—VIII, 70.
 Ключниковъ—II, 187, 192, 195, 196; IV, 48.

- Кольцовъ—VIII, 43.
 Колюпановъ—I, 49; II, 185.
 Коневской-Ореусъ—VIII, 59.
 Констанъ, Бенжаманъ—II, 168, 181.
 Коигъ—IV, 45; 158; V, 69, 115; VIII, 36.
 Коркуновъ—VIII, 21.
 Короленко—VIII, 42, 64.
 Котошихинъ—I, 8, 39; III, 108.
 Коцебу—I, 89.
 Кошелевъ—II, 174, 185; IV, 18.
 Красовскій—II, 57, 65.
 Красовъ—II, 187.
 Кривенко—VII, 10, 15.
 Критскіе, братья—II, 206, 207.
 Кропоткинъ—V, 13; VI, 100; VIII, 73.
 Кругъ—II, 66.
 Крюднеръ—I, 138.
 Крыловъ, И.—II, 5, 9.
 Кукольникъ—I, 130; II, 56, 71, 73, 77.
 Купринъ—VII 83—85, 90; VIII, 66.
 Курбскій, кн.—I, 8, 39.
 Куцевскій—VIII, 41.
 Кэри—IV, 157.
 Кюхельбекеръ—I, 89; II, 5, 174, 179, 182, 183, 184.
Лавровъ—I, 9, 13—19; III, 79, 153, 170, 172, 173, 199; IV, 13, 33, 55, 57, 59, 73, 86, 93, 94, 100, 190; V, 12, 15—17, 21, 32, 34—49, 68, 101, 105, 115, 119, 124, 125; VI, 15, 100, 107—111, 162; VII, 8, 10; VIII, 7, 36, 74, 79.
 Лагарпъ—II, 177.
 Ламартинъ—I, 126.
 Ланге—VIII, 7.
 Лафатеръ—I, 78.
 Левитовъ—VIII, 41.
 Лейбницъ—III, 161; VI, 57.
 Ленинъ-Ильинъ—VII, 11; VIII, 80.
 Лермонтовъ—I, 102, 123, 127, 130, 131; II, 7, 20, 32—52, 70, 87, 100, 127, 140, 143, 145, 146, 158, 164; III, 14, 25, 38, 124; IV, 100, 179, 188; V, 131; VI, 105; VII, 71, 91, 115; VIII, 40, 43, 51, 91.
 Леру—II, 210; III, 54.
 Лессингъ—I, 89.
 Лешателье—I, 25; IV, 5, 6; VII, 41.
 Лилленшвагеръ, Конрадъ—псевдонимъ Н. Добролюбова—II, 73.
 Липранди—II, 62, 63.
 Ловецкій—II, 57.
 Ломоносовъ—I, 8, 10, 40—43, 67.
 Лопатинъ, Г.—V, 21; VII, 7.
 Лопухина—II, 34.
 Лосскій—VIII, 34.
 Лубкинъ—II, 171, 172.
 Луи Бланъ—III, 54, 102, 108, 109, 180, 181; V, 38, 39, 70, 106, 111.
 Луинъ, декабристъ—I, 192; III, 71.
 Льюисъ—VIII, 9.
 Лѣсковъ—IV, 47, 48; VIII, 41, 67, 68.
 Лютеръ—IV, 159.
Магницкій—II, 173.
 Майковъ, А.—VIII, 13.
 Маковскій, В.—II, 140.
 Малларме—VIII, 43.
 Мальтусъ—IV, 67.
 Маминъ-Сибирякъ—VIII, 42.
 Мамоновъ, гр.—I, 157, 158, 171.
 Марксъ—III, 54, 111, 155, 184, 185; IV, 60, 63, 84, 190; V, 36; VI, 162; VII, 6, 8, 9, 17, 18, 20, 21, 52, 53, 55, 59; VIII, 13, 21, 73, 83.
 Маркусъ—II, 170.
 Марлинскій—см. Бестужевъ-Марлинскій.
 Матвѣевъ—I, 8.
 Матвѣй, о.—II, 99.
 Махъ—VI, 32; VIII, 12, 36.
 Мей—VIII, 43.
 Мельниковъ-Печерскій—VIII, 41.
 Менгеръ—VII, 55.
 Менделѣевъ—VII, 35.
 Меньшиковъ, кн.—II, 22.
 Мережковскій—VI, 71, 87, 101; VIII, 46, 51, 54, 59, 67.
 М... З... К...—псевдонимъ Ю. Самарина—III, 105.
 Метерлинкъ—VIII, 43.
 Миллеръ, О.—IV, 110.
 Миллеръ-Красовскій—II, 68.
 Милль, Дж.-Ст.—I, 29; III, 148; IV, 32, 63, 67, 70, 83, 86, 87, 140; V, 8, 59; VI, 154.
 Мильнъ-Эдвардсъ—V, 80.
 Милорадовичъ—I, 161.
 Милуковъ, П.—II, 180, 189; III, 6, 25, 85.
 Минскій—VIII, 46, 51.
 Мирабо—IV, 159.
 Михайловскій—I, 25, 31, 35—37, 58, 121, 177; II, 39, 47, 55, 69, 145; III, 32, 44, 75, 88, 96, 149, 155, 170, 172, 173, 183—185, 198, 199; IV, 9, 12, 16, 39, 40, 49, 51, 53, 55, 57, 59, 70—74, 80—82, 89, 90, 93, 94, 100, 109, 171, 176, 184—187, 189; V, 6, 7, 10—12, 17, 24, 26—28, 30, 34, 35, 38, 42.

- 44—133; VI, 5, 7, 9, 12, 13, 15, 21, 28, 29, 72, 100—103, 106, 108, 110, 111, 120, 136, 137, 139, 150, 153, 157, 159, 165—167, 169; VII, 7, 10, 12, 15, 16, 19, 23, 26, 30, 32, 37, 39, 43—50, 58, 61, 66—68, 75, 116, 131; VIII, 7, 9, 13, 14, 17, 23, 24, 25, 27, 31, 36, 74, 79, 81, 83, 84.
- Михайловъ, А.—IV, 12, 17.
- Мицкевичъ—II, 11.
- Мишле—III, 183.
- Могила, Петръ—I, 10.
- Молешотъ—IV, 33, 35.
- Моммзенъ—VIII, 60.
- Монтескье—II, 168.
- Мордвиновъ, гр.—I, 152, 153, 157—159, 161, 166, 169, 171.
- Муравьевъ, М. Н., гр.—IV, 17.
- Муравьевъ, Н.—I, 88, 141, 144, 146, 149, 155, 157, 159—161, 163, 166—168, 170—174, 178, 181, 185, 188; III, 71.
- Муравьевъ-Апостоль, Матвѣй—I, 168, 181.
- Муромцевъ—VIII, 21.
- Мюссе—I, 126.
- Н**адеждинъ—I, 12, 132; II, 165, 172; IV, 47.
- Надсонъ—VIII, 44, 64.
- Наполеонъ I—VI, 31, 35.
- Наполеонъ III—V, 63.
- Невѣровъ—II, 189, 190, 195—197, 199.
- Негели—V, 80.
- Некрасовъ—II, 68, 147; VIII, 43, 60, 62, 65.
- Несторъ—II, 66.
- Никитенко—II, 65, 67; IV, 152.
- Никитинъ—VIII, 43.
- Николай I—I, 109, 137, 151, 158, 192; II, 55, 59, 66, 68, 77, 206; IV, 18.
- Ниль Сорскій—I, 9, 10.
- Нитцше—VI, 57, 63; VII, 29, 40; VIII, 45, 55, 72, 79.
- Новались—I, 101, 126.
- Новиковъ—I, 10, 11, 42, 44, 46—49, 55, 63, 66, 67, 69, 72, 75, 76, 79, 85, 137, 139, 144, 155, 190; IV, 7; VIII, 6, 91.
- Новиковъ (племянникъ)—I, 138, 182.
- Новодворскій—VIII, 41.
- Ньютонъ—IV, 5; VI, 165; VII, 41.
- О**боленскій, кн.—I, 146, 147.
- Огаревъ—II, 166, 169, 186, 205, 208, 210; III, 5, 54, 128, 130, 189; IV, 55; VIII, 43.
- Одоевскій, кн., В. О.—II, 169, 171, 174—176, 179, 180, 183, 184, 186, 189, 192.
- Окснъ—II, 174, 180.
- Олинъ—II, 57.
- Омудевскій—IV, 48.
- Орловъ, М.—I, 149, 156.
- Островскій—IV, 116—119; VIII, 40.
- Оуень, Робертъ—I, 182.
- П**авель I—I, 158; II, 54, 63.
- Павлова, Каролина—IV, 33.
- Павловъ, М. Г.—II, 170, 171, 173, 176, 188, 204, 205.
- Панаевъ, И.—II, 181.
- Панинъ—I, 53.
- Паскаль—III, 83.
- Пассекъ, Вадимъ—II, 210.
- Пестель—I, 23, 138, 139, 142—145, 148, 149, 155—157, 168, 170—188, 190; II, 168, 169; III, 54, 71, 81, 82, 96; V, 20.
- Петръ I—I, 8, 40, 42, 43; II, 20—23, 26, 27; III, 93, 94, 99—101, 106, 108, 122, 158, 159.
- Петровъ—I, 74, 111, 112.
- Пироговъ—IV, 49, 143, 144.
- Писаревъ—II, 36, 123, 137, 146; III, 141; IV, 9, 15, 17, 27, 29, 31, 34, 35, 38—40, 45—48, 57, 95, 100, 112, 123, 124, 128, 130—176, 178, 180, 181, 184, 187—190; V, 5—10, 24, 26, 32, 35, 49, 119; VI, 28, 37, 69, 144, 159, 161, 162, 167; VII, 8, 10, 63, 67; VIII, 7, 41.
- Писемскій—I, 26; II, 147; IV, 47, 48, 101; VI, 144, 147; VIII, 40.
- Платнеръ—I, 78.
- Платонъ—I, 95; II, 174; IV, 141, 147, 148.
- Плехановъ—V, 99; VII, 5, 6, 8, 11, 17—20, 26, 27, 32—34, 44, 45, 50, 57, 61; VIII, 8, 10, 13, 80, 82, 88.
- Плещеевъ—VIII, 43.
- Пнинъ—I, 62—66, 69—70, 72, 137, 179, 185; IV, 99; V, 23; VIII, 6.
- По, Эдгаръ—I, 100.
- Погодинъ—I, 88; II, 60, 66, 174, 182, 187; V, 49.
- Подъ—I, 146, 181, 186.
- Полевой—I, 12; II, 165, 174, 208, 209.
- Полонскій—IV, 168; VIII, 43.
- Помяловскій—II, 82; IV, 47, 183; VI, 140—144.
- Посошковъ—I, 39.

- Потресовъ—VII, 33; VIII, 77, 78.
 Пришвинъ—VIII, 68.
 Прудонъ—II, 210; III, 54, 187; IV, 86; V, 57, 86.
 Прутковъ, Козьма—II, 72—79.
 Пушкинъ—I, 23, 59, 73, 88, 95, 102, 103, 109—120, 122—126, 130, 131, 133, 135, 142, 152, 153, 169, 187, 189; II, 5—32, 34, 35, 39, 42, 45, 46, 49—52, 55, 56, 59, 65, 70, 73, 86, 87, 95, 96, 100, 114, 123, 127, 140, 142—145, 164, 166, 174, 178, 182, 184, 208; III, 10, 11, 25, 34, 42, 71, 137; IV, 39, 46, 104, 144, 152, 172, 188; V, 131; VI, 169; VII, 67, 68; VIII, 39, 40, 43, 56, 60, 90.
 П. Ч.—см. Червинскій.
 П. Я.—см. Якубовичъ.
 Пыпинъ—II, 53.
- Р**адищевъ—I, 10, 11, 42, 45—49, 55—67, 69, 71, 72, 75, 76, 79, 83, 85, 136—138, 140, 144, 151, 153, 155, 183, 188, 190; III, 185; IV, 7, 60, 190; V, 23, 35; VIII, 6, 91.
 Раевскій, Н.—II, 182.
 Раичъ—II, 174.
 Растопчинъ, ир.—I, 190.
 Ремизовъ—VIII, 53, 67—70.
 Решлаубъ—II, 170.
 Рикардо—IV, 63, 67.
 Риккертъ—VIII, 14.
 Римбо—VIII, 43.
 Ричардсонъ—I, 93, 112.
 Рихтеръ, проф.—II, 56.
 Рихтеръ, Жанъ-Поль—I, 131.
 Родбертусъ—III, 146; IV, 63.
 Розановъ, В.—II, 96; VI, 87; VIII, 69.
 Розень, бар.—I, 169, 186; II, 68.
 Россети-Смирнова—II, 89.
 Ростовцевъ—II, 67, 68.
 Руссо—I, 93; II, 168; III, 59, 102; V, 113.
 Рылѣвъ—I, 137, 152, 169, 181, 189, 191; II, 5.
- С**авиньи—VIII, 21.
 Сазоновъ—II, 210.
 Салтыковъ-Щедринъ—II, 55, 56, 147; IV, 17, 120, 164; V, 7, 22, 30, 31, 127; VI, 106, 117, 144, 151, 152, 160, 169; VII, 23, 24, 38, 68, 73; VIII, 6, 40.
 Салтыковы, бояре—I, 10, 39; III, 107.
 Самаринъ—II, 211; III, 89, 101, 105, 108, 113, 114, 125; IV, 18, 78; V, 9.
- Сатинъ—II, 210.
 Сенковскій—I, 129.
 Сень-Симонъ—III, 54.
 Сергѣевъ-Ценскій—VIII, 67.
 Сергѣенко—VI, 46; VII, 90.
 Скабичевскій—VI, 6.
 Случевскій—VIII, 44.
 Слепцовъ—IV, 48.
 Смитъ, Адамъ—II, 181.
 Снелль—V, 77.
 Соболевскій—II, 174.
 Солнцевъ—II, 173.
 Соловьевъ, Вл.—III, 92; IV, 37; V, 129; VIII, 11, 27—29, 32, 33, 56—64, 74.
 Соловьевъ, С.—III, 97.
 Сологубъ, Ѳ.—VIII, 44—53, 58, 67, 88.
 Спенсеръ—I, 58; V, 66—68, 72—74, 80, 81, 106, 109.
 Сперанскій—II, 26.
 Спиноза—VII, 59.
 Срезневскій—II, 172.
 Станевичъ—I, 111.
 Сташкевичъ—II, 164, 166, 168, 169, 176, 186—200, 203—205, 207, 209—213; III, 5—8, 12, 19, 20, 22, 23, 34, 40, 69; IV, 105, 108, 109, 112, 121, 122.
 Стасюлевичъ—II, 128.
 Стеръ—I, 75, 93.
 Стефановичъ—VII, 6.
 Стронинъ—V, 66.
 Струве, П.—V, 115; VI, 120, 121; VII, 11, 20, 21, 32, 33, 55; VIII, 10—19, 31, 76, 77, 80, 86.
 Сумароковъ—I, 41.
 Сунгуровъ—II, 207.
 Суриковъ—VIII, 44.
 Сухомлиновъ, проф.—II, 59.
 Сэй, Ж.-Б.—I, 183; II, 168, 181.
- Т**атаринава—I, 138.
 Татищевъ—I, 8, 10, 39, 48.
 Терновскій, о.—II, 56.
 Терпигоревъ—VIII, 42.
 Тикъ—II, 177, 179.
 Тилломировъ, Л.—VI, 110.
 Ткачевъ—I, 26; V, 17; VI, 150; VIII, 41.
 Толстой, А., гр.—II, 72; VIII, 43.
 Толстой, Ал. 2-й—VIII, 68.
 Толстой, Л.—I, 37; II, 47, 50; III, 91, 137; 139; III, 118, 173; IV, 68, 101, 189; V, 13, 22, 28, 54, 96, 97, 113, 131, 133; VI, 5—103, 111, 136, 160—164, VII, 8, 24, 25, 71, 77; VIII, 31, 40, 41, 48, 73, 79, 92.

- Тредьяковский—I. 41.
Тределенбургъ—VIII. 18.
Треповъ—V. 18.
Тройницкій—II. 128.
Троцкий—VIII. 78.
Трубецкой, кн., декабристъ—I, 139, 154, 167.
Трубецкой, С., кн.—VIII, 11.
Тургеневъ, А. Н.—I, 109; III, 87.
Тургеневъ, И. П.—I, 49, 66.
Тургеневъ, И. С.—II, 50, 77, 128, 132, 133, 147—151, 154—159, 160; III, 65, 160, 163, 193; IV, 46—48, 50, 109, 155, 177—184; VI, 118, 147, 150; VII, 14; VIII, 40, 67.
Тургеневъ, Н. И.—I, 110, 137—139, 141, 146, 148, 155, 157, 160—170, 173, 174, 177, 178, 181—183, 185, 189; III, 71, 126; VIII, 6.
Тэпъ—VI, 45, 46.
Тютчевъ—VIII, 43, 60, 62, 64.
- У**
Уваровъ—II, 65, 67, 68.
Успенскій, Гл.—II, 7; IV, 88; V, 22, 23, 28, 31; VI, 19, 111, 112, 114, 116, 120—123, 125—139, 151, 169, 171; VII, 14, 37, 38, 69, 72; VIII, 41.
- Ф**
Фейербахъ—III, 55; IV, 28—30, 32—35, 45, 95, 99.
Фетъ—IV, 168; VIII, 43.
Филаретъ, митр.—II, 60.
Фихте—I, 64; II, 171, 172, 196, 197, 199, 200, 202; III, 6, 12, 13, 15, 16, 19, 20; VII, 59; VIII, 6, 9.
Фонвизинъ—I, 10, 42, 49—55, 66, 72, 79, 83, 185; VI, 65.
Фотій, арх.—II, 57.
Фофановъ—VIII, 44.
Фохтъ—IV, 33.
Фурье—I, 182; II, 210; III, 54, 184; IV, 59, 71; VI, 62.
- Х**
Хворостининъ—I, 8, 39; III, 108.
Хвостовъ, гр.—I, 74, 110—112.
Херасковъ—I. 41.
Хомяковъ—II, 184, 186, 211, 212; III, 107—110, 113, 114, 120, 121, 174; IV, 8; VIII, 32.
Хорнъ—II, 171.
- Ч**
Чаадаевъ—I, 140; II, 27, 73, 141; III, 70—91, 97, 120, 121, 128, 155, 165, 166, 169, 170, 174, 180; IV, 94, 109.
- Червинскій (И. Ч.)—V, 114; VI, 11.
Черновъ, В.—VIII, 82, 83.
Чернышевская, О. С.—IV, 25.
Чернышевскій—I, 58, 138, 168, 180, 182, 183; II, 88, 154, 162; III, 95, 125, 126, 141, 162, 163, 185, 199; IV, 7, 8, 11, 13—21, 43, 44, 46—48, 50, 54, 57, 59—105, 108, 109, 112, 113, 115, 123—130, 133, 135, 136, 138, 143—145, 147, 148, 151, 153, 155, 169, 173, 177, 188—190; V, 5, 9, 21, 35, 36, 40, 41, 49, 55, 57, 59, 60, 62, 64, 93, 105, 115, 119, 132; VI, 7, 12, 15, 37, 59, 62, 100, 111, 118, 167; VII, 17, 19, 24, 25, 26, 122; VIII, 7, 36, 41, 74, 84, 91.
Чеховъ—I, 23; II, 9, 32, 33, 36, 45, 49, 50, 104, 115; IV, 179; VI, 158, 168, 170; VII, 67—93, 95, 115, 122, 132—135; VIII, 42, 64, 66.
Чичеринъ—III, 125; IV, 18, 75; VIII, 11, 23, 27, 29—30.
- Ш**
Шаликовъ—I, 94, 103.
Шатобрианъ—I, 101, 126.
Шевыревъ—II, 174, 184, 185.
Шекспиръ—I, 89, 127; II, 11, 28, 29, 77, 182; IV, 172; VI, 5.
Шелгуновъ—IV, 136, 137; V, 11; VI, 35, 106.
Шеллингъ—II, 167, 168, 170—173, 176, 177—180, 185, 190, 191, 193—199, 205, 208; III, 5, 6, 8, 11, 16, 37, 71, 80, 128; V, 66; VIII, 6, 9.
Шенье—II, 182.
Шестовъ—VIII, 55, 63.
Шиллеръ—I, 89; II, 202—205; III, 34, 35, 61, 63.
Ширинскій-Шихматовъ—II, 67.
Шишковъ—I, 110, 111; II, 57.
Шлегель—II, 168, 170, 177, 178.
Шопенгауеръ—IV, 33; VI, 32, 56.
Штаверъ—IV, 144.
Штейнгель, бар.—I, 137, 138, 141, 166.
Штейнеръ, Рудольфъ—VIII, 63.
Штирнеръ—III, 55, 113; IV, 33.
Штраусъ—III, 55.
Штупъ—III, 165.
- Щ**
Щедринъ—см. Салтыковъ-Щедринъ.
Щербина—VIII, 43.
- Э**
Эвринидинъ, К. (псевд. К. Аксакова)—II, 73.
Энгельсонъ—III, 187; IV, 60.

Энгельсъ - IV, 84; VII, 18. 44. 50, 53,
55; VIII, 8, 9.
Эргель - VIII, 12.
Эсхиль - VIII, 56.

Южаковъ - V, 100.
Юзовъ-Каблицъ - V, 22, 114; VII, 10.
Юркевичъ - IV, 34; VIII, 7.

Языковъ - II, 60.

Якубовичъ, декабристъ - I, 158, 160.

Якубовичъ, II. - VIII, 68.

Якушкинъ - I, 139-141, 152, 153, 156,
165, 167; III, 71.

Өсодосій Косой - I, 8, 39.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

- «**Авраамъ**» Златовратскаго—VI, 115.
 «Автобіографія» Дж. Ст. Милля—V, 59.
 «Авторитарная метафизика и автономная личность» Базарова—VIII, 18.
 «Азраиль» Лермонтова—II, 36.
 «Александръ Блокъ. Андрей Бѣлый» сборникъ статей Иванова-Разумника—VIII, 60.
 «Алтарь Побѣды» Брюсова—VIII, 67.
 «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» Михайловскаго—V, 66, 72.
 «Анна Каренина» Л. Толстого—VI, 8, 15, 26, 27, 40.
 «Анти-Дюрингъ» Энгельса—VII, 55; VIII, 8.
 «Антонъ Горемыка» Григоровича—VII, 130.
 «Антропология» Канта—I, 92.
 «Антропологическій принципъ въ философіи» Чернышевскаго—IV, 32, 33, 35, 86, 95, 97.
 «Анюта» Чехова—VII, 73.
 «Апология сумасшедшаго» Чаадаева—III, 85, 88.
 «Аполлоній Тианскій» Писарева—IV, 147.
 «Архивъ Стасюлевича»—II, 128.
 «Ася» Тургенева—IV, 108.
 «Афоризмы изъ различныхъ писателей по части современнаго германскаго любомудрія» В. Одоевскаго—II, 179.
- «**Базаровъ**» Писарева—IV, 132, 155, 161.
 «Балаганчикъ» А. Блока—VIII, 62.
 «Барышня-Крестьянка» Пушкина—I, 131.
 «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина—I, 116, 118.
 «Береговое» Сергѣева-Ценскаго—VIII, 67.
 «Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ» Велланова—II, 179.
- «Библиографія журнальныхъ статей» Чернышевскаго—IV, 81.
 «Биографія А. И. Кошелева» Колюпанова—I, 49; II, 185.
 «Биологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія всеобщей физиологій» Велланскаго—II, 171.
 «Благодарность» Лермонтова—II, 34.
 «Благонамѣренность и дѣятельность» Добролюбова—IV, 114.
 «Благонамѣренныя рѣчи» Салтыкова—VI, 157; VII, 73.
 «Богъ грѣхамъ терпѣть» Гл. Успенскаго—V, 23; VI, 122, 129.
 «Большой выходъ у Сатаны» барона Брамбеуса (Сенковскаго)—I, 129.
 «Большой шлемъ» Л. Андреева—VIII, 65.
 «Борисъ Годуновъ» Пушкина—I, 103, 114, 130, 132; II, 10, 59, 166.
 «Бородинская годовщина» Бѣлинскаго—II, 203.
 «Борьба за жизнь» Писарева—VI, 69.
 «Борьба за индивидуальность» Михайловскаго—III, 28, 31; V, 72, 73, 89.
 «Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X» Чернышевскаго—IV, 71.
 «Бояринъ Орша» Лермонтова—II, 42.
 «Братья Карамазовы» Достоевскаго—I, 106; IV, 49; VI, 8, 15, 50, 55, 60, 61, 63, 72, 73, 76—95, 96, 120; VIII, 40.
 «Братья Разбойники» Пушкина—I, 116, 118.
 «Бригадиръ» Февизина—I, 50, 51.
 «Броженіе умовъ» Чехова—VII, 69.
 «Буддизмъ въ наукѣ» Герцена—III, 131, 135, 157, 176, 194.

- «Бѣдная Лиза» Карамзина—I, 83, 85, 103.
 «Бѣдная русская мысль» Писарева—IV, 158.
 «Бѣдные люди» Достоевскаго—I, 83; II, 85.
 «Бѣлинскій и Добролюбовъ» В. Зайцева—IV, 181.
 «Бѣсовское Дѣйство» А. Ремизова—VIII, 68.
 «Бѣсы» Достоевскаго—VI, 49, 51, 59, 61, 65, 79, 90.
 «Бывшіе люди» М. Горькаго—VII, 101, 115.
 «Былое и думы» Герцена—II, 56, 111, 161, 192, 196, 200, 208, 211, 213; III, 44, 66, 121, 123, 130, 144, 151, 152, 158, 169, 171, 174, 187; IV, 28, 56.
 «Вадимъ» Лермонтова—I, 127.
 «Варенька Олесова» М. Горькаго—VII, 98, 115.
 «Василій Шуйскій» Станкевича—II, 188.
 «Верзило» Гл. Успенскаго—V, 31.
 «Very dangerous!!!» Герцена—IV, 54.
 «Взбаломученное море» Писемскаго—IV, 47, 48.
 «Взглядъ на русскую литературу 1846 г.» Бѣлинскаго—III, 45, 50, 52, 60.
 «Взглядъ на русскую литературу 1847 г.» Бѣлинскаго—III, 61, 62, 145.
 «Взглядъ на русскую сельскую общину» Кавелина—IV, 76—78.
 «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» Кавелина—III, 97—101, 106; V, 8.
 «Вишневый садъ» Чехова—VII, 80, 86.
 «Власть земли» Гл. Успенскаго—VI, 116, 130, 132; VII, 38.
 «Война и миръ» Л. Толстого—VI, 23, 28, 30, 32, 35—38, 46, 54, 74; VIII, 40, 41.
 «Волей-неволей» Гл. Успенскаго—V, 28.
 «Вольность» Пушкина—I, 120.
 «Вольность» Радищева—I, 57, 59—62, 64, 65.
 «Вопросы» Фонвизина—I, 53.
 «Вопросы жизни» Пирогова—IV, 143.
 «Восклицательный знакъ» Чехова—VII, 69.
 «Воскресшіе боги» Мережковскаго—VIII, 46.
 «Воспоминанія» Дебагорій-Мокрѣевича—V, 15.
 «Воспоминанія» Оболенскаго—I, 146, 147.
 «Воспоминанія» И. С. Тургенева—III, 65.
 «Воспоминанія» Шелгунова—IV, 136.
 «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» Пушкина—I, 111.
 «Воспоминанія о Чеховѣ» С. Елпатьевскаго—VII, 73.
 «Въ артели» Златовратскаго—VI, 112.
 «Въ домахъ» Бальмонта—VIII, 50.
 «Въ изъясненіе признательности» Чернышевскаго—IV, 102.
 «Въ людяхъ» М. Горькаго—VII, 135.
 «Въ ссылкѣ» Чехова—VII, 84.
 «Въ степи» М. Горькаго—VII, 124.
 «Выборъ гувернера» Фонвизина—I, 54; VI, 65.
 «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» Гоголя—II, 86—89, 91, 99; III, 64; VI, 8.
 «Выстрѣлъ» Пушкина—I, 131.
 «Выхожу одинъ я на дорогу» Лермонтова—II, 41.
 «Вѣхи» сборникъ—VIII, 86.
 «Г.—бовъ и вопросъ объ искусствѣ» Достоевскаго—IV, 129.
 «Галубъ» Пушкина—II, 18, 20, 23, 32.
 «Гарольдъ» Байрона—I, 117.
 «Германъ и Доротея» Гете—VI, 5.
 «Герои и толпа» Михайловскаго—V, 111.
 «Герой безвременья» Михайловскаго—II, 145.
 «Герой нашего времени» Лермонтова—I, 131; II, 38.
 «Герцень и Михайловскій» статья Павлова-Разумника—V, 113.
 «Гимназическія рѣчи» Гегеля—II, 201.
 «Голось Дьявола» Бальмонта—II, 36.
 «Горе отъ ума» статья Бѣлинскаго—I, 81; III, 19, 24, 33, 36, 37.
 «Горныя вершины» Герцена—III, 180.
 «Городокъ» Пушкина—I, 112.
 «Городъ рабочихъ» Златовратскаго—VI, 112.
 «Господа Головлевы» Салтыкова—VI, 152.
 «Господа Ташкентцы» Салтыкова—IV, 17.
 «Графъ Бисмаркъ» Михайловскаго—V, 112.
 «Графъ Нулицъ» Пушкина—II, 10.
 «Громобой» Жуковскаго—I, 113.
 «Grundlage des Naturrechts» Фихте—I, 64.
 «Губернаторъ» Л. Андреева—VIII, 65.

- «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха» Михайловскаго—V, 77.
- «Мачвяки» М. Горькаго—VII, 112, 121, 124—128.
- «Движенія» Сергѣева-Ценскаго—VIII, 67.
- «Двѣ дѣтскія книжки» статья Бѣлинскаго—III, 37, 39.
- «Двѣнадцать» А. Блока—VIII, 62.
- «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковскаго—I, 113, 114.
- «Демонъ» Лермонтова—I, 123, 124; II, 36, 42.
- «Демонъ»—стих. Пушкина—II, 143.
- «Деревенскій король Лиръ» Златовратскаго—VI, 115.
- «Державинъ» статья Иванова Разумника—I, 70.
- «Der Individualismus» Гелленбаха, статья Вл. Соловьева—VIII, 28—29.
- «Die Marxische Theorie der socialen Entwicklung» П. Струве—VII, 53.
- «Дилетантизмъ въ наукѣ» Герцена—III, 134—138.
- «Дмитрій Калининъ» Бѣлинскаго—VI, 86.
- «Дневникъ» Герцена—III, 130, 133, 140, 165, 166, 175, 187; IV, 28.
- «Дневникъ» Никитенко—II, 65, 67;
- «Дневникъ» Чернышевскаго—IV, 26.
- «Дневникъ лишняго человѣка» Тургенева—II, 147.
- «Дневникъ писателя» Достоевскаго—III, 56; VI, 8, 41, 48, 72, 91, 93, 98.
- «Добротолубіе»—VIII, 68.
- «Довольно!» Тургенева—IV, 179.
- «Домъ съ мезониномъ» Чехова—VII, 89.
- «Du développement des idées revolutionnaires en Russie» Герцена—I, 40; III, 77, 106.
- «Дума» Лермонтова—II, 38; III, 14.
- «Душечка» Чехова—VII, 73.
- «Дуэль» Чехова—VII, 89.
- «Дядя Ваня» Чехова—I, 91; II, 104; VI, 153; VII, 70, 72, 80, 82, 86, 88.
- «Дѣйство о Георгіи» А. Ремизова—VIII, 68.
- «Дѣтство» М. Горькаго—VII, 135.
- «Дѣтство, отрочество и юность» Л. Толстого—VI, 16—17.
- «Евгеній Онегинъ» Пушкина—I, 103, 112, 114, 118, 132; II, 10, 28, 30, 103, 142, 143, 166, 171; VIII, 40, 41.
- «Евгеній Онегинъ» статья Иванова-Разумника—II, 24, 145.
- «Елеазаръ» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Elementa medicinae» Броуна—II, 170.
- «Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie» Шеллинга—II, 178.
- «Еще вариаци на старую тему» Герцена—III, 160.
- «Еще о чортѣ» М. Горькаго—VII, 116, 124.
- «Еще разъ Базаровъ» Герцена—IV, 55.
- «Желаніе» Пушкина—I, 113.
- «Жена» Чехова—VII, 72.
- «Женихъ» Пушкина—II, 10.
- «Жизнь и труды Погодина» Барсуковъ—II, 63.
- «Жизнь человѣка» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Жили-были» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Забутые люди» Добролюбова—VI, 49.
- «Задачи психологій» Кавелина—V, 8, 9.
- «Замокъ Нейгаузенъ» Марлинскаго—I, 128.
- «Замѣтки о журналахъ» Чернышевскаго—IV, 21, 61.
- «Замѣтки о личности Бѣлинскаго» Гончарова—II, 81; III, 66.
- «Западныя арабски» Герцена—III, 152, 154, 195.
- «Записка» Батенкова—I, 158.
- «Записка» Н. Муравьева—I, 88.
- «Записка» Н. Тургенева—I, 161, 164, 165.
- «Записки» Байрона—II, 29.
- «Записки» кн. Волконскаго—I, 140, 156.
- «Записки» М. Глинки—II, 56.
- «Записки» Державина—I, 68.
- «Записки» кн. Трубецкого—I, 139, 154.
- «Записки» Якушкина—I, 139, 140, 153, 156, 167.
- «Записки декабриста» барона А. Е. Розена—II, 68.
- «Записки вспыльчиваго человѣка» Чехова—VII, 73.
- «Записки изъ Мертваго дома» Достоевскаго—VI, 70, 79.
- «Записки изъ Поднолья» Достоевскаго—VI, 55—64, 71, 95.
- «Записки и оловника» Тургенева—IV, 180.
- «Записки профана» Михайловскаго—V, 86, 100; VI, 21.
- «Записки современника» Михайловскаго—V, 50.
- «Записки чудака» Андрея Бѣлаго—VIII, 63.

- «Зарожденіе культуры» Писарева—IV, 132, 157.
- «За рубежомъ» Салтыкова—VII, 22.
- «Затишье» Тургенева—VI, 147.
- «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» Достоевскаго—VI, 9, 19, 96.
- «Знакомый мужчина» Чехова—VII, 73.
- «Золотыя сердца» Златовратскаго—VI, 124.
- «Ивановъ» Чехова—VII, 67, 70.
- «Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ» Михайловскаго—IV, 51. V, 184—187.
- «Идеализмъ и общественныя программы» Булгакова—VIII, 24—25.
- «Идеализмъ Платона» Писарева—IV, 139, 141, 148, 161.
- «Идеалистъ мѣщанства» Ткачева—VI, 150.
- «Ideen zu einer Philosophie der Natur» Шеллинга—II, 170.
- «Идіотъ» Достоевскаго—VI, 21, 49, 55, 93.
- «Игрокъ» Достоевскаго—VI, 19.
- «Изъ деревенскаго дневника» Гл. Успенскаго—VI, 116, 126.
- «Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго» Михайловскаго—VI, 157.
- «Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ» Михайловскаго—V, 72.
- «Изъ разговоровъ съ пріятелями» Гл. Успенскаго—VI, 137.
- «Изъ рукописей 90-хъ годовъ» Лаврова—I, 16.
- «Ильясъ» Л. Толстого—VI, 41.
- «Индивидуализмъ въ свѣтъ біологій и современной философіи» Гелленбаха, статья Вл. Соловьева—VIII, 28—29.
- «Исповѣдь» Лермонтова—II, 42.
- «Исповѣдь» М. Горькаго—VII, 135.
- «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина—I, 87, 88, 137.
- «Исторія новѣйшей русской литературы» Скабичевскаго—VI, 6.
- «Исторія одного города» Салтыкова—II, 55.
- «Историческія идеи Огюста Конта» Писарева—VI, 158.
- «Историческія письма» Лаврова—I, 11, 17; IV, 13, 57; V, 36—47; VI, 106—108.
- «Историческіе эскизы» Писарева—IV, 158.
- «Историческое развитіе европейской мысли» Писарева—IV, 158.
- «Юнычъ» Чехова—VII, 72.
- «Иуда Искаріотъ» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Кавказскій Пльнникъ» Пушкина—I, 116, 118—120, 189.
- «Казакъ» Л. Толстого—VI, 16, 22, 28.
- «Каминъ» Байрона—I, 117, 123; II, 144.
- «Какъ живетъ и работаетъ Л. Толстой» П. Сергѣенко—VI, 46.
- «Канитель» Чехова—VI, 87.
- «Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ» П. Новгородцева—III, 32.
- «Капиталь» Маркса—III, 155.
- «Капризы и раздумье» Герцена—III, 191.
- «Карьера Оладушкина» Михайловскаго—VI, 15.
- «Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи социальныхъ явленій» Б. Кистяковскаго—VII, 58.
- «Катехизисъ» Н. Муравьева—I, 188.
- «Книга Дж. Ст. Милля о свободѣ» Герцена—III, 148.
- «Книжка чеконъ» Гл. Успенскаго—VI, 130.
- «Княгиня» Чехова—VII, 77.
- «Княгиня Лиговская» Лермонтова—II, 31.
- «Кольна»—Пушкина—I, 113.
- «Коммунистическій Манифестъ» Маркса и Энгельса—III, 150; VII, 18.
- «Коноваловъ» М. Горькаго—VII, 115, 123.
- «Consolatio» Герцена—III, 188.
- «Концы и начала» Герцена—I, 28; III, 147—150, 153, 154, 156, 163, 164, 186, 192; IV, 89.
- «Король Лиръ» Шекспира—I, 89.
- «Котикъ Летаевъ» Андрея Бѣлаго—VIII, 63.
- «Красный Смѣхъ» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Краткое умозрительное обозрѣніе Государственнаго Правленія» Пестеля—I, 175.
- «Крейдерова Соната» Л. Толстого—VI, 22.
- «Крестникъ» Л. Толстого—VI, 41.
- «Крестовыя сестры» А. Ремизова—VIII, 68.
- «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ» Гл. Успенскаго—VI, 116, 130, 131.
- «Крестьянинъ и рабочій, какъ экономическія категоріи» В. Чернова—VIII, 83.
- «Крещеная собственность» Герцена—III, 168.

- «Критика нашихъ критиковъ» Плеханова—VIII, 10.
- «Критика отвлеченныхъ началъ» Вл. Соловьева—VIII, 28.
- «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» Чернышевскаго—III, 165; IV, 23, 73, 84—86; V, 64; VII, 19.
- «Критика чистаго разума» Канта—II, 196.
- «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» П. Струве—VII, 11, 20, 21, 22, 30, 31, 32, 35, 37, 38, 44, 52—54, 56, 58—61; VIII, 10, 13, 15, 77.
- «Крыжовникъ» Чехова—VII, 76, 85, 90.
- «Кто виноватъ» Герцена—II, 111, 151, 152, 153; III, 133, 134.
- «Кухина Машенька» Салтыкова—VII, 73.
- «Къ вопросу о морали» П. Струве—VII, 60.
- «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Н. Бельтова-Плеханова—V, 99; VII, 11, 34, 44; VIII, 8.
- «Къ Дельвигу» Пушкина—I, 112.
- «Къ Жуковскому» Пушкина—I, 111.
- «Къ звѣздамъ» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Къ критикѣ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи» П. Струве—VII, 54.
- «Къ молодому поколѣнію» прокламація Михайлова—IV, 12.
- «Къ Пушкину» Веневитинова—II, 182.
- «La Russie et les Russes» Н. Тургенева—I, 146, 157, 163—164, 167, 182.
- «La Russie et l'église universelle» Вл. Соловьева—VIII, 28.
- «Левъ Толстой» Иванова-Разумника—VI, 49.
- «Легенда о великомъ инквизиторѣ» В. Розанова—II, 96; VI, 87.
- «Либераль» Салтыкова—VI, 155.
- «Лимонарь» А. Ремизова—VIII, 68.
- «Литература и общественность» Иванова-Разумника—VIII, 40.
- «Литературныя воспоминанія» Анненкова—II, 62.
- «Литературныя воспоминанія» Михайловскаго—V, 51.
- «Литературныя и журнальныя замѣтки» Михайловскаго—VI, 157.
- «Литературныя мелочи прошлаго года» Добролюбова—IV, 107, 114.
- «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго—II, 167, 195; III, 8, 16, 27, 28, 34, 50.
- «Литургія Миѣ» Ѳ. Сологуба—VIII, 47.
- «Личность» Лаврова—IV, 86.
- «Лишніе люди и желчевики» Герцена—IV, 55.
- «Логика» Гегеля—II, 199, 200, 203.
- «Ложь» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» К. Аксакова—III, 94.
- «Л. Толстой и Достоевскій» Мережковскаго—VI, 71.
- «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» Добролюбова—VI, 118.
- «Лучше поздно, чѣмъ никогда» Гончарова—II, 139.
- «Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ» П. Милюкова—II, 189.
- «Люди будущаго и герои мѣщанства» П. Ткачева—VI, 150.
- «Люди сороковыхъ годовъ» Писемскаго—VI, 145.
- «Людмила» Жуковскаго—I, 101, 113.
- «Макаръ Чудра» М. Горькаго—VII, 96.
- «Манфредъ» Байрона—I, 116, 117, 123.
- «Маревъ» Ключникова—IV, 48.
- «Маріи» стих Ѳ. Сологуба—VIII, 53.
- «Марксистская критика» Иванова-Разумника—VIII, 10.
- «Маска» Чехова—VII, 68.
- «Маскарадъ» Лермонтова—I, 127.
- «Медвѣжья охота» Некрасова—II, 68.
- «Мелкій бѣсъ» Ѳ. Сологуба—VIII, 67, 70.
- «Мелочи жизни» Салтыкова—VI, 158.
- «Меицель» Бѣлинскаго—II, 203; III, 19, 24, 33, 34.
- «Мертвыя души» Гоголя—II, 77, 79, 83, 86, 87, 93—95, 99; VII, 68; VIII, 40.
- «Мечта» Жуковскаго—I, 106.
- «Младшимъ» Брюсова—VIII, 58.
- «Моимъ критикамъ» П. Струве—VII, 22.
- «Мой спутникъ» М. Горькаго—VII, 98.
- «Молотовъ» Помяловскаго—II, 82; IV, 47, 183, 184; VI, 140—144.
- «Мотивы русской драмы» Писарева—IV, 132, 131, 140.
- «Мочало въ роли Гамлета» Бѣлинскаго—III, 9.
- «Моцартъ и Сальери» Пушкина—II, 16, 18; VI, 169.
- «Моя жизнь» Чехова—VII, 72, 75, 76, 78.

- «Моя метафизика» Станкевича — II, 190.
 «Моя родословная» Пушкина — II, 27.
 «Мужики г. Чехова» П. Струве — VII, 32, 38.
 «Мужикъ» М. Горького — VII, 94, 101, 105, 128—131.
 «Мужъ» Чехова — VII, 69, 73.
 «Миры» Лермонтова — II, 42—44; III, 14.
 «Мысли при гробницѣ» Жуковского — I, 105.
 «Мыслитель» Чехова — VII, 69.
 «Мыслящій пролетаріатъ» Писарева — IV, 43.
 «Мѣдный всадникъ» Пушкина — II, 18, 20, 21, 23.
 «Мѣщане» М. Горького — VII, 109—112, 126; VIII, 50.
 «Мѣщане» Писемского — I, 26; VI, 144—147.
 «Мѣщанское счастье» Помяловского — VI, 140—144.
 «На днѣ» М. Горького — VII, 112—121.
 «Наказъ» Екатерины II-ой — I, 43—46, 50, 62.
 «Наканунъ» Тургенева — VI, 148.
 «На плотяхъ» М. Горького — VII, 98.
 «На разные темы» П. Струве — VII, 122.
 «Нарушеніе воли» Гончарова — II, 127.
 «Наслажденіе» Пушкина — I, 113.
 «На смерть князя Мещерскаго» Державина — I, 68.
 «Наставленіе для преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ» Ростовцева — II, 68.
 «На травкѣ» Гл. Успенскаго — V, 23; VI, 122.
 «Наша университетская наука» Писарева — IV, 132.
 «Наша разногласія» Плеханова — VII, 11, 17, 18, 26, 27; VIII, 82.
 «Н. В. Станкевичъ» Добролюбова — IV, 105—110, 120.
 «Невѣста» Чехова — VII, 86.
 «Не говори: однимъ высокимъ»... Лермонтова — II, 39.
 «Недоконченныя бесѣды» Салтыкова — VI, 156.
 «Недоросль» Фонвизина — I, 50—53.
 «Неистовый Роландъ» Аріоста — II, 171.
 «Некуда» Лѣскова — IV, 47, 48.
 «Нерсида» Пушкина — I, 113.
 «Нерѣшенный вопросъ» Писарева — см. «Реалисты».
 «Несчастливая» Тургенева — VI, 147.
 «Necessitas-Vis-Libertas» Тургенева — IV, 179.
 «Новыя варіаціи на старыя темы» Герцена — III, 139—143.
 «Новый отвѣтъ на старый вопросъ» Шелгунова — V, 11.
 «Новъ» Тургенева — VI, 147, 148.
 «Noel» Пушкина — I, 142.
 «Нравы Растеряевой улицы» Гл. Успенскаго — VI, 125.
 «Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести» Герцена — III, 138, 152.
 «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» Веневитинова — II, 174.
 «Обломовъ» Гончарова — II, 79, 109—119, 138.
 «Обрывъ» Гончарова — II, 120—123, 132, 137, 138; VII, 75.
 «Обыкновенная исторія» Гончарова — II, 81, 102—109, 111, 127; VII, 73.
 «Обозрѣніе современной литературы» П. Кирѣевскаго — III, 92.
 «Обоснованіе интуитивизма («Обоснованіе мистическаго эмпиризма») Лосскаго — VIII, 34, 35.
 «Общественный договоръ» Руссо — II, 168; III, 27.
 «Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе» Бѣлинскаго — III, 48, 50, 51.
 «Общій фондъ» Герцена — IV, 56.
 «Объ основныхъ началахъ русской исторіи» К. Аксакова — III, 116.
 «О введеніи единомыслія въ Россію» Козьмы Пруткова — II, 75.
 «О внутреннемъ состояніи Россіи» К. Аксакова — III, 116, 119, 121.
 «Овца безъ стада» Гл. Успенскаго — VI, 129, 137.
 «Объ интеллигенціи» Иванова-Разумника — VIII, 76.
 «Огненный Ангель» Брюсова — VIII, 67.
 «О Губернскихъ Очеркахъ» Добролюбова — IV, 120.
 «Ода графу Хвостову» Пушкина — I, 112.
 «Ода къ Милости» Карамзина — I, 86.
 «О жизни» Л. Толстого — VI, 44.
 «О значеніи авторитета въ воспитаніи» Добролюбова — IV, 120, 114.
 «Океанъ» Л. Андреева — VIII, 65.
 «Omnia mea mecum porto» Герцена — III, 178, 180, 181.

- «О мѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ» Самарина—III, 101.
- «О мѣщанствѣ» М. Горькаго—VIII, 78.
- «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе» Кюхельбекера—II, 183.
- «О народномъ воспитаніи» Пушкина—II, 56.
- «О народномъ образованіи» Л. Толстого—VI, 30.
- «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» Чернышевскаго—IV, 21.
- «О нравственной стихіи въ поэзіи» Добролюбова—IV, 110.
- «О поземельной собственности» Чернышевскаго—IV, 21, 61, 80.
- «Оправданіе добра» Вл. Соловьева—VIII, 28.
- «О причинахъ паденія Рима» Чернышевскаго—IV, 87.
- «Опытъ о просвѣщеніи» Пнина—I, 63.
- «Опытъ о философіи Гегеля» Вильма—II, 199.
- «Опытъ системы нравственной философіи» статья Бѣлинскаго—II, 199; III, 16.
- «Опытъ теоріи налоговъ» Н. Тургенева—I, 163.
- «Опытъ философіи русской литературы» Андреевича—V, 40.
- «Organisation du travail» Луи Блана—V, 111.
- «Органъ, недѣлимое, общество» Михайловскаго—V, 86, 121.
- «О родовомъ бытѣ древнихъ германцевъ» Грановскаго—III, 106.
- «О романахъ Лажечникова» Бѣлинскаго—IV, 151.
- «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя» Бѣлинскаго—III, 10.
- «О свободѣ», книгѣ Дж.-Ст.-Милля, статья Герцена—IV, 86.
- «Освобожденный Иерусалимъ» Тассо—II, 174.
- «Остаръ» Пушкина—I, 113.
- «О сельскихъ условіяхъ» Хомякова—III, 113.
- «Осеннее утро» Пушкина—I, 113.
- «О смертной казни» Жуковскаго—I, 106.
- «О смыслѣ жизни» Иванова-Разумника—III, 177; VI, 188; VIII, 93.
- «Основанія политической экономіи» Дж.-Ст.-Милля—IV, 63, 83, 87.
- «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности» П. Струве—VII, 53.
- «Основные законы воспитанія» Миллера-Красовскаго—II, 68.
- «Основы естественнаго права» Фихте—I, 64.
- «Основы народничества» Юзова-Каблица, V, 114.
- «Основы социологій» Спенсера—V, 67.
- «О современныхъ явленіяхъ въ области философіи» Хомякова—III, 113.
- «О способахъ изслѣдованія природы» М. Павлова—II, 177.
- «Отецъ» Чехова—VII, 69.
- «Отвѣтъ Москвитяину» Кавелина—III, 104.
- «Отрывки» Жуковскаго—I, 109.
- «Отрывокъ изъ путешествія» И. Т.—I, 48.
- «Отцы и дѣти» Тургенева—IV, 46, 177, 179, 181.
- «Отъ Москвы до Лейпцига» Бабста—IV, 103.
- «Очерки» Шелгунова—VI, 106.
- «Очерки Бородинскаго сраженія» статья Бѣлинскаго—III, 19, 21, 26, 27, 49, 50; IV, 152.
- «Очерки вопросовъ практической философіи» Лаврова—IV, 33.
- «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» Чернышевскаго—IV, 60, 79, 95, 101, 127, 153.
- «Очерки изъ исторіи печати во Франціи» Писарева—IV, 157.
- «Очерки крестьянской общины» Златовратскаго—VI, 116.
- «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» сборникъ—VIII, 18.
- «О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ, любителѣ истины» М. Горькаго—VII, 98, 116.
- «Ошибка» М. Горькаго—VII, 115, 116.
- «Палата № 6» Чехова—VII, 73, 78, 93.
- «Памяти Чехова» А. Куйрина—VII, 81.
- «Пари» Чехова—VII, 77.
- «Патологическая магія» Михайловскаго—V, 111.
- «Персидское поле» Чехова—VII, 133.
- «Переломъ въ умственной жизни средне-вѣковой Европы» Писарева—IV, 158.
- «Перениска Мелодора и Филалета» Карамзина—I, 84.
- «Переписка» И. Тургенева—II, 150.
- «Пестрые письма» Салтыкова—VI, 106.

- «Петербургъ» Андрея Бѣлаго—VIII, 63.
 «Печенѣгъ» Чехова—VII, 78.
 «Пиковая дама» Пушкина—I, 130.
 «Пиръ во время чумы» Пушкина—II, 18.
 «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» Писарева—II, 137.
 «Письма изъ Avenue Marigny» Герцена—III, 145.
 «Письма изъ-за границы» Фонвизина—I, 79.
 «Письма изъ Франціи и Италіи» Герцена—III, 179.
 «Письма къ противнику» Герцена—III, 186, 188.
 «Письма къ старому товарищу» Герцена—III, 160, 189, 193.
 «Письма о правдѣ и неправдѣ» Михайловскаго—V, 50, 105, 115.
 «Письма русскаго путешественника» Карамзина—I, 75—84, 87, 89, 90, 93, 139; II, 127.
 «Письма съ дороги» Гл. Успенскаго—VI, 130.
 «Письмо изъ Англій» Хомякова—III, 107.
 «Письмо изъ Неаполя» Герцена, III, 154.
 «Письмо о критической философіи» Лубкина—II, 171.
 «Плоды раздумья» Козьмы Пруткова—II, 73, 74.
 «Повѣсти Бѣлкина» Пушкина—I, 131.
 «Погибшіе и погибающіе» Писарева—IV, 131.
 «Подозрѣваемые» Гл. Успенскаго—V, 23.
 «Подростокъ» Достоевскаго—VI, 20, 50.
 «Полемическія красоты» Чернышевскаго—IV, 32.
 «Политическія письма социалиста» Михайловскаго—V, 18, 20; VII, 23.
 «Помпадуры и помпадурши» Салтыкова—II, 56.
 «По поводу малороссійскихъ проповѣдей» Хомякова—III, 110.
 «По поводу одной драмы» Герцена—III, 131, 133, 134, 144.
 «Посмотримъ!» Писарева—IV, 44, 170.
 «Посолонь» А. Ремизова—VIII, 68.
 «Пошехонская старина» Салтыкова—VI, 152.
 «Поэзія душевнаго единства» статья Иванова-Разумника—II, 24.
 «Поэзія душевнаго раздвоенія» статья Иванова-Разумника—II, 39.
 «Поэмы Пушкина» Иванова-Разумника—II, 23.
 «Поэту» Пушкина—II, 15, 16.
 «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго—II, 39; IV, 49; VI, 49, 50, 55, 56, 63, 64, 70, 71, 75, 76, 78, 80, 95.
 «Привѣтъ» Салтыкова—VII, 73.
 «Приданое» Чехова—VII, 73.
 «Призраки» Л. Андреева—VIII, 65.
 «Припадокъ» Чехова—VII, 77.
 «Проблемы идеализма» сборникъ—VI, 88; VIII, 12, 18—24, 30, 31, 33.
 «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» Л. Толстого—VI, 12, 28, 29, 33, 37.
 «Прогулка по садамъ русской словесности» Писарева—IV, 170.
 «Прологъ къ Прологу» Чернышевскаго—IV, 11, 23, 25.
 «Прометей» Гете—I, 100, 116.
 «Противъ ортодоксальной нетерпимости—pro domo sua» П. Струве—VII, 59.
 «Противъ ортодоксіи» П. Струве—VII, 53.
 «Протоколъ 20 Арзамасскаго засѣданія Жуковскаго—I, 110.
 «Проходимецъ» М. Горькаго—VII, 99, 101.
 «Прудъ» А. Ремизова—VIII, 68.
 «Путешествіе въ Малороссію» Шаликова—I, 94.
 «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева—I, 48, 55—62, 75, 79, 83, 151.
 «Пушкинская рѣчь» Достоевскаго—VI, 8.
 «Пушкинъ и Бѣлинскій» Иванова-Разумника—I, 70, 123; II, 23, 39, 145; III, 65.
 «Пѣснь торжествующей любви» Тургенева—VIII, 67.
 «Пѣсня о Соколѣ» М. Горькаго—VII, 123.
 «Пятая язва» А. Ремизова—VIII, 68.
 «Развязка Ревизора» Гоголя—II, 84.
 «Разговоръ въ подмосковной» Хомякова—III, 109.
 «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ Пушкина—II, 11.
 «Разговоръ на большой дорогѣ» П. Тургенева—II, 77.
 «Разоренье» Гл. Успенскаго—VI, 120, 125.
 «Разлука» Пушкина—I, 113.
 «Разрушеніе эстетики» Писарева—IV, 29, 43, 44, 124.
 «Разсказъ неизвѣстнаго человека» Чехова—VII, 73, 84, 93, 132.

- «Разсказъ о семи повѣсненыхъ»
Л. Андреева—VIII, 65.
- «Реалисты» Писарева—IV, 132, 140,
155, 160, 161—168, 170; V, 10, 24.
- «Ревизоръ» Гоголя—II, 83, 84; II, 86.
- «Repetitio est mater studiorum» Гер-
цена—III, 166.
- «Робертъ Оуенъ» Герцена—III, 159, 160,
161, 185, 186.
- «Рожденіе трагедіи» Нитцше—VIII, 45.
- «Розы» Жуковскаго—I, 105.
- «Романъ и Ольга» Бестужева-Марлин-
скаго—I, 128.
- «Романъ кисейной барышни» Писарева—
IV, 160.
- «Романы Андре Лео» Писарева—IV, 134.
- «Россіяда» Хераскова—I, 41.
- «Рудинъ» Тургенева—II, 154—159.
- «Русланъ и Людмила» Пушкина—I, 113,
114—116, 133.
- «Русская народная поэзія» Бѣлинскаго—
III, 48, 50, 56.
- «Русская Правда» Пестеля—I, 171, 172,
175—177, 179, 181, 183, 184—186.
- «Русскіе въ Парижѣ» Герцена—III, 122.
- «Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе» Гер-
цена—III, 156, 158, 162, 163, 167, 168.
- «Русскіе символисты» сборникъ—VIII,
57—58.
- «Русскій народъ и социализмъ» Герцена—
III, 151, 155, 183, 193, 195.
- «Русскій человекъ на rendez-vous» Чер-
нышевскаго—IV, 101, 108.
- «Русскія Ночи» В. Одоевскаго—II, 176.
- «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» Пуш-
кина—I, 113.
- «Рѣчь о критикѣ» статья Бѣлинскаго—
III, 51, 62; IV, 152.
- «Савва» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Санинъ» Арцыбашева—VIII, 87.
- «Свобода и историческая необходимость»
П. Струва—VII, 60.
- «Свободное слово» К. Аксакова—III, 119.
- «Свѣтлана» Жуковскаго—I, 113.
- «Свѣтловъ» Омелевскаго—IV, 48.
- «Сельское чтеніе» статья Бѣлинскаго—
III, 53, 59.
- «Сентиментальное путешествіе» Стерна—
I, 75.
- «Сирена» Чехова—VII, 73.
- «System des transcendentalen Idealis-
mus» Шеллинга—II, 178, 195.
- «Сказка для дѣтей» Лермонтова—I, 121.
- «Сказка о маленькой Фей и молодомъ
Чабанѣ» М. Горькаго—VII, 133.
- «Сказки» Салтыкова—IV, 164; VI, 106,
152, 160.
- «Скиталецъ Златовратскаго» VI, 121.
- «Скифы» А. Блока—VIII, 52.
- «Скупой рыцарь» Пушкина—II, 16, 18;
VI, 169.
- «Скучающая публика» Гл. Успенскаго—
V, 31.
- «Скучная исторія» Чехова—VII, 71, 77.
- «Слуга» Кавелина—IV, 19.
- «Случай изъ практики» Чехова—VII, 75.
- «Смерть Ивана Ильича» Толстого—VI, 13.
- «Смерть чиновника» Чехова—VII, 68.
- «Sonnenklarer Bericht über das Wesen
Fichte»—II, 171.
- «Социализмъ и политическая борьба» Пле-
ханова—VII, 8, 18, 27.
- «Сочиненія А. Пушкина» статьи Бѣлин-
скаго—III, 47, 56, 106.
- «Сраженный рыцарь» Пушкина—I, 113.
- «Старики или островъ Панханъ» В. Одоев-
скаго—II, 175.
- «Старуха Изергиль» М. Горькаго—VII,
98, 114.
- «Старый бурмистръ» Гл. Успенскаго—
VI, 126.
- «Старый міръ и Россія» Герцена—III,
106, 151, 163, 168, 186, 187.
- «Степь» Чехова—VII, 75.
- «Стихи о Прекрасной Дамѣ» А. Блока
VIII, 58, 61—62.
- «Стоячая вода» Писарева—IV, 132, 134,
139.
- «Страхъ» Чехова—VII, 75.
- «Строгий» Златовратскаго—VI, 121.
- «Studien Gakstgautzena» Чернышевска-
го—IV, 60.
- «Стѣна» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ
общественной философіи» Бердяева-
Струва—VIII, 11—19.
- «Судьбы капитализма въ Россіи» В. В.—
VI, 130; VII, 15, 19.
- «Суздальцы и суздальская критика» Ми-
хайловскаго—V, 115.
- «Сурги Орловы» М. Горькаго—VII, 115.
- «Схематика XIX вѣка» Писарева—IV,
34, 39, 131—133, 136, 147, 148, 153,
161, 168, 178.
- «Съ того берега» Герцена—III, 89, 151,
154, 169, 174, 175, 177, 178, 182, 184,
188; IV, 29.

- «Такъ что же намъ дѣлать» Л. Толстого—VI, 13, 42.
- «Такъ говорилъ Заратустра» Нитцше—VIII, 45.
- «Гарантасъ» статья Бѣлинскаго—III, 61.
- «Гарась Бульба» Гоголя—II, 91, 95.
- «Темное царство» Добролюбова—IV, 117.
- «Теонъ и Эхинъ» Жуковскаго—I, 105.
- «Теорія Дарвина и общественная наука» Михайловскаго—V, 76.
- «Толстый и тонкій» Чехова—VII, 68.
- «Тоска» Жуковскаго—I, 103.
- «Трагедія объ Іудѣ» А. Ремизова—VIII, 68.
- «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» Лаврова—IV, 33.
- «Три разговора» Вл. Соловьева—VIII, 62.
- «Три года» Чехова—VII, 85.
- «Три сестры» Чехова—II, 115; VII, 72, 76, 80, 81, 86, 88, 133.
- «Трос» М. Горькаго—VII, 100, 101, 105—110.
- «Трудное время» Слѣпцова—IV, 47.
- «Тыма» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Тысяча душъ» Писемскаго—VI, 145.
- «Тюрго» Чернышевскаго—IV, 92.
- «Тюрьма» М. Горькаго—VII, 121.
- «Убѣжище Монрепо» Салтыкова—V, 30.
- «Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zu der Natur» Шеллинга—II, 178.
- «Умирающій лебедь» Жуковскаго—I, 103.
- «Униженные и оскорбленные» Достоевскаго—VI, 49, 50.
- «Untergang der Natur-Staaten» Штурра—III, 165.
- «Untersuchungen über die menschliche Freiheit» Шеллинга—II, 179.
- «Уитеръ Пришибеевъ» Чехова—VII, 68, 69.
- «Уравновѣшенныя души» П. Ткачева—VI, 150.
- «Устон» Златовратскаго—VI, 116, 119, 123.
- «Утилитаризмъ» Дж.-Ст.-Милля—IV, 32, 140.
- «Утро дѣловаго человѣка» Гоголя—II, 85.
- «Фантазія» Козьмы Пруткова—II, 72, 77, 78.
- «Фаустъ» Гете—VI, 5.
- «Фаустъ» Тургенева—IV, 109, 180.
- «Физиологическія картины» Бюхнера—IV, 45.
- «Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни» В. Бриви—IV, 46.
- «Философическія нисыма» Чаадаева—III, 72, 71, 77, 79, 82, 85, 86, 121, 128, 165.
- «Философія права» Гегеля—II, 200.
- «Философія права» Чичерина—VIII, 23, 29—30.
- «Philosophie de Kant» Виллера—II, 196.
- «Philosophie des Geistes» Гегеля—III, 32.
- «Philosophie und Religion» Шеллинга—II, 179.
- «Philosophische Briefe über Dogmatismus und Criticismus» Шеллинга—II, 171.
- «Vom andern Ufer» Герцена—III, 89.
- «Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen» Фихте—II, 196.
- «Vorlesungen über die Methode» Шеллинга—II, 171.
- «Формула прогресса Михайловскаго» Лаврова—V, 125.
- «Фрегатъ Паллада» Гончарова—II, 124—127, 129.
- «Ханъ и его сынъ» М. Горькаго—VII, 98.
- «Хорошіе люди» Чехова—VII, 78.
- «Христіанская философія» Жуковскаго—I, 106.
- «Царь-Голодъ» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Цѣфты невиннаго юмога» Писарева—IV, 132.
- «Цыгане» Пушкина—I, 116, 117; I, 119—122, 189; II, 13, 23.
- «Челкашъ» М. Горькаго—VII, 93.
- «Человѣкъ» М. Горькаго—VII, 120, 132.
- «Человѣкъ» Пнина—I, 64.
- «Человѣчки» Бальмонта—VIII, 50.
- «Черезъ двадцать лѣтъ» Гончарова—II, 126.
- «Черный монахъ» Чехова—VII, 76, 79.
- «Черныя Маски» Л. Андреева—VIII, 65.
- «Черты для характеристики русскаго простонародья» Добролюбова—IV, 129.
- «Честолюбіе» Козьмы Пруткова—II, 72.
- «Читатель» М. Горькаго—VII, 95, 96, 100, 110, 112, 116.
- «Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому» П. Струве—VII, 35.
- «Чтенія о Богочеловѣчествѣ» Вл. Соловьева—VIII, 28.

- «Что выгоднѣе: общинное мѣрское владѣніе земель или личное?» Самарина—IV, 78.
- «Что дѣлать?» Чернышевскаго—IV, 25, 36, 55, 59, 98; VI, 59, 61, 62.
- «Что случилось?» Потресова—VII, 33; VIII, 78.
- «Что такое государство?» Энгельсона—III, 187.
- «Что такое обломовщина?» Добролюбова—II, 110; IV, 115, 122.
- «Что такое прогрессъ?» Михайловскаго—IV, 55; V, 68, 72, 81, 85, 103, 120; VII, 46.
- «Что такое счастье?» Михайловскаго—V, 106.
- «Чувствительный и холодный» Карамзина—I, 90; II, 108.
- «Шильонскій узникъ» Жуковскаго—II, 42.
- «Шинель» Гоголя—II, 84.
- «Звлега» Пушкина—I, 113.
- «Экономическая дѣятельность и законодательство» Чернышевскаго—IV, 72, 92, 98.
- «Элегія» Пушкина—I, 113.
- «Эстетика» Гегеля—II, 200.
- «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» Чернышевскаго—IV, 18, 29, 30, 43, 44, 123, 124, 127, 169.
- «Эхо» Пушкина—II, 15.
- «Юность» Л. Толстого—см. «Дѣтство, отрочество и юность».
- «Я, книга совершеннаго самоутвержденія» Ѳ. Сологуба—VIII, 47.
- «Ѳома Гордѣевъ» М. Горькаго—II, 115; VII, 100, 101, 109, 110, 126, 132.

УКАЗАТЕЛЬ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ.

Введение. I. Что такое интеллигенція? II. Содержаніе исторіи русской интеллигенціи.

Хотя слово «интеллигенція» появилось лишь въ пятидесятихъ годахъ XIX вѣка (впервые у Герцена), но *понятіе* это существовало задолго до появленія разночинной интеллигенціи. Съ ея появленіемъ вопросъ объ «интеллигенціи» постепенно начинаетъ служить предметомъ обсуждения и опредѣленія, также какъ и противоположное понятіе—«мѣщанина», «буржуа». О послѣднихъ, кромѣ блестящей характеристики Герцена, говорилъ подъ его вліяніемъ Достоевскій «Зимнія записки о тѣхъ впечатлѣніяхъ»; о первой, кромѣ суживающей вопросъ статьи Писарева «Мыслящій пролетаріатъ», мы найдемъ обобщающую постановку вопроса у Лаврова «Историческія письма». «Народническая» точка зрѣнія, въ ея различныхъ отвѣтвленіяхъ, выражена кромѣ того въ статьяхъ Михайловскаго «Записки современника» («Отеч. Зап. 1881 г. №№ 10 и 12), въ книгѣ Юзова-Каблица «Интеллигенція и народъ» (второй томъ «Основы народничества», 1893 г.), въ очеркахъ В. В. «Наши направленія» («Сословный характеръ исторической интеллигенціи», «Характеръ русской интеллигенціи», и др.; 1893 г.) въ брошюрѣ А. Пышехонова «Къ вопросу о русской интеллигенціи» (1906 г.). «Марксистская» точка зрѣнія—въ статьяхъ и книгахъ Г. Плеханова «Наши разногласія» и «Отъ обороны къ нападенію», В. Засуличъ «Сборникъ статей» т. II, В. Ильинъ (Тенинъ-Ульяновъ) «За 12 лѣтъ», П. Струве «Критическія замѣтки», А. Попресовъ «Этюды о русской интеллигенціи». См. также статьи Н. Троцкого въ заграничной «Искрѣ» 1904 г., №№ 59—60 и рядъ переводныхъ брошюръ: Бебель «Интеллигенція и социализмъ», Каутскій «Интеллигенція и пролетаріатъ» и «Интеллигенція и социаль-демократія», Тафартъ «Социализмъ и интеллигенція», Поль Луи «Интеллигенція и социализмъ», Лягардель «Интеллигенція и синдикализмъ». Характерное *reductio ad absurdum* марксистскихъ построений въ этомъ вопросѣ находимъ въ теченіи «махаевщины»—въ книжкахъ и брошюрахъ А. Вольскаго-Мазайскаго «Умственный рабочий», ч. I—III и В. Лозинскаго «Что-же такое, наконецъ, интеллигенція?» Обвинительный актъ противъ разночинной интеллигенціи данъ въ сборникѣ «Въсѣи» (1908 г.), вызвавшемъ обширную литературу, среди которой можно отмѣтить сборники: «Въсѣи, какъ знаменіе времени» («народнической»), «Отъ Чернышевскаго къ Вѣхамъ» (марксистскій, В. Фриче), «По Вѣхамъ» и «Интеллигенція въ Россіи» («либеральный»); кромѣ того, отдѣльныя статьи Д. Мережковскаго

«Семь смиренныхъ» (въ книгѣ «*Большая Россія*», 1910 г.) и А. Пытешонова «*Новый походъ противъ интеллигенции*» («Русск. Бог.» 1909 г. №№ 4—5). Основными продолжаютъ оставаться два воззрѣнія на сущность интеллигенции: социальное-экономическое и социальное-этическое. Разборъ этихъ воззрѣній и главнѣйшей литературы—Ивановъ-Разумникъ «*Объ интеллигенции*» (1910 г.) и въ статьѣ «*Марксистская критика*» (въ книгѣ «*Литература и общественность*», изд. 2-ое, 1912 г.).

I. Въ преддверіи XIX вѣка.

Общій обзоръ русской общественной мысли и литературы XVIII-го вѣка—у Пытина, въ третьемъ и четвертомъ томѣ его «*Исторіи русской литературы*». Книга эта, однако, очень устарѣла, не столько по матеріаламъ, сколько по общественно-публицистическому подходу къ вопросамъ литературы. Что касается матеріаловъ—богатыя залежи ихъ можно найти у Сухомлинова «*Исторія Россійской Академіи*», тт. I—VIII (Спб. 1875—1888 г.), въ незаконченномъ двѣнадцатитомномъ трудѣ Билъбасова «*Исторія Екатерины II*» и въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ изслѣдованій, библиографію которыхъ можно найти въ общихъ работахъ по исторіи XVIII вѣка. Изъ сводныхъ синтезирующихъ работъ наиболее цѣнными представляются Милюковъ «*Очерки по исторіи русской культуры*» (точка зрѣнія «либерализма») и Плехановъ «*Исторія русской общественной мысли*», тт. II—III (точка зрѣнія «марксизма»). Объ отдѣльныхъ авторахъ и произведеніяхъ XVIII вѣка литература также не очень богата; такъ, напримѣръ, по вопросу о сатирическихъ журналахъ екатерининской эпохи остается до сихъ поръ чуть-ли не единственной монографіей устарѣвшая книга Афанасьева «*Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.*» (М., 1859 г.); журналы эти переизданы въ «Дешевый Библиотекъ» Суворина. Кое-что новое—въ статьяхъ историческихъ журналовъ 1906—1907 гг. («Былое» и др.). Не менѣе скудна литература и о Фонвизинѣ: до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе монографія кн. Вяземскаго «*Фонвизинъ*» (1848 г.); точно также и о Новиковѣ долгое время не было другой книги кромѣ Лопшинова «*Новиковъ и московскіе мартинисты*» (М., 1867 г.); на эту же тему болѣе современная обработка матеріала въ книжкѣ Г. Вернадскаго «*Новиковъ*» и въ работѣ Боголюбова «*Новиковъ и его время*» (М., 1916 г.). О русскомъ масонствѣ до сихъ поръ нѣтъ исчерпывающей монографіи; работы Пытина, Ешевскаго и др. очень устарѣли; двухтомный сборный трудъ «*Масонство въ его прошломъ и настоящемъ*», тт. I—II (М., 1915 г.) является лишь первой попыткой обработки сырыхъ матеріаловъ. Радищеву посвящено сравнительно много вниманія—начиная отъ статьи Пушкина «*Мысли на дорозѣ*» (1834 г.), кончая очеркомъ въ книгѣ Мякотина «*Изъ исторіи русскаго общества*». См. также Семевскій «*Крестыянскій вопросъ въ Россіи*» (тт. I—II, Спб. 1888 г.): здѣсь же—о «Наказѣ», о Радищевѣ, о Пнинѣ (т. I, главы IV, XIII и XVIII). О Державинѣ—классической остается статья Бѣлинскаго «*Сочиненія Державина*» (1843 г.); рѣчь нѣсколькихъ взглядовъ этой статьи—см. Ивановъ-Разумникъ «*Державинъ*» (въ книгѣ «*Пушкинъ и Бѣлинскій*», 1916 г.). Богатый матеріалъ заключается въ семитомномъ Собраніи сочиненій Державина, редакціи Я. Грота (Спб., 1864—1873 г.): это единственное образцовое изданіе, посвященное автору XVIII вѣка (если не считать двѣнадцатитомнаго «*Собранія сочиненій Екатерины II*», Спб. 1901 г.). Остальные авторы второй

половины XVIII вѣка ждуть еще и научнаго переизданія сочиненій и отдѣльныхъ о себѣ монографій.

II. Сентиментализмъ и романтизмъ.

Общій колоритъ первыхъ двухъ десятилѣтій XIX вѣка («Александровская эпоха») лучше всего уясняется по подлиннымъ «запискамъ современниковъ» и по архивнымъ матеріаламъ. Изъ послѣднихъ наиболѣе цѣнны: *Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ*, тт. I—V, и *Архивъ Раевскихъ*. (Ср. бытовой матеріалъ — *А. Ремизовъ «Россія въ письмахъ»*). Изъ «записокъ», характеризующихъ средній культурный уровень этой эпохи — *Жихаревъ «Записки современника»*, ч. I—II (М., 1890), *И. Дмитриевъ «Взглядъ на мою жизнь»* (М., 1866), *М. Дмитриевъ «Записки современника»* (Спб., 1859), *Свербеевъ «Записки»*, тт. I—II (М., 1899), *Шшиковъ «Записки»* (М., 1869), *С. Глинка «Записки»* (Спб., 1895). — Общая характеристика эпохи — *Пытинъ «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I»*, *Н. Буличъ «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка»*, тт. I—II, *Пятковский «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»* чч. I—II (1888 г.), *Сухомлиновъ «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ царствованіе имп. Александра I»* (1889). Всѣ эти работы значительно устарѣли; изъ болѣе новыхъ работъ на ту же тему — см. популярную книжку *Котляревскаго «Литературныя направленія Александровской эпохи»* (1907). Объ Арзамасѣ — *Сидоровъ «Литературное общество Арзамасъ»* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. №№ VI—VII). — Почти во всѣхъ указанныхъ работахъ найдутся характеристики и «сентиментализма», и «романтизма» (западно-европейскаго и русскаго); см. также въ сборной «*Исторіи западной литературы XIX в.*» (изд-ва «Міръ») и въ отдѣльныхъ исторіяхъ англійской, нѣмецкой и французской литературы *Геттинера*, *Брандеса*, *Шерра*, *Шерера*, *Лансона*, *Пеллесе*, *Пти-де-Жюльвиля* и др. О «романтизмѣ» — громадная литература, въ которой однако теоретическимъ опредѣленіямъ отведено не много мѣста; общеизвѣстны работы *Гайма*, *Гейне*, *Дюца*, *Вальцеля*, *Фале*, *Брандеса* и др. (почти всѣ, какъ и перечисленные выше, имѣются въ русскихъ переводахъ). Изъ русскихъ книгъ — *Шаховъ «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.»*, *Де-ла-Бартъ «Критическіе очерки по исторіи романтизма»*, *Козьминъ «Очерки по исторіи русскаго романтизма»*, *Котляревскій «Мировая скорбь»*, *Жирмунскій «Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика»* (1912 г.) и «*Религіозное отреченіе въ исторіи романтизма»* (1919 г.). Теоретическое опредѣленіе романтизма — см. *Аскольдовъ «О романтизмъ»* («Вопросы Жизни» 1905 г. № 2) и *Ивановъ-Разумникъ «Вѣчные пути»* («Завѣты» 1914 г. № 3); въ послѣдней статьѣ — также и о реализмѣ въ его противоположеніи романтизму (о чемъ идетъ рѣчь въ началѣ IV-ой главы). — Карамзинъ и Жуковскій — оба ждуть еще полнаго собранія сочиненій и писемъ; литература о нихъ не слишкомъ обильна. Устарѣлая, но нужная работа *И. Грота «Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина»* (1867 г.), болѣе новая, но поверхностная монографія *Ситовскаго «Карамзинъ, авторъ Писемъ Русскаго Путешественника»* (1899). О Жуковскомъ основная работа *Веселовскаго «В. А. Жуковскій, поэма чувства и сердечнаго воображенія»* (1904 г.); устарѣли въ общемъ, но сохранили значеніе въ отдѣльныхъ частяхъ монографіи *Зейдлица*, *Зигарина-Поливанова*, *Тихомирова*. Много цѣннаго матеріала въ «*Уткинскомъ сборникѣ»* (М., 1904), см.

также статьи *Сакулина* (въ книжкахъ «Историко-литературной библиотеки», №№ 27—28, Спб., 1915). Очеркъ *Вълмискаго* (въ его статьяхъ о Пушкинѣ) до сихъ поръ сохранилъ свѣжесть и значеніе.—О русскомъ художественномъ «псевдо-романтизмѣ» двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ см. въ книгахъ *Замотина* «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ» и *Котляревскаго* «Декабристы» (1907).

III. Декабристы.

Литература о «декабризмѣ» начинается, въ сущности, лишь послѣ революціи 1905 года; до этого времени появилось въ русской печати лишь немного. Библиографическую рѣдкость представлялъ «Опытъ теоріи налоговъ» *И. Тургенева* (Спб., 1818) и совершенно недоступной для широкихъ круговъ была изданная имъ же въ Парижѣ книга «*La Russie et les russes*» V. I—III (1847). Иногда удавалось провести въ печать наиболѣе невинныя записки и письма декабристовъ; появились: *Волконскій* «Записки» (1902 г.), *Волконская* «Записки» (1904), а раньше ихъ—*Васаринъ* «Записки» (въ первой книгѣ сборника *Бартенева* «XIX вѣкъ», 1872 г.), *Лореръ* «Записки» («Русск. Арх.» 1874 г. и «Русск. Богат.» 1904 г.), *Вълневъ* «Воспоминанія» («Русск. Стар.» 1880, 1881, 1884, 1885, 1886 гг.), *Кюхельбекеръ* «Дневникъ» («Русск. Старина» 1875, 1883, 1884, 1891 гг.), *Кюхельбекеръ* «Письма» («Русск. Стар.» 1890 г. и «Русск. Арх.» 1871, 1872 и 1881 г.), *Завалишинъ* «Декабристы» («Русск. Вѣстн.» 1884 г.), *Завалишинъ* «Декабристы М. С. Лунина» («Истор. Вѣст.» 1880 г.). Вотъ все наиболѣе существенное; см. еще отдѣльныя статьи въ «Русск. Стар.» 1870 г. и въ «Вѣстн. Евр.» 1896 г. Официальное освѣщеніе «декабризма»—въ вѣрноподаннической книгѣ *Корфа* «Восшествіе на престолъ имп. Николая I» (1857), въ «Дѣлесахъ съдѣбной комиссіи» (см. ниже), въ «Запискѣ гв. Блудова» («Русск. Арх.» 1872—1875 гг.); см. также *Богдановичъ* «Исторія царствованія Александра I», т. VI. Герценъ въ свое время отозвался на книгу Корфа—и впервые свободно заговорилъ о декабристахъ въ рядѣ статей «Колокола» и «Полярной Звѣзды»; въ Лондонѣ и Лейпцигѣ въ теченіе третьей четверти XIX вѣка были изданы «Записки» *Трубецкаго*, *Якушкина* и др. Въ Россіи нѣсколько страницъ о декабристахъ можно было найти въ указанныхъ выше книгахъ *Семевского*, *Пуштина*, въ работѣ *Шильдера* «Императоръ Николай I» (1903); ср. въ позднѣйшемъ очеркѣ *Поліевктова* «Николай I» (1918); не мало бытовыхъ чертъ въ цѣнномъ «Архивѣ графовъ *Мордвиновыхъ*», тт. I—XIII (Спб., 1900—1905 гг.). Но лишь съ 1905 года сразу появляется обширная литература декабристовъ и о декабристахъ: *Пестель* «Русская Правда» (Спб., 1906), *Трубецкой* «Записки» (1907), *И. Якушкинъ* «Записки» (1906), *Розенъ* «Записки декабриста», *Н. Муравьевъ* «Конституція»—въ приложеніи къ книгѣ *В. Якушкина* «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи» (Спб. 1906) записки и воспоминанія *Фонвизина*, *Оболенскаго*, *Штейнгеля*—въ сборникѣ «Общественныя движенія въ Россіи въ 1825—1826 по половину XIX вѣка» (1905 г.); записки *Поджіо*, *Горбачевскаго*, *Бестужевыхъ*, *Пуштина* и др. О декабристахъ: *Павловъ-Сильванскій* «Пестель» и «Пестель передъ Верх. Угол. Судомъ» (1906); см. также въ его книгѣ «Очерки по русской исторіи XVIII и XIX вв.» (1910) и въ сборникѣ *Щеголева* «Историческія этюды» (1913). Легковѣсныя и на спѣхъ написаны три

книги *Довнаръ-Запольскаго* — «*Мемуары декабристовъ*», «*Тайное общество декабристовъ*» и «*Повали декабристовъ*» (1906—1907 г.); единственной доселѣ монографіей остается книга *Семевскаго* «*Политическія и общественныя идеи декабристовъ*» (1909). Затѣмъ цѣлый рядъ статей и матеріаловъ разсѣянъ въ журналахъ «*Былое*», «*Минувшіе годы*», въ сборникѣ «*О минувшемъ*» (1906—1909) и въ другихъ историческихъ журналахъ; старые матеріалы, въ родѣ «*Донесенія слѣдственной комиссіи*», собраны въ сборникѣ *Богучарскаго* «*Государственныя преступленія въ Россіи*», т. I (1906). Въ различныхъ русскихъ «исторіяхъ XIX вѣка», вышедшихъ послѣ 1905 года—въ каждой декабристамъ отводится почетное мѣсто. Литературное наслѣдіе декабристовъ отчасти собрано въ «*Библіотекѣ декабристовъ*» (М., 1906—1909); см. также *Котляревскій* «*Рылѣвъ*» и «*Декабристы*» (1906 и 1907). Въ беллетристикѣ: романы *Мережковскаго* — «*Александръ I*» (1913) и «*14 декабря*» (1918).

IV. Пушкинъ и Лермонтовъ.

Изъ огромной литературы о Пушкинѣ и Лермонтовѣ мы укажемъ здѣсь лишь на немногія главныя работы, имѣющія темой основные вопросы творчества и міровоззрѣнія обоихъ поэтовъ.—Что касается произведеній Пушкина, то мы до сихъ поръ еще не имѣемъ каноническаго текста», изданія «*ne varietur*»; академическое изданіе не закончено; изданіе «*Просвѣщенія*» (8 т., редація *Морозова*) снабжено лишь очень краткими примѣчаніями; наоборотъ, массивное изданіе «*Брокгауза и Ефроча*» (6 т., редація *Вентерова*) перегружено матеріаломъ, иногда цѣннымъ, иногда излишнимъ. Письма Пушкина—тщательно собраны въ двухтомномъ изданіи подъ редакціей *Саитова*. Изъ книгъ и статей о Пушкинѣ—краеугольнымъ камнемъ являются внѣшне устарѣвшія, внутренне сохранившія доселѣ все значеніе знаменитыя статьи *Вильямскаго*, и менѣе знаменитыя, но глубокія статьи *Аполлона Григорьева*. Статьи *Писарева*, представляющія лишь отрицательный интересъ, не могутъ быть однако обойдены мимо; полярной противоположностью имъ является гениальная «*Пушкинская рѣчь*» *Достоевскаго*. Вообще же изъ эпохи шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ въ пушкинской литературѣ не потеряли значенія лишь добросовѣстныя изслѣдованія *Аппенкова*: «*Пушкинъ въ Александровскую эпоху*», «*Общественныя идеалы Пушкина*» и др. Съ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ начинается подробное изученіе творчества Пушкина въ работахъ *Θ. Корша*, *Майкова*, *Сумцова*, *Якушкина*, *Чернылева*, *Сухомлинова*, *Веселовскаго*, *Спасовича*, а позднѣе—*Брюсова*, *Лернера*, *Модзалевскаго*, *Щеголева*, *Гершензона* и др. Особнякомъ стоятъ—блестящая статья *Ключевскаго* «*Ювеній Опылинъ и его предки*» («*Русск. Мысль*» 1887 г., № 2) и характерная статья *Вл. Соловьева* «*Судьба Пушкина*» (1898). Отдѣльныхъ большихъ монографій нѣтъ, если не считать вялой книги *Симовскаго* «*Пушкинъ, жизнь и творчество*», противоположностью ей является небольшая панегирическая книжка *Айхенвальда* «*Пушкинъ*» (1909 г.). Устарѣвшая монографія *Незеленова*—безталанна и не заслуживаетъ вниманія; интереснѣе работы о Пушкинѣ *Овсянко-Куликовскаго*, въ его «*Собраніи сочиненій*». Заслуживаютъ вниманія—статьи *Мережковскаго* въ его сборникѣ «*Вѣчные спутники*» и брошюра *Коробки* «*Личность въ русск. обществѣ и литературѣ XIX в. Пушкинъ и Лермонтовъ*» (1903) Громадное количество цѣннаго матеріала со-

брано въ двухъ десяткахъ академическихъ сборниковъ «Пушкинъ и его современники»; настольными являются книги Лернера «Труды и дни Пушкина» (1-ое изд. 1910), Щеголева «Пушкинъ» (1912), «Дуэль и смерть Пушкина». Вообще же Пушкинъ еще ждет и окончательной «исторіи текста», и канонического «собранія сочиненій», и исчерпывающей монографіи.—То же самое съ еще большимъ правомъ можно повторить и о Лермонтовѣ. Лучшимъ изъ его «собраній сочиненій» является академическое, въ пяти томахъ (редакція Д. Абрамовича, 1910—1913), лучшей монографіей — книга Котляревскаго «М. Ю. Лермонтовъ» (2-ое изд. 1912), лучшей статьей — очерки В. Розанова («Въчно-печальная дуэль» и др.). Если прибавить къ этому главныя статьи основоположниковъ нашей критики — Бѣлинскаго, Григорьева, статьи Михайловскаго «Герой безвременья» (1891), отдѣльные очерки Спасовича, Андреевскаго, Мережковскаго, Вл. Соловьева, Бальмонта и др. — то этимъ исчерпается почти все, имѣющее значеніе въ общей литературѣ о Лермонтовѣ. Представляетъ интересъ и иностранная монографія о немъ: Duchesne «Lermontov, sa vie, ses oeuvres» (Paris, 1910). Подробный перечень и характеристика литературы — въ V томѣ указанного выше изданія подъ редакціей Д. Абрамовича.

V. Эпоха официальнаго мѣщанства.

Богатѣйшія залежи матеріаловъ по исторіи эпохи 1825—1855 гг. можно найти въ двадцати-двухъ томной монографіи Барсукова «Жизнь и труды Погодина», тамъ же — многочисленныя ссылки на первоисточники. Изъ числа послѣднихъ особую цѣнность представляютъ: дневникъ Никитенко «Моя повесть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ», тт. I—II (Спб., 1905), Вигель «Записки» (въ семи частяхъ, 1913 г.) Гречъ «Записки о моей жизни» (1886), Булгаринъ «Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни» (шесть частей, 1849), М. Глинка «Записки» (1871), И. Панаевъ «Литературныя воспоминанія» (1888), Головачева-Панаева «Воспоминанія» (1809), Кс. Полсовъ «Записки» 1888), Липранди «Изъ дневника и воспоминаній» («Русск. Арх.» 1866), Кошелевъ «Записки» (Берлинъ, 1884). Много интереснаго матеріала разбросано по историческимъ журналамъ и сборникамъ; см. «Русск. Арх.», «Русск. Стар.», «Былое» и др. журналы. Совершенно исключительную цѣнность представляютъ «Былое и Думы» Герцена не только для характеристики эпохи официальнаго мѣщанства, но и для уясненія линіи развитія общественной мысли этой эпохи, такъ же какъ и «Дневникъ» Герцена (1842—1845 гг.) Переписка Бѣлинскаго, Герцена, Огарева, Грановскаго, Аксаковыхъ и другихъ главныхъ дѣятелей эпохи даетъ много матеріала для характеристики этихъ годовъ. Рядъ неизданныхъ ранѣе архивныхъ матеріаловъ и общая сводка — въ книгѣ Лемке «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 и.» (1908). Наконецъ во всѣхъ исторіяхъ русской литературы XIX вѣка, а также въ исторіяхъ русскаго революціоннаго движенія можно найти страницы, посвященныя характеристикѣ всего этого тридцатилѣтія вообще и «террористическаго семилѣтія» 1848—1855 гг. — въ особенности.

VI. Гоголь.

Лучшимъ собраніемъ сочиненій Гоголя является десятое изданіе редакціи Тихонравова и Шенрока (1896); въ позднѣйшія изданія, редакціи Каллаша, Коробки и др., внесены нѣкоторыя дополненія; письма

Гоголя собраны въ четырехъ томахъ *Шенрокомъ* (1902), но съ тѣхъ поръ въ разныхъ журналахъ появилось не мало писемъ, еще не собранныхъ и не приведенныхъ въ систему. Литература о Гоголѣ столь же громадна, какъ и о Пушкинѣ, но изъ нея можно выдѣлить не очень много основныхъ работъ, необходимыхъ для изученія. Монографія *Котляревскаго «Гоголь»* (1908)—болѣе или менѣе полная литературная характеристика; изъ другихъ монографій заслуживаютъ вниманія книги *Овсяннико-Куликовскаго «Гоголь»* (1907), *Халанскаго «Гоголь, какъ романтикъ и какъ поэтъ русской дѣйствительности»* (1903); статьи въ книгѣ *Венгеровъ «Очерки по исторіи русской литературы»* (1907), въ книгѣ *Весселовскаго «Этюды и характеристики»*, а также въ устарѣлыхъ, но не потерявшихъ значенія книгахъ *Пымина «Исторія русской литературы»* т. IV и *«Характеристики литературныхъ мнѣній»* (1906). Новая полоса въ изученіи Гоголя началась со статей *В. Розина* въ приложеніи къ его книгѣ *«Легенда о Великомъ Инквизиторѣ»* (1891) и продолжалась въ интересныхъ работахъ *Мережковскаго «Гоголь и чортъ»* (1906), *Брюсова «Испепеленный»* (1909), *Андрея Бѣлаго «Гоголь»* (1909 и въ сборникѣ его статей *«Луизъ зеленый»*); поднятые въ послѣдней статьѣ вопросы о стилѣ Гоголя еще раньше затронуты въ цѣнной книгѣ *Мандельштама «О характеръ гоголевскаго стиля»* (1902). Четырехтомный трудъ *Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя»* (1898) является основнымъ для изученія личности Гоголя, также какъ и воспоминанія матери Гоголя (*«Русск. Арх.»* 1902), его сестры *Гоголь-Головни «Мемуары»* (1909), *С. Аксакова* и др. Изъ современной Гоголю литературы сохранили историко-литературное значеніе статьи *Бѣлинскаго*, *А. Григорьева*, *Вал. Майкова*, а также обширные *«Очерки гоголевскаго періода русской литературы» Чернышевскаго* (1856).

VII. Гончаровъ.

Удовлетворительнаго изданія сочиненій Гончарова до сихъ поръ нѣтъ, наиболѣе полное—изд. Маркса, въ двѣнадцати томахъ (1899—переписка его не собрана и разсѣяна въ журналахъ (*«Русск. Мысль»* 1896 г., *«Русск. Арх.»* 1900 г., *«Вѣстн. Евр.»* 1905 и 1907 г., *«Русск. Стар.»* 1908 г. *«Завѣты»* 1912 г. и др.); особенно—въ *«Архивъ М. Стасюлевича»*, т. IV. См. также *Суперанскій «Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи»* (*«Вѣстн. Евр.»* 1907 и 1908). Двѣ основныя монографіи о Гончаровѣ—*Ляцкий «Гончаровъ»* (1912) (книга, основанная на добросовѣстномъ изученіи матеріаловъ, но испорченная наивными доказательствами «субъективности» творчества Гончарова) и *Andr e Maizon Ivan Gontcharov* (Paris, 1914)—не менѣе добросовѣстная сводка старыхъ и разработка новыхъ архивныхъ данныхъ. Основныя статьи *Бѣлинскаго*, *А. Григорьева*, *Добролюбова* (*«Что такое обломовщина?»*), *Иисарева* до сихъ поръ сохранили свое значеніе; изъ позднѣйшихъ заслуживаютъ вниманія очерки *Овсяннико-Куликовскаго*, *Венгеровъ* (въ *«Собраніи сочиненій»* каждого изъ нихъ), *Мережковскаго* (въ книгѣ *«Вѣчные спутники»*), *Райнова* (въ *«Вопросахъ теоріи и психологіи творчества»*, сборникъ VII, 1916 г.).

VIII. Лишніе люди.

О «лишнихъ людяхъ»—обширная литература, разсѣянная по многимъ численнымъ исторіямъ русской литературы XIX вѣка; *Герценъ* въ *«Быломъ и думамъ»*, *Бѣлинскій* въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, *Черны-*

шевский въ статьѣ «Русскій человекъ на rendez-vous», Добролюбовъ въ цѣломъ рядѣ статей—положили начало критическому изученію этого типа. Генеалогію его вскрылъ Тургеневъ въ знаменитой VIII главѣ «Дворянскаго гнѣзда»; художественные образы Тургенева въ послѣдствіи обосновалъ исторически Ключевскій въ отмѣченной выше статьѣ «Евгій Онѣгинъ и его предки» (1887). Изъ работъ, специально посвященныхъ «лишнимъ людямъ», до сихъ поръ сохранила интересъ книга Авдѣева «Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы за пятьдесятъ лѣтъ» (1874); по поводу послѣдней книги, о «лишнихъ людяхъ» писалъ Михайловскій (Сочин., II, 617—660); идею книги Авдѣева въ послѣднее время развилъ и дополнилъ Овсяннико-Куликовскій въ своей «Исторіи русской интеллигенціи» (1906), см. также книгу Чернышевса «Лишніе люди въ романахъ и повѣстяхъ Тургенева» (1896 г.).—Въ виду того, что въ настоящей книгѣ нѣтъ отдѣльной главы о Тургеневѣ (о немъ много говорится въ главахъ VIII, XIII, XVI, XVII, XXIII), приводимъ указанія на литературу о немъ при этой главѣ, гдѣ о произведеніяхъ Тургенева говорится особенно подробно. «Полное собраніе сочиненій» Тургенева (изд. Глазунова и Маркса) — далеко не полное и совершенно не критическое. Цѣлый томъ не вошедшихъ въ это изданіе статей Тургенева былъ собранъ Гершензономъ; «Стихотворенія въ прозѣ» («Senilia») выходили отдѣльными изданіями, также какъ отдѣльно вышли и «Стихотворенія И. С. Тургенева» (2-ое дополненное изданіе 1891). Точно также не собраны и письма Тургенева; незначительная часть ихъ дана въ изданіи Литературнаго фонда (2-ое изд. 1892) и въ книгѣ «Неизданныя письма къ и-жѣ Віардо, Флоберу, Ж. Зандѣ, и др.» (1903), часть писемъ къ Герцену — въ отмѣченномъ ниже сборникѣ писемъ Кавелина и Тургенева (см. гл. XI); письма къ Стасюлевичу собраны въ т. III изданія «М. Стасюлевичъ и его современники»; письма къ Некрасову — «Русск. Мысль» 1902 г.; рядъ писемъ въ «Вѣстн. Европы» (1911), въ «Быломъ» и «Минувшихъ годахъ» (1906 и 1908 гг.).—Наиболѣе подробная монографія — И. Ивановъ «Тургеневъ» (2-ое изд. 1913), почти наполовину заполненная polemическими выпадами противъ Герцена (см. ниже гл. XII); менте подробны, но даютъ болѣе мѣста литературно-критическому анализу монографіи Венгера и Овсяннико-Куликовскаго въ ихъ собраніяхъ сочиненій; опытъ «хронологической канвы» жизни Тургенева данъ Гутьярюмъ (1910). Рядъ статей о Тургеневѣ начинаютъ Бѣлинскій, А. Григорьевъ, продолжаютъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ (Бѣлинскій и А. Григорьевъ — о «Запискахъ охотника», Чернышевскій — въ статьѣ по поводу «Аси»: «Русскій человекъ на rendez vous», уже указанной выше, Добролюбовъ — «Когда же придетъ настоящій день?», Писаревъ — въ статьяхъ «Базаровъ» и «Неръщенный вопросъ») заканчиваетъ еще при жизни Тургенева — Михайловскій статью о послѣднемъ романѣ Тургенева «Нови» (см. Собр. соч. Михайловскаго, т. III). Кромѣ этихъ основныхъ статей необходимо отмѣтить: Антоновичъ «Асмодей нашего времени» («Соврем.» 1862 г., № 3). Н. Страховъ «О Тургеневѣ и Толстомъ» (1885 г.), Андреевскій «Литературные очерки» (1902), Гершензонъ «Поэмы Тургенева» (въ сборникѣ «Обрывы прошлаго»), и еще очень немного изъ громадной литературы о Тургеневѣ.

IX. Тридцатые годы.

Съ тѣхъ поръ какъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» впервые далъ краткую, но блестящую характеристику эпохи своей юности, совпавшей

съ началомъ тридцатыхъ годовъ, рядъ изслѣдованій былъ посвященъ этой эпохѣ и главнымъ ея дѣятелямъ. Откладывая до слѣдующихъ главъ указаніе на литературу о *Бѣлинскомъ* (гл. X), *Герцены и Огаревъ* (гл. XII), *Чаадаевъ*, *Аксаковы*, *Киртєвскіе*, *Хомяковъ* (гл. XI), остановимся здѣсь лишь на кружкѣ «любомудровъ» ихъ предшественникахъ и эпигонахъ, а также и на дѣятеляхъ кружка Станкевича. — О *Велланскомъ* и *Павловъ*, какъ главнѣйшихъ учителей «любомудровъ», литература очень скудна: статья *К. Весселовскаго* «Русскій философъ Д. М. Велланскій» («Русск. Стар.» 1901 г.), біографія Павлова въ «*Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета*». Но рядъ серьезныхъ изслѣдованій мы находимъ въ книгахъ *Боброва* «*Философія въ Россіи*» (1899—1901) и «*Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX вѣкѣ*», тт. I—IV (1903). Объ этихъ двухъ родоначальникахъ «любомудрія», о немъ самомъ, о позднѣйшей его эволюціи, а также и о умственныхъ теченіяхъ тридцатыхъ годовъ—см. книги и статьи: *Милюковъ* «*Главныя теченія русской исторической мысли*» (1898), *Филипповъ* «*Судьбы русской философіи*» («Русск. Бог.» 1894 г.), *Кошелевъ* «*Записки*» (Берлинъ, 1884), *Колупановъ* «*А. И. Кошелевъ*», тт. I—III (1889). Въ исчерпывающей монографіи *Сакулина* «*Изъ исторіи русскаго идеализма. Кн. В. О. Одоевскій*», ч. I—II (1913)—наиболѣе подробное изложеніе и новое освѣщеніе идей и кружка «любомудровъ». — О кружкахъ Станкевича и Герцена кромѣ указанныхъ выше работъ *Боброва*, *Филиппова*, *Милюкова*—см. еще «*Переписку*» *Станкевича* (изд. *Анненкова*, 1857), рядъ главъ въ указанной выше монографіи *Барсукова* о *Погодинѣ*, а также книги и статьи: *Милюковъ* «*Изъ исторіи русской интеллигенціи*» (1902), *Анненковъ* «*Идеалисты 30-хъ годовъ*» (въ книгѣ «*Анненковъ и его друзья*», 1892), *Анненковъ* «*Воспоминанія и критическіе очерки*» (1886), *А. Станкевичъ* «*Грановскій и его переписка*», тт. I—II (1907), *Гершензонъ* «*Исторія молодой Россіи*» (1908). Значительно устарѣли, но сохранили нѣкоторое значеніе главы и статьи изъ книгъ *И. Иванова* «*Исторія русской критики*» (1900) и *Пятковскаго* «*Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія*», ч. I—II (1889). Наконецъ въ литературѣ о *Бѣлинскомъ* и *Герценѣ*—цѣлый рядъ попутныхъ изслѣдованій объ эпохѣ тридцатыхъ годовъ.

Х. Бѣлинскій.

«*Полное собраніе сочиненій*» *Бѣлинскаго* издано въ началѣ девятисотыхъ годовъ подъ редакціей *Венгерова* (тт. I—XII); полное собраніе его «*Писемъ*»—въ трехъ томахъ подъ редакціей *Ляцкого* (1913); комментированное изданіе избранныхъ сочиненій въ трехъ томахъ—подъ редакціей *Иванова-Разумника* (1911); см. его же книгу «*Пушкинъ и Бѣлинскій*» (1916). Единственной подробной, но очень устарѣвшей монографіей является книга *Пыпина* «*В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка*» (изд. 2-ое 1908). Въ книгахъ *И. Иванова* «*Исторія русской критики*» и *Волинскаго* «*Русскіе критики*» (1896)—обширныя главы о *Бѣлинскомъ*, также какъ и въ книгѣ *Венгерова*, «*Очерки по исторіи русской литературы*»; см. его же статью «*Эпоха Бѣлинскаго*» (1905). *Бѣлинскій* въ освѣщеніи марксизма—*Плехановъ* въ рядѣ статей (въ второмъ томѣ сборной «*Исторіи русской литературы XIX вѣка*», изд. «*Міръ*», въ своемъ сборникѣ «*За двадцать лѣтъ*» и др.). Своеобразная попытка *Айхенвальда* «*развѣнчать Бѣлинскаго*»—въ его книжкѣ «*Старъ о Бѣлинскомъ*» (1914) и въ вызвавшемъ ее «*Силуэтѣ*» *Бѣлинскаго*

(1913); резюме отвѣтовъ Айхенвальду—статья *Шванова-Разумника* «Слушать г-на Айхенвальда» («Русск. Вѣд.» 1914 г., № 142).—Воспоминанія о Бѣлинскомъ *Кавелина, Тургенева, Гончарова*—въ собраніяхъ сочиненій каждого изъ нихъ; см. еще *Анненкова* «Замѣчательное десятилѣтіе» въ отмѣченной выше его книгѣ; воспоминанія *Панаева, Головачевой-Панаевой* (см. выше) и др.—Первыми статьями, подводившими итоги дѣятельности Бѣлинскаго—были статьи съ одной стороны *Чернышевскаго* «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», а съ другой—*А. Григорьева* «Бѣлинскій и отрицательный взглядъ на литературу» (см. также его годовые обзоры литературы начала пятидесятихъ годовъ); съ тѣхъ поръ о Бѣлинскомъ и по поводу его много было написано *Добролюбовымъ, Писаревымъ* («Пушкинъ и Бѣлинскій», 1865 г.), *Михайловскимъ* («Прудонъ и Бѣлинскій», 1875 г.) *Шелгуновымъ, Протопоповымъ, Стороженко* и др. Подробный перечень литературы—въ «Источникахъ для словаря русскихъ писателей» *Венгрова*, т. I.

XI. Западники и славянофилы.

Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, Кавелинъ («западники»), братья Кирѣевскіе, братья Аксаковы, Самаринъ, Хомяковъ («славянофилы»)—всѣ имѣютъ «собранія сочиненій», также какъ и Чаадаевъ.—Сочиненія Чаадаева впервые были собраны въ шестидесятихъ годахъ на французскомъ языкѣ: «*Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le P. Gagarin*» (Paris, 1862); письма были разрознены по журналамъ. Новое изданіе подъ редакціей *Гершензона* соединило полностью весь сохранившійся матеріалъ: «Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева», тт. I—II (1913). Небольшая, но содержательная монографія—*Гершензонъ* «П. Я. Чаадаевъ, жизнь и мѣтленіе» (1908). Изъ статей о Чаадаевѣ необходимо отмѣтить: *Герценъ* «*Du développement des idées révolutionnaires en Russie*», *Свербеевъ* «Воспоминанія о Чаадаевѣ» («Русск. Арх.», 1868; см. въ его же «Запискахъ» т. I—II, 1899), *Жихаревъ* «П. Я. Чаадаевъ» («Вѣстн. Евр.», 1871), *Лопшиновъ* «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ» («Русск. Вѣстн.», 1862), главу въ книгѣ *Милюкова* «Главныя теченія русской исторической мысли» и очерки *Лемке* «Чаадаевъ и Надеждинъ» («Міръ Божій», 1905); марксистское освѣщеніе—въ статьѣ *Плеханова* «Чаадаевъ» («Совр. міръ», 1908, а также въ его сборникѣ «Критика нашихъ критиковъ»). О «западникахъ»: мы выше привели литературу о Бѣлинскомъ и ниже приведемъ—о Герценѣ; здѣсь остановимся только на Грановскомъ и Кавелинѣ. Біографія и переписка перваго—въ указанномъ выше (гл. IX) изданіи *А. Станкевича*; «*Полное собраніе сочиненій Т. Н. Грановскаго*», тт. I—II (1905)—изданіе далеко не полное, несмотря на свое заглавіе. О Грановскомъ—въ отмѣченныхъ выше воспоминаніяхъ *Анненкова, Панаева, Головачевой-Панаевой, Тургенева* и др.; монографія *Левшина* «Грановскій, опытъ историческаго синтеза» (1902) и *Вятринскаго* «Грановскій и его время» (1905), статьи *Виноградова* («Русск. Мысль» 1892), *Милюкова* (въ двухъ его указанныхъ выше книгахъ), *Мякотинъ* (въ его сборникѣ «Изъ исторіи русскаго общества»), *Карьева* «Историческое міросозерцаніе Грановскаго», *Витпера* (въ книгѣ «Двѣ интеллигенціи», 1912, а также въ «Мірѣ Божьемъ» 1905), *Гершензона* (въ книгѣ «Исторія молодой Россіи»).—О Кавелинѣ литература не менѣе богата; «Собраніе сочиненій» *Кавелина* издано въ четырехъ томахъ (1900), переписка отчасти

разбросана по журналамъ, отчасти собрана въ книгѣ «*Письма К. Д. Кавелина и Н. С. Тургенева къ А. И. Герцену*» (1907). Въ каждомъ курсѣ русской исторіи XIX вѣка—разборъ историческихъ теорій Кавелина; о немъ же см. *Михайловскій* въ «Собраніи сочиненій» тт. I и III, въ отмѣченныхъ выше монографіяхъ *Барсукова*, *Колупанова*, въ книгѣ *Несвѣдѣнскаго* «*Катковъ и его время*» (1888; книга до сихъ поръ не потерявшая значенія для исторіи сороковыхъ годовъ).—«О славянофилахъ»—обширная литература; почти всѣ сочиненія ихъ соединены въ «собранія», начиная съ «Собраніе сочиненій» *К. Аксакова*, т. I—III (1861—1880); его стихотворенія въ наиболѣе полномъ изданіи—подъ редакціей *Ляцкого* (1913). Монографія о немъ—*Венгерова* «*Передовой боецъ славянофильства*» (въ «Очеркахъ по исторіи русской литературы» и въ III томѣ «Собранія сочиненій»; здѣсь же и подробная библиографія); цѣнныя черты для характеристики *К. Аксакова*—въ «*Быломъ и Думахъ*» *Герцена*, въ «*Воспоминаніяхъ*» *Анненкова* и др. Сочиненія «младшаго славянофила», *И. Аксакова* соединены въ его «*Полномъ собраніи сочиненій*», тт. I—VII (1886), письма—въ четырехтомномъ изданіи (1888—1896); стихотворенія—въ сборникѣ (1886); вообще о семьѣ Аксаковыхъ—«*Дневникъ В. С. Аксаковой*» (1913). Монографіи объ *И. Аксаковѣ* до сихъ поръ не имѣется.—«*Сочиненія И. Кирѣевскаго*», тт. I—II (1861) переизданы съ присоединеніемъ писемъ и дополненіями въ 1911 г. подъ редакціей *Гершензона*; ему же принадлежитъ и статья объ *И. Кирѣевскомъ* въ книгѣ «*Историческія записки*» (1910). Біографическій очеркъ еще въ 1861 году написанъ *Н. Елагинымъ* для собранія сочиненій; онъ перепечатанъ и въ изданіи 1911 года. *Чернышевскій* въ «*Очеркахъ гоголевскаго періода*», *Милуковъ* въ «*Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли*» говорятъ объ историческихъ взглядахъ *И. Кирѣевскаго*; о немъ же статья *Виноградова* «*И. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства*» («*Вопр. Филос. и Психол.*», 1891) и монографія *Ляковского* «*Братья Кирѣевскіе*» (1899). О *Петрѣ Кирѣевскомъ*—статья въ книгѣ *Гершензона* «*Образы прошлого*» (1911).—Въ десяти томахъ собраны «*Сочиненія Ю. Самарина*» (1876—1900); литература о немъ—въ книгахъ о славянофильствѣ вообще, о которыхъ ниже.—«*Полное собраніе сочиненій Хомякова*, тт. I—VIII (1900) заключаетъ въ себѣ его статьи, стихотворенія, письма; кромѣ ряда статей ему посвящены работы: *Завитневичъ* «*Хомяковъ, какъ богословъ*» (1905) и *Бердяевъ* «*А. С. Хомяковъ*» (1912). Послѣдняя книжка—не столько историческая монографія, сколько очеркъ на тему о судьбахъ славянофильства. О славянофильствѣ вообще, кромѣ полемической литературы современниковъ, см. *Пыпинъ* «*Исторія русской этнографіи*», тт. I—IV и его же «*Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ*» (значительно устарѣли), *Орестъ Миллеръ* «*Ученіе первоначальныхъ славянофиловъ*» («*Русск. Мысль*», 1880), *Колупановъ* «*Очеркъ философской системы славянофиловъ*» («*Русск. Обзор.*», 1894), *Градовскій* «*Первые славянофилы*» («*Собр. соч.*» т. VI), *Кояловичъ* «*Исторія русскаго самосознанія*» (1884), *Максимовичъ* «*Ученіе первыхъ славянофиловъ*» (1907), *Бродскій* «*Ранніе славянофилы*» (1911). Особенное значеніе имѣли въ свое время статьи *Вл. Соловьева* «*Национальный вопросъ въ Россіи*» («*Собр. соч.*» т. V), написанныя въ эпоху борьбы съ эпигонами славянофильства; см. и другія его статьи (т. IV и др.).

ХІІ. Герценъ.

Женевское десяти томное собраніе сочиненій Герцена въ семидесятихъ годахъ—было далеко не полнымъ; семитомное петербургское изданіе 1905 года не только не полно, но еще и искажено цензурой; впрочемъ, сльдмой томъ этого изданія (переписка Герцена съ Н. А. Захарьиной) сохраняетъ свое значеніе. «*Полное собраніе сочиненій и писемъ А. И. Герцена*» подъ редакціей Лемже, начатое въ 1915 году, еще не окончено изданіемъ (къ 1920 году вышло двѣнадцать большихъ томовъ, доведенныхъ до послѣдняго десятилѣтія жизни Герцена); оно является настольнымъ для всякаго, изучающаго Герцена. Неудовлетворительная монографія *Вятринскаго* «*Герценъ*» (1908) имѣетъ въ приложеніи довольно полную (хотя и со многими промахами) библиографію литературы о Герценѣ. Популярный очеркъ *Богучарскаго* «*А. И. Герценъ*» (1912) и книга *Батуринскаго* «*Герценъ, его друзья и знакомые*» (1904)—еще менѣе удовлетворяютъ задачамъ монографіи, такъ что «книги о Герценѣ» у насъ еще нѣтъ. Воспоминанія о Герценѣ—многочисленны; основными являются: *Т. Пассекъ* «*Изъ дальнихъ лѣтъ*» тт. I—III (1878), *Огарева-Тучкова* «*Воспоминанія*» (1903), «*Отрывки изъ воспоминаній*» *М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена* (1909), *Meysenbug* «*Aus den Memoiren einer Idealistin*» (1876), а также указанная выше воспоминанія *Анненкова*, *Головачевой-Шанаевой* и др. Рядъ матеріаловъ о Герценѣ—въ историческихъ журналахъ послѣ 1905 года: особенно *Былое* (см. указатель къ этому журналу). Въ сборникѣ «*Русскіе Протѣи*», т. IV, подъ редакціей *Гершензона*—архивъ *Огарева*, столь тѣсно связаннаго съ Герценомъ; библиографія по *Огареву*—«*Извѣстія II Отд. Имп. Акад. Наукъ*» 1907 г.—Рядъ отдѣльныхъ статей о Герценѣ начинается *Бѣлинскимъ*, становится обильнымъ въ шестидесятихъ годахъ на столбцахъ реакціонной прессы, гложнетъ въ семидесятихъ-восьмидесятихъ годахъ; историческое изученіе начинается съ девяностыхъ годовъ—начинается полоса воспоминаній, архивныхъ работъ, статей и т. п. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ: *Милуковъ* «*Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ*» (впослѣдствіи—въ его сборникѣ «*Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи*»), *Страховъ* «*Борьба съ Западомъ*», т. I (собраны статьи еще 1870 года), *В. Смирновъ* (*Е. Соловьевъ*) «*Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена*» (1897) и др. Въ девяностыхъ годахъ литература становится обильной и болѣе цѣнной; сохраняютъ свое значеніе статьи *Бумлакова* «*Душевная драма Герцена*» (см. его сборникъ «*Отъ марксизма къ идеализму*», 1904 г.), статьи *Гершензона* объ *Огаревѣ* (въ сборникѣ «*Образы прошлаго*») и брошюра его же «*Соціально-политическіе взгляды Герцена*» (1906), книжка *Овсянко-Куликовскаго* «*А. И. Герценъ*» (1908); отрицательное, но характерное явленіе—главы о Герценѣ въ монографіи *И. Иванова* «*И. С. Турченевъ*» (1913). Марксистская оцѣнка Герцена—въ статьѣ *Плеханова* «*А. И. Герценъ*» (въ «*Ист. русск. лит. XIX в.*» изд-ва «*Міръ*»).—Въ книгѣ *Иванова-Разумника* «*О смыслѣ жизни*» (1908) и въ статьяхъ его же «*Драма Герцена*» («*Русск. Бог.*» 1912), «*Три письма Герцена*» («*Соврем.*» 1911) и др.—развитіе взглядовъ, высказанныхъ о Герценѣ въ настоящей книгѣ; см. также статьи «*Марксистская критика*» (въ сборникѣ «*Литература и общественность*», 2-ое изд. 1912) и «*Благоразумные и безумные*» (въ сборникѣ «*Годъ Революціи*» 1918). Почти всѣ эти статьи собраны въ книгѣ «*А. И. Герценъ*» (1919).

ХІІ Шестидесятые годы.

Нѣтъ другого десятилѣтія въ исторіи русской общественности, о которомъ литература была бы такъ богата, какъ о шестидесятыхъ годахъ. Бурное кипѣніе общественной мысли ярко проявляется въ письмахъ и сочиненіяхъ современниковъ, уже отмѣченныхъ нами выше) въ письмахъ *Тургенева, И. Аксакова, Кавелина, Самарина* (см. также вторые тома собраній сочиненій двухъ послѣднихъ), въ дневникѣ *Никитенко*, въ «*Выломъ и Думахъ*» *Герцена*. Совершенно необходимо тщательное изученіе журналистики этого десятилѣтія, особенно «*Колокола*» (1857—1866 гг.), «*Современника*» и «*Русскаго Слова*». Въ литературѣ о журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ—см. книги: *И. Ивановъ* «*Исторія русской критики. Лемке «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX ст.» (1904), Лемке «Эпоха цензурныхъ реформъ» (1904), Богучарскій «Пль прошлаго русскаго общества» (1904) и др. Общая характеристика шестидесятыхъ годовъ—въ извѣстной книгѣ *Джаншѣва «Эпоха великихъ реформъ*, выдержавшей болѣе десятка изданій, въ популярныхъ очеркахъ *Котляревскаго «Канунъ освобожденія» (1915); см. также Лемке «Очерки общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ» (1907). Много цѣннаго матеріала въ собраніяхъ сочиненій *Шелунова и Щапова. «Оффиціозную» точку зрѣнія найдемъ въ книгѣ Татищева «Измъ. Александръ II, его жизнь и царствованіе», тт. I—II (1902 г.), матеріалы по освобожденію крестьянъ—въ объемистыхъ томахъ *Скребицкаго «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II», тт. I—IV (издано въ Боннѣ, 1868), популярный обзоръ всей эпохи—въ сборномъ шеститомномъ изданіи Сытина «Великая реформа» (1911)—Среди воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ отмѣтимъ: *Л. Пантелѣевъ «Изъ воспоминаній прошлаго», тт. I—II (1907), Пылинъ «Мои замѣтки» (1910), отдѣльныя главы въ «Запискихъ революціонера» Крапоткина (1906), въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Михайловскаго (1901), въ различныхъ «Воспоминаніяхъ» Бьлоголова (1897), Головина (1908), Григоровича (1896), Бунакова (1909) Водозовой (1911), кн. Мещерскаго (1897), Шелунова (собр. соч. т. II) и др. О революціонномъ движеніи и въ частности о «Землѣ и Волѣ»—въ указанной выше книгѣ Пантелѣева, въ «Полномъ собраніи сочиненій и писемъ А. И. Герцена» ред. Лемке (т. XV); извѣстная книга Туна очень устарѣла, даже въ переработкѣ *Шушко*; см. еще Лемке «Политическіе процессы» (1907) и Богучарскій «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ» (1906).—Изъ отдѣльныхъ дѣятелей эпохи, кромѣ тѣхъ, которымъ ниже посвящены особыя главы, слѣдуетъ отмѣтить Каткова и указанную о немъ выше книгу *Невѣдѣнскаго* (см. гл. XI). Статьи *Пирогова*, въ томъ числѣ и его «*Вопросы жизни*», собраны въ двухтомномъ собраніи его сочиненій (1887); статьи *Антоновича* не были еще собраны, о немъ—въ указанныхъ выше книгахъ о русской критикѣ *И. Иванова* и *Вольнскаго*, а также въ статьѣ «*Большой энциклопедіи*» (ред. Южакова). Характерная для эпохи книга *Берви-Флеровскаго «Азбука социальныхъ наукъ»*, уничтоженная цензурой въ 1871 году, была переиздана въ трехъ томахъ за границей въ 1874 году. Сочиненія *М. Михайлова* были изданы въ трехъ томахъ (1890); его «*Записки*» появились въ «*Русск. Богатствѣ*» и «*Русск. Старинѣ*» (1906); о немъ самомъ—см. въ указанныхъ выше книгахъ *Лемке* и *Шелунова*.—Ограничиваемся здѣсь указаніемъ наиболѣе общей литературы объ эпохѣ шестидеся*****

тыхъ годовъ, такъ какъ значительно большая ея часть указана нами ниже въ четырехъ послѣдующихъ главахъ. Здѣсь укажемъ только на главную литературу объ *Островскомъ* (о которомъ у насъ идетъ рѣчь въ XV главѣ). «*Полное собраніе сочиненій*» въ двѣнадцати томахъ (1904—1909); при нихъ же воспоминанія объ *Островскомъ Максимовѣ*; еще письма и воспоминанія *Невѣжина* и *Лашкина* въ «*Ежегодн. Имп. Театровъ*», 1909—1910 гг. Послѣднему принадлежатъ и *Этюдъ объ Островскомъ*, тт. I—II (1912—1913). Основные статьи объ *Островскомъ*—*Добролюбова* (см. въ текстѣ гл. XV) и *Ап. Григорьевъ* («*Сочин.*», 1915 г., вып. IX и XI); см. также *Чернышевскій* («*Собр. соч.*», тт. I и III); споръ объ *Островскомъ* и о «*бытовомъ театрѣ*»—въ журналистикѣ 1912—1915 гг. Дѣльная монографія объ *Островскомъ*—*Patouillet* «*Ostrowski et son théâtre de moeurs russes*» (Paris, 1912).—*Ап. Григорьевъ*, талантливѣйшій послѣ *Бѣлинскаго* критикъ, главный истолкователь *Островскаго*, не входитъ въ основное русло исторіи русской общественной мысли XIX вѣка; укажемъ здѣсь лишь вкратцѣ, что «*Собраніе сочиненій*» его до сихъ поръ не пошли дальше перваго тома въ двухъ изданіяхъ (1876 и 1918 г.); четырнадцатью разрозненными выпусками кое-что вышло въ 1915—1916 г.; «*Стихотворенія*» подъ редакціей *А. Блока* (1915). О немъ см. въ «*Исторіи русской критики*» *П. Иванова*; *Волинскій* «*Русскіе критики*»; томъ «*Материаловъ*» *В. Кляжнина* (1918) и вступительныя статьи въ томъ «*Сочиненій*» изд. 1918 г. См. также интересную замѣтку *Достоевскаго* (въ «*Эпохѣ*» 1864 г.), не вошедшую въ собраніе его сочиненій, хотя и перепечатанную въ «*Воспоминаніяхъ*» *Страхова* (въ первомъ томѣ изданія «*Сочиненій*» *Достоевскаго* 1883 года).

XIV. Чернышевскій.

«*Полное собраніе сочиненій*» Чернышевскаго (1906) въ десяти томахъ является, дѣйствительно, и полнымъ, и тщательно собраннымъ. Письма его соединены еще далеко не всѣ, но и тутъ сдѣлано уже кое-что: его письма изъ ссылки собраны въ трехъ томахъ «*Чернышевскій въ Сибири*» (1912—3); остальные не слишкомъ многочисленныя письма разбросаны по журналамъ «*Былое*» (1906), «*Вѣсти Европы*» (1911), «*Русская Мысль*» (1911).—Монографіи о Чернышевскомъ—нѣсколько, но ни одна изъ нихъ не является исчерпывающей. Книга *Илеханова* «*Чернышевскій*» (1910) во второй своей наиболѣе интересной половинѣ посвящена разсмотрѣнію политико-экономическихъ взглядовъ Чернышевскаго, другіе отдѣлы разобраны менѣе подробно и значительно слабѣе; жизнь Чернышевскаго въ этой книгѣ совсѣмъ не затронута. Пробѣлъ этотъ слегка восполненъ въ книгѣ *Стасюлевича* «*Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность*» (1909), болѣе популярной и еще болѣе публицистической. Объ эти книги являются отраженіемъ «марксистскаго» взгляда; «народническое» теченіе отразилось въ монографіи *Антонова* «*Чернышевскій*» (1910), которая значительно серьезнѣе, но ограничиваетъ себя изученіемъ лишь фил. и фискихъ, экономическихъ и социальнo-политическихъ взглядовъ Чернышевскаго. Начало подробнаго изученія дѣятельности Чернышевскаго положено въ рядѣ статей *Ляцкого*: «*Чернышевскій въ годы ученія*», «*Чернышевскій и Фурье*», «*Чернышевскій и россійскій социализмъ*», «*Чернышевскій въ редакціи Современника*» и др. («*Соврем. Міръ*» 1908—1912 гг.). Воспоминаній о Чернышевскомъ не такъ много, какъ можно было бы ожидать: въ указанный выше «*воспоминаніяхъ*» *Шеллехера*, *Михайловскаго*, *Лыткина*,

Пантелъева; также — Короленко «Воспоминанія о Чернышевскомъ» («Русск. Бог.» 1904—1905), Федоровъ «Чернышевскій» (1905), Гольцевъ «Изъ воспоминаній и переписки» («Русск. Мысль», 1903), Жокосовъ «Къ воспоминаніямъ о Чернышевскомъ» («Русск. Бог.», 1905), Антоновичъ «Матеріалы для біографіи Чернышевскаго» («Минувш. Годы», 1908). «Дѣло» Чернышевскаго и судъ надъ нимъ подробно изложены въ книгѣ Лемке «Политическіе процессы» (1907); см. также «Былое» 1919 г., № 14.—Еще до ареста Чернышевскаго появился рядъ статей о немъ, но это большею частью были только «полемическіе матеріалы»; позднѣе—обширна литература о романѣ «Что дѣлать?», почти сплошь не заслуживающая быть упомянутой. Много ссылокъ, цитатъ, и упоминаній о Чернышевскомъ разсѣяно въ статьяхъ Писарева «Мыслящій пролетаріатъ» (о романѣ «Что дѣлать?»), «Разрушеніе эстетики», «Схоластика XIX вѣка». Въ очеркахъ Лаерова «Народники-пропагандисты» (1907) первая глава посвящена исторіи революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ и Чернышевскому; рядъ отзывовъ о Чернышевскомъ имѣется въ статьяхъ Михайловскаго (Собр. сочиненій, II, 551—553, III, 755—761, VI, 860—865). Въ статьяхъ этихъ имя Чернышевскаго не упоминается по цензурнымъ условіямъ; эти же условія были причиной почти полнаго отсутствія статей о Чернышевскомъ до конца его жизни—до конца восьмидесятыхъ годовъ. Съ девяностыхъ годовъ начинается изученіе Чернышевскаго въ рядѣ статей и книгъ: Волинскій «Русскіе критики» (1896), И. Ивановъ «Исторія русской критики» (1900), Головинъ «Русскій романъ и русское общество» (1897), Протопоповъ «Этика и эстетика» и «Умная книга» («Русск. Мысль», 1893), Вл. Соловьевъ «Первый шагъ въ положительной эстетикѣ» (Собр. Соч., т. VII), Андреевичъ «Опытъ философіи русской литературы» (1905), Русановъ «Соціалисты Запада и Россіи» (1908), Овсянко-Куликовскій «Исторія русской интеллигенціи» (1906) и др. Рядъ статей Плеханова собранъ въ переработанномъ видѣ въ указанной выше его монографіи; кромѣ того въ другихъ его статьяхъ характеристики различныхъ взглядовъ Чернышевскаго—см. сборники статей «За двадцать лѣтъ» (1905), «Критика нашихъ критиковъ» (1906), «Отъ обороны къ нападенію» (1909). Ошибки нѣкоторыхъ изъ этихъ взглядовъ указаны въ статьѣ Иванова-Разумника «Марксистская критика» (1909).

ХV. Добролюбовъ.

«Первое полное собраніе сочиненій» Добролюбова, подъ ред. Лемке вышло въ четырехъ томахъ въ 1911 г.; письма не собраны; отрывки изъ дневника напечатаны въ «Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго Фонда» (1910) и въ статьяхъ Аничкова («Соврем. Миръ» и «Современн.» 1911 г.). Крайне не многочисленны и воспоминанія о немъ; главнѣйшія—въ очеркахъ Головачевой-Панаевой «Русскіе писатели и артисты» (1890), Антоновича «Изъ воспоминаній о Добролюбовѣ» («Журн. для всѣхъ», 1902), Пыпина «Мои замѣтки» (1910), Златовратскаго (въ указанномъ выше сборникѣ Литературнаго Фонда). Основнымъ матеріаломъ являются собранные Чернышевскимъ «Матеріалы для біографіи Добролюбова» (1890). Монографіи о Добролюбовѣ нѣтъ; ее замѣняетъ подробный очеркъ Лемке «Добролюбовъ» въ первомъ томѣ указаннаго выше перваго полнаго собранія сочиненій. Статей о Добролюбовѣ очень мало; наиболѣе значительныя—въ общихъ работахъ по исторіи русской критики И. Иванова, Волинскаго, въ отмѣченныхъ выше (гл. XIII) очеркахъ Котляревскаго; см. также Богучарскій «Изъ

прошлаго русскаго общества» (1904), популярный очеркъ *Въры Засуличъ «Писаревъ и Добролюбовъ»* (въ ея «Сочиненіяхъ», т. II). Педагогическимъ взглядамъ Добролюбова посвящены статьи *Каптерева, Коллонтай* («Образованіе», 1908 г.), *Штрайха* («Русск. Школа», 1911 г.); социально-политическимъ взглядамъ—статья *Стеклова* («Современн.» 1911 г.), значенію Добролюбова въ исторіи народничества—статья *Шишко (П. Батинъ) «Экскурсія въ малооблагодѣланную и таинственную область»* («Русск. Бог.» 1899).—Изъ болѣе раннихъ статей необходимо отмѣтить *Писарева «Мотивы русской драмы»* (Собр. соч., т. III) и *Зайцева «Бѣлинскій и Добролюбовъ»* («Русск. Слово» 1864),—статьи очень характерныя для эпохи шестидесятыхъ годовъ. Къ этой же эпохѣ относится и одна изъ лучшихъ критическихъ статей *Достоевскаго «Г.—бовъ и вопросъ объ искусствѣ»* («Время», 1861 г.).

ХVI. Писаревъ.

Первое полное собраніе сочиненій Писарева подготовлено къ печати *Лемке* (къ 1920 г.). Изъ существующихъ до сихъ поръ изданій—библіографической рѣдкостью является изданіе 1868—1870 гг. и неполнымъ является «*Полное собраніе сочиненій*» въ шести томахъ (1904 г., 4-ое изд.); позднѣе изданъ дополнительный томъ непропущенныхъ цензурой статей (1907 г.). Письма разбросаны по журналамъ, а въ значительной части даже еще и не напечатаны; изъ журналовъ см. «Русск. Стар.» (1900), «Русск. Обзор.» (1893), «Литер. Вѣстн.» (1901), а также брошюры: *Е. Соловьевъ «Писаревъ»* (1894), «*О бракѣ. Письма Писарева*» (1906).—Монографій о Писаревѣ нѣтъ, очень немного и отдѣльныхъ статей о немъ. Кромѣ отдѣльныхъ главъ въ не разъ отмѣчавшихся выше книгахъ *Овсяннико-Куликовскаго, И. Иванова* и *Волинскаго* и въ общихъ исторіяхъ литературы, на которыя здѣсь мы не дѣлаемъ ссылокъ, (см. ниже гл. XXX), кромѣ также отмѣченныхъ выше воспоминаній *Шелгунова, Михайловскаго* и очерка *Въры Засуличъ*, (въ которомъ между прочимъ справедливо отмѣчена совершенная некритичность взглядовъ на Писарева въ книгѣ «Исторія русской критики. И. Иванова; см. также *Тельшевъ «Писаревъ передъ судомъ учителя исторіи»*, «Русск. Бог.» 1899 г.)—укажемъ еще на главу изъ книги *Илеханова* о Чернышевскомъ («*Бѣлинскій, Чернышевскій и Писаревъ*»), на статью *Протопонова «Писаревъ»* («Русск. Бог.», 1895), на статьи *Барро «Писаревъ»* и «*Писаревъ и Пушкинъ»* («Новое Слово», 1894—1895 гг.) и его брошюру «*Забытое*» (1893). Въ книгѣ *Лемке «Политическіе процессы»* (1907) рядомъ съ «дѣлами» Чернышевскаго и Михайлова излагается и «*Дѣло Писарева*». Педагогическіе взгляды Писарева разбираются и критикуются въ статьяхъ *Е. Лозинскаго «Нигилистическая педагогія»* («Русск. Школа», 1908), *Эрна «Взглядъ Писарева на воспитаніе и образованіе»* («Вѣстн. Воспит.», 1896), *Балталона «Педагогическіе взгляды Писарева»* («Образов.», 1897)).

ХVII. Нигилизмъ.

Теоретической литературы о нигилизмѣ—не такъ много, а объективной и безпристрастной изъ нея—совсѣмъ мало; зато крайне обширна полемическая литература, особенно въ беллетристической формѣ. Романъ *Тургенева*, вызвавшій къ жизни забытое слово, далъ поводъ къ появленію двухъ разнорѣчивыхъ статей—*Писарева «Реалисты»* («*Нерешенный вопросъ*», см. его Собр. Соч.) и *Антоновича «Асмодей нашего*

времени» («Современникъ» 1862 г. № 3.). Съ тѣхъ поръ «нигилизмъ» въ теченіе цѣлаго десятилѣтія былъ темой и ряда «тенденціозныхъ» романовъ, и ряда критико-публицистическихъ статей. Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей зарождавшагося «нигилизма» былъ въ публицистикѣ *Варф. Зайцевъ*, статьи котораго разсѣяны въ «Русскомъ Словѣ» 1864—1865 гг.; о немъ см. въ воспоминаніяхъ *Шелгунова* («Сочиненія», т. II). Но главная критическая роль принадлежала тогда Писареву. Романъ *Ключникова* «*Марево*» (1864) вызвалъ ядовитый разборъ Писарева «*Сердитое безсиліе*» и цѣлый рядъ политическихъ замѣтокъ: романъ *Чернышевскаго* «*Что дѣлать?*» имѣлъ не мало откликовъ, начиная со статьи того-же Писарева «*Мыслящій пролетаріатъ*» (1864); см. также злобный памфлетъ *Цитовича* «*Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать?»*» (1878), *Авдѣевъ* «*Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы*» (1874), *Цехарскій* «*Беллетристика Чернышевскаго*» («Русск. Бог.» 1900 г.), *Соловьевъ-Андреевичъ* «*Беллетристика Чернышевскаго*» («Научн. Обозр.» 1899 г.). Рядъ романовъ *Льскова* «*Нескуда*» (1899), «*На ножгахъ*» (1870), «*Соборяне*» (1872), болѣе раннее «*Взбаламученное море*» *Писемскаго* (1863), а также и «*Обрывъ*» *Гончарова* обрисовывалъ «нигилизмъ» въ самыхъ черныхъ тонахъ (первый изъ нихъ вызвалъ отвѣдъ Писарева и всей «передовой публицистики» шестидесятихъ годовъ). Посредственные и совсѣмъ бездѣрные романы и повѣсти *Всев. Крестовскаго* «*Панургово стадо*» и «*День силы*» (1875), *Авенаріуса* «*Современныя идилліи*» (1865) и «*Повѣтрие*» (1867) и *Маркевича* (см. его Собр. соч.) столь же неудачно рисуютъ отрицательныя стороны «нигилизма», какъ и прославляющій его, сильно нашумѣвшій въ свое время романъ *Мордовлева* «*Знаменія времени*» (1872, слабое подраженіе роману Чернышевскаго). См. также и другой его романъ «*Новые люди*» (1870). Цѣнны въ бытовомъ отношеніи, но слабы художественно позднѣйшія повѣсти *Стеняка-Кравчинскаго* изъ жизни революціонеровъ; имѣютъ больше отношенія къ «нигилизму» и болѣе цѣнны художественно романъ *Слѣпцова* «*Трудное время*» и повѣсть *Помяловскаго* «*Молотовъ*». Позднѣйшимъ отзвукомъ романовъ о «нигилизмѣ» является произведеніе *Софійи Ковалевской* «*Нигилистка*» (на шведскомъ языкѣ; русскій переводъ 1906 г.). Совершенно особнякомъ стоитъ геніальный романъ *Достоевскаго* «*Преступленіе и наказаніе*» (1866), въ которомъ самая сушность «нигилизма» (отрицаніе объективныхъ и субъективныхъ цѣнностей) выявлена съ поразительной силой и глубиной. Въ его же «*Бѣсахъ*» (1870) рѣчь идетъ уже не столько о «нигилистахъ», сколько о «революціонерахъ», хотя и въ немъ сушности «нигилизма» отведено не мало мѣста. Наконецъ, той же внутренней темѣ посвящены и высшія страницы *Достоевскаго* въ «*Братьяхъ Карамазовыхъ*»: главы «*Чортъ*» и «*Легенда о Великомъ Инквизиторѣ*». См. также о нигилизмѣ въ «*Замѣткахъ изъ записной книжки*» *Достоевскаго* (Собраніе сочиненій 1883 г. т. I, 370). О нигилизмѣ *Достоевскій* писалъ не только въ романахъ: весь его журналъ—сперва «*Время*» (1861—1863), а потомъ «*Эпоха*» (1864—1865)—былъ въ значительной степени посвященъ борьбѣ съ «нигилизмомъ»; на это указываетъ между прочимъ и *Страховъ* въ своей біографіи *Достоевскаго* при отмѣченномъ выше собраніи сочиненій послѣдняго: см. тамъ о нигилизмѣ—т. I, 234 и сл. Этому же *Страхову* принадлежатъ во «*Времени*» блѣдныя статьи о нигилизмѣ, а также и позднѣйшія «*Письма о нигилизмѣ*» (1881), впоследствии собранныя въ его сборникахъ «*Борьба съ Западомъ*», т. II. См. также его книгу «*Изъ исторіи литературнаго нигилизма*» (1890). Такого же рода блѣдныя и вялыя сужденія о нигилизмѣ—въ отмѣ-

чавшихся выше книгахъ *Ореста Миллера* о Тургеневѣ и Головина «Русскій романъ», статьи Цитовича и др., въ томъ числѣ и извѣстнаго въ свое время *Дьякова-Незлобина* «Кружковщина» (изд. 2-ое 1888 г.) со статьею: *Нигилизмъ и литературное развитіе*; см. также курьезную книгу *М. Погодина* «О модныхъ у насъ философскихъ толкахъ. Для нашихъ нигилистовъ и нигилистокъ. Пять посланій» (1875).—Цѣлый рядъ отзвуковъ о «нигилизмѣ»—въ очеркахъ и серияхъ статей *Салтыкова* шестидесятыхъ годовъ; ср. *Михайловскій*, «Русск. Богат.» 1899 г. № 9. Изъ позднѣйшихъ статей—см. *Франкъ* «Этика нигилизма» (въ сборникъ «Вѣхи» 1908 г.). Наиболѣе вѣрное пониманіе нигилизма—*Михайловскій* «Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ» (1873) и въ цѣломъ рядъ его замѣтокъ; блестящая характеристика—у *Герцена*, въ его статьяхъ второй половины шестидесятыхъ годовъ.

XVIII. Семидесятые годы.

Внѣшняя исторія семидесятыхъ годовъ—исторія революціоннаго теченія, исторія «Земли и Воли»; см. извѣстную книгу *Туна*, подъ редакціей и съ дополненіями *Шишко*, а также *Шишко* «Къ характеристикѣ движенія начала семидесятыхъ годовъ» («Русск. Бог.» 1906 г.), *П. Лавровъ* «Народники-пропагандисты 1873—1878 годовъ» (Спб., 1907), *Болучарскій* «Изъ исторіи политической борьбы 70—80 годовъ» (1912), «Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ» сборникъ подъ редакціей *Болучарскаго* (1906), *Синегубъ* «Воспоминанія чайковца» («Русск. Мысль» 1907 г.), *Серебряковъ* «Очеркъ по исторіи Земли и Воли» (1906), *Аптекманъ* «Земля и Воля семидесятыхъ годовъ» (1907) и др. Разнообразныя идейныя теченія семидесятыхъ годовъ, тѣсно связанныя съ революціоннымъ движеніемъ, отразились въ подцензурной и безцензурной журналистикѣ этой эпохи. О Лавровѣ и Михайловскомъ—см. слѣдующія главы: здѣсь укажемъ на особнякомъ стоявшихъ, но тѣсно связанныхъ съ эпохой семидесятыхъ годовъ—*Бакунина* и *Кропоткина*. «Собраніе сочиненій» *Бакунина*, далеко не полное, вышло въ двухъ томахъ (1906): отдѣльно вышли «*Кнута-германская имперія и социальная революція*» (1907), «*Рѣчи и воззванія*» (1906); громадное большинство его работъ до сихъ поръ не собрано. «*Письма къ Герцену и Огареву*» (1906) и «*Письма къ Вырубову*» («Вѣстн. Евр.» 1913) тоже составляютъ лишь ничтожную часть его переписки, не собранной и не изданной. Архивный матеріалъ началъ разрабатывать *Корниловъ* «Молодые годы М. Бакунина» (1915). О Бакунинѣ, какъ идеологъ анархизма—въ общихъ работахъ по этому вопросу *Ценкера*, *Эльбажера* и др. См. также *Кропоткинъ* «Записки революціонера» (Спб., 1906). Сочиненія послѣдняго изданы въ разрозненныхъ изданіяхъ; кромѣ указанныхъ выше «Записокъ» наиболѣе существенны «*Рѣчи бунтовщика*», «*Завоеваніе хлѣба*», «*Взаимопомощь, какъ факторъ эволюціи*», «*Земледѣліе, промышленность и ремесла*»—всѣ переизданы въ Россіи въ 1906 году.—Подцензурная журналистика семидесятыхъ годовъ имѣла своими центрами социалистическія «Отечественныя Записки», радикальное «Дѣло», реакціонный «Русскій Вѣстникъ», либеральный «Вѣстникъ Европы» (о немъ, также какъ и о «Недѣлѣ»—см. ниже въ главѣ о восьмидесятихъ годахъ, тамъ же см. и литературу о *Салтыковѣ*). Статьи народниковъ-соціалистовъ собраны въ «Сочиненіяхъ» *Елисеева* (т. I, 1894 г., уничтоженъ цензурою; въ немъ—подробная библиографія), «Собраніи сочиненій» *Кривенко*, тт. I—II (1910); статьи *Демурта* не собраны: первый марксистъ-соціалистъ—*Зибера* «Собраніе со-

чиненій», тт. I—II (1900). Разсѣяны въ «Дѣлѣ» статьи радикала-революціонера Ткачева «Люди будущаго и герои мѣщанства» (1868), «Разбитыя иллюзіи» (1868), «Недодуманныя думы», «Недоконченныя люди», «Неподкрашенная старина» (1872), «Тенденціозный романъ» (1873), «Идеалистъ мѣщанства» (1877), «Уравновѣшенныя души» (1877), «Мужики въ салонахъ русской беллетристики» (1879), «Гнилые корни» (1880) и мн. др.; см. также его женеvскую брошюру «Анархія мысли» (1881) и его журналъ «Набатъ». «Сочиненія» главнаго редактора «Русскаго Слова» и «Дѣла» Благосвѣтлова, изданы въ 1882 году. Характеренъ для эпохи Щаповъ, «Сочиненія», тт. I—III (1908). Реакціонная публицистика «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» собрана въ двадцати-пяти томахъ «передовыхъ статей» Каткова (1897); глубокой «идеологической реакціонеръ» — Леонтьевъ «Собраніе сочиненій» тт. I—IX (1914); о немъ большая литература—см. сборникъ «Памяти К. Леонтьева» (1911), тамъ же и подробная библіографія. Очень характерны и произведенія редактора пресловутаго «Гражданина» кн. В. Мещерскаго «Очерки нынѣшней общественной жизни Россіи», тт. I—II (1870), «Рѣчи консерватора» т. I—II (1876), «Въ улику времени» (1879) и «Мои воспоминанія», т. II (1898). Кромѣ послѣдней кнвги, изъ воспоминаній объ эпохѣ семидесятыхъ годовъ особенно интересны «Воспоминанія Дебагорій-Мокрѣевича» (1906), Изъ воспоминанія Зисодимскаго, воспоминанія Михайловскаго (Собр. соч., т. VII). Богатый матеріалъ — въ историческихъ журналахъ, особенно въ «Быломъ» 1906—1907 и 1917—1919 годовъ.

XIX. Лавровъ.

Написанное Лавровымъ въ теченіе почти полувѣковой литературной дѣятельности—должно занять десятки томовъ; многое наиболѣе существенное соединено въ его «Собраніи сочиненій» изд-ва «Колось» (1918), раздѣленномъ на восемь серій и пятьдесятъ выпусковъ. Сюда вошло, между прочимъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» (1860), «Антропологическая точка зрѣнія въ философіи» (1862), «Формула прогресса Михайловскаго» (1870), «Соціологи-позитивисты» (1872), «О методѣ въ соціологіи» (1874) и цѣлый рядъ другихъ сравнительно небольшихъ статей по исторіи культуры, по соціологіи, психологіи, философіи, исторіи. Отдѣльно изданы и частью переизданы: «Личность» (1860), «Историческія письма» (1870), «Опытъ исторіи мысли», ч. I (1875)—ср. «Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли» 1903, и «Опытъ исторіи мысли новаго времени» (Женева, 1894—1898 г.); «Современныя ученія о нравственности» (1903), «Задачи пониманія исторіи» (1898, подъ псевд. С. С. Арнольди), «Народники пропагандисты 1873—1878 г.» (1907), и нѣкот. друг. См. также «Парижская коммуна» (1919), Изъ исторіи соціальныхъ ученій (1919), «Очерки по исторіи Интернаціонала» (1919). Остаются не переизданными—неоконченный обширный «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» («Морской Сборникъ» 1865—1866 гг.) и рядъ журнальныхъ и особенно газетныхъ статей (см. сборникъ «Русскія Вѣдомости» 1863—1913, II, 99—101). Библіографія (неполная) работъ Лаврова дана въ сборникѣ «Памяти Лаврова» (1900 г., Женева), болѣе полная—въ работѣ Колубовскаго «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи» («Вопр. Филос. и Психол.» 1898 г.). Письма, Лаврова не изданы, за исключеніемъ небольшой пачки начала семидесятыхъ годовъ («Голось Минувшаго», 1916), см. также статья о М. Ковалевскаго «За рубежомъ» («Вѣстн. Евр.» 1914 г.) и еще нѣсколько отдѣльныхъ писемъ. Моно-

графія о Лавровѣ написана П. Витязевымъ (Ф. Сьденко).—Литература о Лавровѣ до 1905 года очень скудна по причинамъ цензурнымъ; въ шестидесятыхъ годахъ, до его эмиграціи, нашумѣла полемика съ нимъ Чернышевскаго, Антоновича и Писарева по поводу «Трехъ бесѣдъ о современномъ значеніи философіи» и книги «Личность» въ частности, и «антропологизма» Лаврова вообще: см. Чернышевскій «Антропологическій принципъ въ философіи» (1860), Писаревъ «Схоластика XIX вѣка» (1861) и Антоновичъ «Два типа современныхъ философовъ» («Современн.», 1861 г.) Отвѣтъ Лаврова — «Моимъ критикамъ» («Русск. Слово», 1861 г.; перепечатано въ вып. II-омъ I серии «Собрания сочиненій» Лаврова); ср. въ книгѣ Вольтскаго «Русскіе критики». Объ «Историческихъ письмахъ» — см. Шелуновъ «Историческая сила критической личности» (Собр. соч., т. II). объ «Опытѣ исторіи мысли» — Ткачевъ «Роль мысли въ исторіи» («Дѣло», 1875 г.), о «Задачахъ пониманіи исторіи» — статья подъ такимъ же заглавіемъ Шишко (П. Батина, «Русск. Бог.» 1898 г.) и Карьева («Вопр. филос. и психол.», 1898 г.). Вообще о социологическихъ взглядахъ Лаврова — см. Карьевъ «Теорія личности» (1907), а также въ «Оснвныхъ вопросахъ философіи исторіи» (1897), Южаковъ «Социологическіе этюды» (1896), Лесевичъ «Опытъ критическаго изслѣдованія основначалъ позитивной философіи» (1877), В. Черновъ «Философскіе и социологическіе этюды» (1907), Б. Камковъ «Историко-философскія воззрѣнія Лаврова» (1917), Гизетти «Историко-социологическія воззрѣнія Лаврова» (сборникъ «Вопросы обществовѣдѣнія», 1911 г.), Н. Русановъ «Лавровъ» («Былое» 1907 г. и «Русск. Бог.», 1910 г.; также въ книгѣ «Соціалисты Запада и Россіи», 1908 г.); Tcheskis «La philosophie sociale de Lavroff» (Paris, 1913). Изъ воспоминаній о Лавровѣ отмѣтимъ: Лесевичъ (въ сборникѣ «На славномъ посту» 1900 г.), указанный выше сборникъ «Памяти Лаврова», Штакеншнейдеръ «Лавровъ» («Голосъ Минувш.», 1915), П. Витязевъ «Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ» («Голосъ Минувш.» 1915 г.), Г. Лопатинъ «Къ рассказамъ о Лавровѣ» («Голосъ Минувш.», 1916 г.), Бооль «Воспоминанія педагога» («Русск. Стар.», 1904 г.), Фирсовъ «Воспоминанія о Лавровѣ» («Истор. Вѣстн.», 1907 г.). См. также «Лавровъ о самомъ себѣ» («Вѣстн. Евр.», 1910 г.). Рядъ разнообразныхъ статей о Лавровѣ — въ сборникѣ къ двадцатилѣтію со дня его смерти (изд-ва «Колось», 1920).

XX. Михайловскій.

«Собраніе сочиненій» Михайловскаго въ десяти большихъ томахъ заключаетъ въ себѣ почти все литературное его наслѣдство; матеріаль не вышедшаго тома IX-го заключается въ двухъ томахъ отдѣльно изданныхъ «Последнихъ сочиненій» (1905). Предположенный и пока неосуществленный томъ XI долженъ заключать въ себѣ всѣ остальные доселѣ несобранныя или неизвѣстныя сочиненія Михайловскаго. Въ томѣ X (1913) впервые собраны, хотя и съ цензурными купюрами, нѣкоторыя «нелегальныя» статьи Михайловскаго — его «Политическія письма социалиста» (1878 года), «Лисій хвостъ и волчій ротъ» (1880) и др.; тамъ же — характерныя два письма его къ Лаврову (1873 г.); «Письмо Исполнительнаго Комитета Народной Воли къ имп. Александру III» послѣ 1 марта 1881 г., въ составленіи котораго принималъ значительное участіе Михайловскій; напечатано въ «Быломъ» (1906 г., № 3). Письма Михайловскаго не собраны; см. однако сборникъ «Памяти Гольцева» (1910) и книгу «Архивъ Гольцева» (1914). Часть писемъ Михайловскаго разбро-

сана въ разныхъ «Воспоминаніяхъ» о немъ—*Якубовича* («Русск. Бог.», 1910 г.), *Русакова* («Былое», 1907 г.), *Льтковой* («Русск. Бог.», 1914 г.), *Иванчина-Писарева*, *Николенко-Гильченко* («Завѣты», 1914 г.) и др. Монографіи о Михайловскомъ нѣтъ; книга *Колосова* «Очерки міровоззрѣнія Михайловскаго» (1912) есть лишь сборникъ статей о немъ. Литература о Михайловскомъ, главнымъ образомъ полемическая—очень обширна; библиографія ея—въ X томѣ «Собранія сочиненій». Одни курьезныя статьи и замѣтки *Буренина*—сперва въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (1872), а потомъ въ «Новомъ Времени» (1878—1904)—могли бы составить цѣлый томъ. Къ восьмидесятымъ годамъ относится «Письмо къ Михайловскому» *Яковенко* («Сѣв. Вѣстн.», 1886 г.; отвѣтъ Михайловскаго—«Собр. Соч.», VI, 458—492) и поверхностныя статьи *Слонимскаго* «О теоріяхъ прогресса» и «Мнимая социологія» («Вѣстн. Евр.», 1889 г.; отвѣтъ Михайловскаго—«Собр. Соч.», X, 97—186). Девяностые годы даютъ обширнѣйшую «марксистскую» литературу о Михайловскомъ, начиная съ книгъ *Бельтова-Плеханова* «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» (1895) и *Струве* «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» (1894) Много мѣста удѣлено Михайловскому и въ позднѣйшихъ работахъ тѣхъ же авторовъ: *Плехановъ* «Критика нашихъ критиковъ» (1906), *Струве* «На разные темы» (1902). Дальнѣйшая марксистская критика—статьи и книги *Ильина-Ленина* «Экономическіе статьи и этюды» (1899), *Филипповъ* «Философія дѣйствительности», т. II (1897)—см. также цѣлый рядъ его статей въ «Научномъ Обзорѣніи» конца девяностыхъ годовъ,—*Санинъ* «Народничество въ прошломъ и настоящемъ» («Научн. Обзор.», 1898 г.), неприличная по тону статья *Потресова* «Современная весталка» («Заря», 1901 г.), сравнительно объективная книга *Ранскаго* «Социологія Михайловскаго» (1901); *Рязанова* «Дѣя правды» (1906) и др. Безконечное количество полемическаго матеріала разсѣяно въ марксистскихъ журналахъ 1897—1901 гг. («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Серьезное изученіе социологическихъ взглядовъ Михайловскаго—въ указанныхъ выше, въ библиографіи о *Лавровѣ*, книгахъ и статьяхъ *Лаврова*, *Лесевича*, *Карѣева*, *Южакова*, *Русакова*, *Чернова* и др. Поворотъ марксизма къ серьезному изученію Михайловскаго—книга *Бердяева-Струве* «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» (1901); см. о ней ниже въ гл. XXVII. См. также *Бердяевъ* «Sub specie aeternitatis» (1907) и *Личковъ* «Субъективизмъ и субъективный методъ» (сборн. «Вопросы обществовѣдѣнія», 1908 г.). Изъ позднѣйшей «народнической» литературы—см. сборникъ «На славномъ посту» (1900), статьи и книги *Лункевича* «Михайловскій» («Русск. Бог.», 1905 г.), *Красносельскаго* «Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени» (1900) и его же дополнительные статьи въ «Русск. Бог.» 1905—1907 гг., *Гизетти* «Индивидуализмъ и общественность въ міровоззрѣніи Михайловскаго» («Завѣты», 1914) и особенно *Чернова* «Гдѣ ключъ къ пониманію Михайловскаго» («Завѣты», 1913 г.; см. также его «Социалистическіе этюды», 1908 и «Михайловскій, какъ этический мыслитель», «Завѣты», 1914 г.). Развитіе взглядовъ, заключающихся въ настоящей главѣ—статьи *Иванова-Разумника* «Михайловскій» (1904), «Герценъ и Михайловскій» (1905), «Марксистская критика» (1909), собраны въ книгѣ «Литература и общественность» (1910). См. его же «Михайловскій и интеллигенція» («Вѣрная Мысль», 1914, 29 янв.).

XXI. Толстой и Достоевскій.

Изъ всѣхъ писателей XIX вѣка—о Львѣ Толстомъ наибольшая литература русская, а быть можетъ и мировая. См. *Витовтъ «Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Библиографическій указатель русской и иностранной литературы»* (1903). Библиографія произведеній Толстого—см. подъ такимъ заглавіемъ брошюру *Боднарскаго* (1910). Позднѣйшія дополненія—«*Библиографическій ежегодникъ*» (1912—1915), «*Библиографическій сборникъ*» (1916), «*Толстовскій ежегодникъ*» (1912—1914). Наиболе полное «*Собраніе сочиненій*»—изд. Сытина въ двадцати томахъ (1913); полное изданіе «*Воскресенья*»—1918 г.; «*Соединеніе, перевсдъ и изслѣдованіе четвероевангелія*» издано въ Россіи въ 1907 г.: «нецензурныя» публицистическія, философскія и религіозныя статьи—вышли заграницей въ десяти томахъ (Christchurch, 1901), а позднѣе издавались въ Россіи въ десяткахъ дешевыхъ изданій миллионными экземпляровъ въ 1906—1907 гг. и послѣ 1917 года, но до сихъ поръ не собраны всѣ вмѣстѣ въ одномъ полномъ изданіи. Письма Толстого—далеко не всѣ, но въ значительной части—собраны въ рядѣ томовъ: разрозненныя «*Письма Толстого*», т. I—III (1910—1912) подъ редакціей Сергѣенко и Грузинскаго, «*Письма Толстого къ жень*» (1913), «*Переписка Толстого съ гр. А. А. Толстой* (1911: первый томъ «Толстовскаго Музея»), «*Переписка Толстого съ Н. Н. Страховымъ*» (1914: второй томъ «Толстовскаго Музея»), «*Письма Толстого къ Черткову и Бирюкову*» («Толстовскій ежегодникъ» 1913 г.: см. также 1912 и 1914 гг.); рядъ писемъ Толстого въ цѣнной фактами, но слабой по выполнению «*Біографіи*» Бирюкова, тт. I—II (1906—1908). Обширныя «*Дневники*» Толстого опубликованы лишь въ незначительной части—за 1895—1899 г. (1916) и за 1848—1850 годы. Очень наивныя «воспоминанія» о Толстомъ, но съ интересными фактами—въ «дневникахъ» двухъ послѣднихъ секретарей Толстого, Гусева «*Два года съ Толстымъ*» (1912) и Булакова «*Левъ Толстой въ послѣдній годъ его жизни*» (дополненное изд. 1918). Вообще же воспоминаній о Толстомъ—десятки томовъ: наиболе существенныя—Берсъ «*Воспоминанія о Толстомъ*», Фетъ «*Мои воспоминанія*» (1892), Зябревъ «*Воспоминанія о Толстомъ*» («Ежемѣсячн. Журн.», 1915 г.), Коши «*На жизненномъ пути*» т. II (1912), Сергѣенко «*Какъ живетъ и работаетъ Л. Толстой*» (1898), Давыдовъ «*Л. Н. Толстой*» (1914), Тенеромо «*Воспоминанія о Толстомъ и его письма*» (1906) и др. Совершенно исключительное значеніе при крайней субъективности имѣютъ, несомнѣнно, многотомныя «*Воспоминанія*» гр. С. А. Толстой (отрывки уже были въ печати).—Критическая литература о Толстомъ началась еще со статей Чернышевскаго о «Дѣтствѣ и отрочествѣ» и «Севастопольскихъ разсказахъ»; крайне слабы статьи о Толстомъ Писарева, особенно о «Войнѣ и Мирѣ» («*Старое барство*», Собр. Соч. т. VI); сравнительно съ ними выдаются статьи Страхова, собранныя въ сборникъ «*Критическія статьи*» (1890). Еще болѣе замѣчательными для своего времени были статьи Михайловскаго въ «*Запискахъ профана*» (1875—6 гг.) и извѣстные отзывы Достоевскаго объ «Аннѣ Каренинѣ» въ «*Дневникъ Писателя*» (1877). См. также Е. Леонтьевъ «*О романахъ Л. Толстого. Анализъ, стиль и вѣяніе*» (Собр. Соч., т. VIII и отд. изд. 1911 г.). Изъ позднѣйшихъ разборовъ очень цѣнно двухтомное изслѣдованіе Мережковскаго «*Толстой и Достоевскій*» (1902); изъ книгъ и статей—Шестовъ «*Разрушающій и создающій міры*» («Русск. Мысль», 1909 г.) и его

же книга «Добро въ ученіи Толстого и Ницше» (1900); Андрей Бѣлый «Трагедія творчества» (1911), Вяч. Ивановъ «Толстой и культура» (сборникъ «Борозды и межи» 1916), сборникъ статей «Религія Толстого» (1911). Развитие и углубленіе взглядовъ настоящей главы—см. книгу: Ивановъ-Разумникъ «Левъ Толстой» (1912).

О Достоевскомъ литература значительно менѣе обильна; подробный перечень ея по 1903 годъ—«Библиографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности *Ф. М. Достоевскаго, 1846—1903*, составила *А. Достоевская*» (1906). Изъ «Собраній сочиненій» лучшее—седьмое, въ 14 томахъ (1906) и наиболѣе полное восьмое въ 21 томѣ (1912). Письма не собраны; часть ихъ—въ первомъ томѣ перваго «Полнаго собранія сочиненій» (1883), часть разбросана по сборникамъ и журналамъ, часть—въ различныхъ воспоминаніяхъ—*Страхова, О. Миллера* и др. (см. указанный т. I, изд. 1883 г.). Изъ воспоминаній, кромѣ указанныхъ выше, см. бар. *Врангель* «Воспоминанія о Достоевскомъ въ Сибири» (1912), *Ахшарумовъ* «Воспоминанія петрашевца» (см. вообще литературу о петрашевцахъ, сборникъ «Петрашевцы» 1907), *А. Миллюковъ* «Воспоминанія о Достоевскомъ» («Русск. Ст.», 1881 г.) и «хрестоматійный» сборникъ *Вѣтринскаго* «Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ» (1912). Обширная монографія о Достоевскомъ *Волжскаго* напечатана лишь въ отрывкахъ. Наиболѣе цѣнный анализъ творчества Достоевскаго—въ указанной выше двухтомной работѣ *Мережковскаго* «Толстой и Достоевскій» (1902). Изъ современной Достоевскому критической литературы начало отзывамаъ положилъ *Бѣлинскій* (о «Бѣдныхъ людяхъ»), не сумѣвшій однако предугадать будущаго Достоевскаго по характерной для него «Хозяйкъ». Статья *Добролюбова* «Забитые люди» кое-что вѣрно оцѣнила въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ», и совершенно не поняла «Преступленія и наказанія» *Писаревъ* «Борьба за жизнь». О «Бѣсахъ» интересную статью, поразившую Достоевскаго, далъ *Михайловскій* («Отеч. Зап.» 1873 г.; см. «Собр. соч.», I, 840); ему же принадлежитъ позднѣйшая цѣнная статья о творествѣ Достоевскаго «Жестокій талантъ» (1883). Изъ послѣдующей литературы необходимо отмѣтить: *Вл. Соловьевъ* «Три рѣчи въ память Достоевскаго» (1883), *К. Леонтьевъ* «Наши новые христіане; Достоевскій и Толстой» («Собр. соч.», т. VIII), *Андреевскій* «Литературныя чтенія» (1891; позднѣе—«Литературныя очерки», 1901). Одна изъ лучшихъ книгъ—*В. Розановъ* «Легенда о великомъ инквизиторѣ» (1893); меньше значенія имѣютъ мало самостоятельныя работы *Волынскаго* «Достоевскій» (1901), «Царство Карамазовыхъ» (1901), «Борьба за идеализмъ» (1900), «Книга великаго гнѣва» (1904). Въ такомъ же родѣ многословныя, хотя и искреннія книги *Захаржевскаго* «Подполье» (1911), «Карамазовщина» (1912), «Религія» (1913); кое-что интересное можно найти въ сборникахъ *Булмакова* «Отъ марксизма къ идеализму» (1903) и *Бердьева* «Новое религіозное сознание и общественность» (1907). Слабая, но характерная «марксистская» книжка—*Переверзевъ* «Творчество Достоевскаго» (1912); цѣнны указанныя выше статьи *А. Бѣлаго* и *В. Иванова* и книга *Шестова* «Достоевскій и Ницше» (1903); см. также его «Начала и концы» (1909). Специальная «психопатологическая» литература о Достоевскомъ (д-ра *Баженова, Амелицкаго, проф. Чижа* и др.) имѣетъ только внѣшній интересъ и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

XXII. Кризисъ народничества. Златовратскій и Гл. Успенскій.

Послѣ вершинъ народничества въ социальнo-философскихъ статьяхъ Герцена, въ социальнo-экономическихъ—Чернышевскаго, въ социологическихъ—Лаврова и Михайловскаго, народничество идейно пошло на убыль еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ: рядомъ съ «Отечественными Записками» существовала «Недѣля». Извѣстна полемика Михайловскаго противъ напечатанной въ «Недѣлѣ» статьи П. Червинскаго «Отчего безжизненна наша литература?» (1875). Позднѣ идеологами разлагающагося народничества стали В. В. и Юзовъ-Каблицъ. Книги В. В. (Воронцова) «Судьбы капитализма въ Россіи» (1882), «Наши направленія» (1892), сборникъ статей «Отъ семидесятыхъ годовъ къ девяностымъ» (1907); о немъ—Михайловскій «Литературныя воспоминанія и современная смута», т. II (1894), Бельтовъ-Плехановъ «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» (1895) и «Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова» (1896). Двухтомная книга Юзова-Каблица «Основы народничества» (1888—1893) была какъ бы надгробнымъ камнемъ на старомъ народничествѣ; о ней см. въ той же книгѣ Михайловскаго. О разложеніи народничества въ теоріи «малыхъ дѣлъ» восьмидесятыхъ годовъ и литературу объ этомъ—см. ниже гл. XXIII.

«Художественное народничество» семидесятыхъ-девяностыхъ годовъ имѣетъ главныхъ представителей въ рядѣ второстепенныхъ беллетристовъ, произведенія которыхъ чаще всего уже соединены въ «собранія сочиненій»; таковы Астыревъ («Собр. соч.», тт. I—II, 1896), Засодимскій («Собр. соч.», тт. I—II, 1895), Ивановичъ («Собр. соч.», тт. I—III, 1898), Карокинъ («Сочиненія», тт. I—II, 1893), Левитовъ («Собр. соч.», тт. I—VII, 1911 г.; наиболѣе талантливый изъ всей этой группы), Наумовъ («Собр. соч.», тт. I—II, 1897), Нефедовъ («Собр. соч.», тт. I—II, 1895), Новодворскій («Собр. соч.», въ одномъ томѣ, 1897), Ник. Успенскій («Сочиненія», тт. I—IV, 1883). Изъ этой общей среды выдѣляется Златовратскій и еще больше—Гл. Успенскій.

«Собраніе сочиненій» Златовратскаго—трехтомное 1897 г. и восьмитомное 1912 г. Автобіографія его—въ «Вѣстн. Восп.» (1908) и «Вѣстн. Евр.» (1910); см. также «Какъ это было», воспоминанія (1910). Изъ статей о немъ см. Сакулинъ «Народничество Златовратскаго» («Голосъ Минувш.», 1913 г.), Протопоповъ «Послѣдовательный народникъ» («Литературно-критическія характеристики», 1892) и Пытинъ (А. В.-нъ) «Народники и народъ» («Вѣстн. Евр.», 1891 г.; см. также 1884 г. № 4 и «Русск. Вѣст.», 1884 г. № 48). Во всѣхъ общихъ исторіяхъ русской литературы XIX вѣка есть глава о Златовратскомъ.

Несравненно болѣе крупный писатель и художникъ—Гл. Успенскій; его «Полное собраніе сочиненій» издано въ 12 томахъ (1908), въ немъ находятся и «Матеріалы къ біографіи Гл. Успенскаго» Рубакина. Такіе же «Матеріалы для біографіи Гл. Успенскаго» Михайловскаго («Послѣднія сочиненія», т. II); см. также біографическія замѣтки Вятринскаго («Русск. Мысль», 1911 и 1913 гг.). Письма Успенскаго—въ этихъ матеріалахъ, въ сборникахъ («Памяти Гольца», 1910, «Русск. Вѣдом. 1863—1913 и.», «Архивъ Гольцева», 1914), въ журналахъ («Русск. Мысль», 1902 г., «Русск. Бог. 1905 г., «Минувш. Годы», 1908 г., «Голосъ Минувш.», 1905 г.). Рядъ воспоминаній, изъ которыхъ наиболѣе цѣнны—Михайловскій «Литературныя воспоминанія и современная смута», т. I, Иванчинъ-Писаревъ («Былое», 1907 г., «Завѣты», 1914 г., «Сѣверн. Зап.»

1916 г.), *Горюленко* «*Отшедшіе*» (1908), *Елпатовскій* «*Близкія тѣни*» (1909), *Починковская* «*Успенскіе*» («*Минувш. Годы*», 1908 г.). Изъ статей основными являются—очерки *Михайловскаго* «*Гл. Успенскій*» (Соч., т. V) и *Протопопова* въ указанномъ выше сборникѣ статей. См. также во II томѣ «*Исторіи русской интеллигенціи*» *Осеянико-Куликовскаго*; очеркъ *О. Миллера* «*Успенскій; опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій*» (1889) очень наивенъ и слабъ. Объ «эстетикѣ» и «этикѣ» *Гл. Успенскаго*—см. статьи въ сборникѣ «*На славномъ посту*» (1900). Заслуживаютъ вниманія очерки *Влжскаго* «*Объ Успенскомъ и Достоевскомъ*» (1902) и статья въ его же сборникѣ статей «*Изъ міра литературныхъ исканій*» (1906). «Марксистская» критика *Гл. Успенскаго*—*Бельшовъ-Плехановъ* «*Наши беллетристы народники*» (въ его сборникѣ «*За двадцать лѣтъ*»); см. также *Богучарскій* «*Что такое земледѣльческіе идеалы?*» («*Начало*», 1899 г.); по поводу послѣдней статьи—см. *Михайловскій*, Собр. сочин., т. X, стр. 191—208. По вопросу о значеніи «земледѣльческихъ идеаловъ» *Гл. Успенскаго* см. *Ивановъ-Разумникъ* «*Еще о емысль жизни*» (въ сборникѣ «*Творчество и критика*», 1912 г.) и «*Поэзія земледѣльческаго быта*» (въ сборникѣ «*Пушкинъ и Бѣлинскій*», 1916 г.).

XXIII. Эпоха общественнаго мѣщанства.

Въ виду того, что въ этой главѣ говорится о произведеніяхъ *Помяловскаго*, *Писемскаго* и *Салтыкова*, хотя дѣятельности ихъ и относится къ болѣе ранней эпохѣ, даемъ здѣсь указанія на главную литературу о нихъ.—*Помяловскій* «*Полное собраніе сочиненій*», тт. I—II (1903) и въ цѣломъ рядѣ другихъ однотомныхъ изданій 1913 года; при нихъ же—біографическій очеркъ *Благовѣщенскаго*. Характерную параллель «*Очеркамъ бурсы*» представляютъ написанные на ту-же тему очерки *Добронравова* «*Новая бурса*» (1913). Главныя статьи о творчествѣ—*Писаревъ* «*Романъ кисейной барышни*», «*Мыслящій пролетаріатъ*», «*Погибшіе и погибающіе*». См. также *Инатосъ* «*Скучающіе и довольные*» («*Завѣты*», 1913 г.), *Сакуликъ* «*Исповѣдь разночинца*» («*Голосъ Минувш.*», 1913 г.) и во всѣхъ главныхъ исторіяхъ русской литературы XIX вѣка.—*Писемскій* «*Полное собраніе сочиненій*» тт. I—XXIV (1911): статьи о немъ—*Писаревъ* «*Стоячая вода*», «*Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ*», «*Женскіе типы въ произведеніяхъ Писемскаго, Тургенева, Гончарова*»; въ первомъ (и единственномъ) томѣ «*Сочиненій*» *Аполлона Григорьева* (1876)—статьи его «*Реализмъ и идеализмъ въ русской литературѣ*», «*Русская литература въ срединѣ XIX вѣка*», и «*Русская литература въ 1852 году*». Одновременно съ *Писаревымъ* писали о *Писемскомъ Антоновичъ* «*Русскіе романы*» («*Совр.*», 1864 г.) и *Зайцевъ* «*Взбаламученный романистъ*» («*Русск. Слово*», 1863 г.); познѣе—*Михайловскій* («*Собр. соч.*», тт. IV и V). Монографіи с нимъ—*И. Ивановъ* «*Писемскій*» (1898) и *Венкеровъ* «*Писемскій*» («*Собр. соч.*», т. V); при послѣдней—подробная библиографія.—*Салтыковъ-Щедринъ* «*Полное собраніе сочиненій*», тт. I—XII (1905); письма не собраны; монографіи нѣтъ, если не считать слабыхъ книжекъ *Арсеньева* «*Салтыковъ-Щедринъ*» (1906) и *Пытина* «*Салтыковъ*» (1899); матеріалы къ ней—*Бранихфельдъ* («*Міръ Божій*», 1904, 1906 г.; «*Соврем. Міръ*», 1907, 1914 г.; *Минувш. Годы*», 1908 г.; *Голосъ Минувш.*» 1914 г.). Изъ статей лучшая—*Михайловскій* «*Щедринъ*» (Сочин., т. V). *Чернышевскій*, *Добролюбовъ*, *Писаревъ*—статьи о *Салтыковѣ* см. въ собраніяхъ сочиненій каждаго изъ нихъ.

Публицистика эпохи общественнаго мѣщанства—въ «либеральныхъ» журналахъ «*Вѣстникъ Европы*» и «*Русская Мысль*», въ по-

степеновской «Недѣль», въ приспособляющемся «Новомъ Времени». Въ первомъ изъ нихъ—статьи *Арсеньева* (большей частью не собраны), *А. Градовскаго* (см. «Собр. соч.», тт. I—IX, 1904), *Пыпина*. Въ Русской Мысли заслуживаютъ особеннаго вниманія очерки *Шелунова*, собранные въ трехтомномъ его «Собраніи сочиненій» (1904); статьи о немъ *Михайловскаго* («Собр. соч.» т. V) и *Протопопова* въ его «Литературно-критическихъ характеристикахъ» (1898). О «Русскихъ Вѣдомостяхъ» этой эпохи—см. сборникъ «Русскія Вѣдомости 1863—1913» (1913). Въ «Недѣль» характерна проповѣдь «малыхъ дѣлъ» въ статьяхъ *Абрамова* и *Лаврскаго* (псевд. «Деревенскій житель»). Для «Новаго Времени» особенно характерны не собранныя статьи и «Маленькія письма» *Суворина* и безчисленные фельетоны *Буренина*; о немъ см. *Михайловскій* («Собр. соч.», тт. V, VI и X). Идеологія торжествующаго бюрократизма—*Побѣдоносцевъ* «Московскій Сборникъ» (1895).

XXIV. Девяностые годы.

Литература русскаго «марксизма»—огромна: знакомство съ ней необходимо составлять по марксистской журналистикѣ этого десятилѣтія: Новое Слово (1897—1898), «Начало» (1899), «Жизнь» (1899—1901), а также заграничные журналы, въ особенности «Рабочая Мысль», «Рабочее Дѣло», «Заря», «Искра» (главныя статьи послѣдней въ двухтомномъ обширномъ сборникѣ «За два года», 1906). Изъ отдѣльныхъ авторовъ первое мѣсто принадлежитъ *Плеханову*, положившему начало литературѣ русскаго марксизма брошюрой «Соціализмъ и политическая борьба» (1883) и книжкой «Наша разногласія» (1884), обѣ женевскаго изданія, и перенесшему ее на «легальную» почву книгой «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» (1895). Дальнѣйшія многочисленныя статьи его соединены въ сборникахъ «За двадцать лѣтъ» (1905), «Критика нашихъ критиковъ» (1906), «Отъ обороны къ нападенію» (1910). Подробная библиографія его работъ—см. *Владиславъ* «Русскіе писатели XIX—XX ст.» (1918, изд. 3-ье). О немъ—см. «Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка», сборникъ статей, тт. I—IV (1909—1914), «Исторія русской литературы XIX вѣка» (изд-ва «Міръ», т. V, 1—30) и «Русская литература XX вѣка» (изд-ва «Міръ», т. I, 90—120). См. также *Михайловскій* («Собр. соч.», т. VIII), *Левановъ-Разумникъ* «Марксистская критика» (въ книгѣ «Литература и общественность», 1910) и «Памяти Плеханова» («Нашъ Путь», 1918 г., № 2).—Представитель другого крыла русскаго марксизма—*Ленинъ* (*Вл. Ильинъ*, *Ульяновъ*); главныя его статьи—«Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве» (1895), «Задачи русскіхъ социалъ-демократовъ» (1897), «Гонимыя земства и Антибалы либерализма» (1901), «Что дѣлать?» (1902), «Шагъ впередъ, два назадъ» (1904), «Цѣль тактики социалъ-демократіи» (1905),—всѣ эти статьи собраны въ сборникѣ «За двѣнадцать лѣтъ» (1908). Отдѣльными книгами вышли: «Развитіе капитализма въ Россіи» (1899), «Аграрный вопросъ» (1908), «Материализмъ и эмпириокритицизмъ» (1909,—крайне с. юбая, но характерная для марксистскаго отношенія къ философіи книга).—Статьи бывшаго марксиста, потомъ либерала, потомъ консерватора *Струве* собраны въ его сборникахъ *Ни развѣя туманъ* (1902), «Patriotica» (1911); изъ отдѣльныхъ его книгъ отношеніе къ марксизму имѣютъ лишь «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» (1894). О литературѣ «критическаго теченія» въ марксизмъ см. ниже гл. XXVII.

XXV. Чеховъ.

«Полное собраніе сочиненій» Чехова въ двадцати-двухъ томахъ вышло въ 1908—1911 гг.; дополнительный XXIII томъ—въ 1918 году. Письма—въ шести томахъ (1912—1916 гг.). Воспоминанія многочисленны, но цѣнныхъ среди нихъ очень мало: *Короленко* «*Отшедшіе*» (1908), *Елпатьевскій* «*Близкія тѣни*» (1909), *Щукинъ* «*Изъ воспоминаній о Чеховѣ*» («Русск. Мысль», 1911 г.) и немн. др. См. также «Слово», сборникъ II (1914), «Знаніе», сборникъ III (1905), «Памяти Чехова» сборникъ (1906), «О Чеховѣ», сборникъ (1910). Обширная монографія *Измайлова* «*Чеховъ*» (1916)—слишкомъ поспѣшная и поверхностная работа. Отношеніе къ Чехову «народниковъ» и «марксистовъ» восьмидесятыхъ-девяностыхъ годовъ—въ статьяхъ *Михайловскаго* («Собр. соч.», т. VI—VIII), *Протопопова* («Русск. Мысль», 1892), *Струве* «*Мужики и Чехова*» (сборникъ «На разные темы»), *Андреевича* «*Книга о Горькомъ и Чеховѣ*» (1900.—она же касается и слѣдующей главы); см. также *Овсянко-Куликовскій* «*Этюды о творчествѣ Чехова*» («Собр. соч.», т. V). Наиболѣе заслуживающими вниманія статьями о Чеховѣ являются статьи *Шестова* «*Творчество изъ ничего*» («Начала и концы», 1909); *Мережковскаго* въ его сборникахъ «*Грядущій хамъ*» (1906), «*Въ тихомъ омутѣ*» (1908), «*Было и будетъ*» (1915); *Андрея Бѣлаго* въ его сборникѣ «*Арабески*» (1911), *Волжскаго* «*Очерки о Чеховѣ*» (1903); см. его же сборникъ «*Изъ міра литературныхъ исканій*» (1906); *Булгакова* «*Чеховъ, какъ мыслитель*» («Новый Путь», 1904); *Айхенвальдъ* «*Силуэты русскихъ писателей*» вып. I—II (1906—1908); *Красносельскій* «*Творчество Чехова, его мотивы и идеи*» («Вѣстн. Евр.», 1908 г.). Кромѣ еще немногихъ статей въ сборныхъ исторіяхъ новѣйшей русской литературы и специальныхъ статей о «театрѣ Чехова»—почти вся остальная громадная литература о Чеховѣ содержитъ въ себѣ мало интереснаго.

XXVI. М. Горькій.

«Сочиненія» М. Горькаго изданы до сихъ поръ въ двадцати томахъ (1905—1910 и 1914—1916); литература о немъ обширна,—см. *Библиографическій указатель* «*Фомина*» («Русская Литература XX вѣка», изд-ва «Міръ», т. II), заслуживающаго вниманія въ ней также мале, какъ и въ литературѣ о Чеховѣ. Кромѣ указанныхъ выше (гл. XXV) работъ *Мережковскаго*, *Овсянко-Куликовскаго*, *Андреевича* и отдѣльных главъ въ сборныхъ исторіяхъ новѣйшей литературы—см. еще *Михайловскій* («Собр. соч.», т. VIII), *Коробка* «*Очерки литературныхъ настроеній*» (1903), *С. Трубецкой* «*Лишніе люди и герои нашего времени*» («Научн. Сл.», 1904), *Минскій* «*Интеллигенція и мѣщанство*» («На общественныя темы», 1909), *Чуковский* «*Книга о современныхъ писателяхъ*» (1914), *Горнфельдъ* «*Книги и люди*» (1908), *Айхенвальдъ* «*Силуэты русскихъ писателей*», вып. III (1910) и немн. др. Крайне слабы «иностранные» критическіе очерки *Воллэ* «*М. Горькій; личность и произведенія*» (русск. перев. 1902 г.), *Брандеса* (въ его русскомъ «Собр. сочиненій», т. XIX); ст. также *Dillon* «*M. Gorkij*» (Lond., 1902) и *Ostwald* «*M. Gorkij*» (Berl., 1904). Почти все остальное въ громадномъ литературѣ о произведеніяхъ М. Горькаго не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

XXVII. Идеалистическій индивидуализмъ.

Переломъ къ «критическому теченію» въ марксизмъ и переходъ отъ него къ «либерализму» выявился главнымъ образомъ въ статьяхъ

и книгахъ Струве, Булгакова, Бердяева. О работахъ перваго изъ нихъ— см. выше гл. XXIV. Статьи Булгакова собраны въ книгахъ: «Отъ марксизма къ идеализму» (1902) и «Два града; изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ» тт. I—II (1911); изъ другихъ его книгъ той же эпохи отмѣтимъ еще «марксистское» изслѣдованіе «Капитализмъ и земледѣліе», тт. I—II (1900) и «послѣ-марксистскую» (и анти-марксистскую) книгу «Философія хозяйства; изслѣдованіе религіозно-метафизическихъ основъ хозяйственного процесса» тт. I—II (1912).—Книги Бердяева, его сборники статей, кромѣ указанной въ текстѣ книги «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи» (1901)—стали одна за другой появляться послѣ 1906 года; укажемъ среди нихъ на «*Sub specie aeternitatis*» (1907,—статьи 1900—1906 гг.), «Новое религіозное сознание и общественность» (1907), «Духовный кризисъ интеллигенціи» (1910), «Философія свободы» (1911), «Смыслъ творчества» (1914), и др. Изобильная «марксистская критика» философской позиціи названныхъ авторовъ—не заслуживаетъ никакого вниманія; характерна статья Шестова «Похвала глупости» («Начала и концы», 1909); см. статьи Мережковского въ его сборникахъ «Грядущій хамъ» (1906), «Больная Россія» (1910). Обширная литература, создавшаяся около сборниковъ «Проблемы идеализма» (1903) и «Вѣхи» (1908)—въ значительной долѣ касается статей именно названныхъ выше трехъ авторовъ. О сборникѣ «Вѣхи» см. ниже (XXIX), литература же о «Проблемахъ идеализма» разсѣяна въ журналистикѣ 1903 года (см. особенно «Вопросы философіи и психологіи» кн. 67, «Новый путь» №№ 10 и 12); вся «позитивная» критика крайне слаба—см. сборникъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» (1903), Пышехоновъ «На очередныя темы» (1904), Аксельродъ-Ортодоксъ «О Проблемахъ идеализма» (1905).—Значеніе Вл. Соловьева для «идеалистическаго» теченія указано въ текстѣ; его «Собраніе сочиненій» вышло въ десяти томахъ (1911—1914 гг., изд. 2-ое), собраніе писемъ—въ трехъ томахъ 1908—1911). Переведены съ французскаго: «Россія и вселенская церковь» (1911), «Русская идея» (1911). Изъ воспоминаній о немъ—Безобразова «Воспоминанія о братѣ» («Минувш. годы», 1908 г.), «Переписка съ И. Аксаковымъ» («Русск. Мысль», 1913 г.), «Матеріалы къ біографіи» Лукьянова («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1914—1916 гг.). Обширная монографія о немъ—Евг. Трубецкой «Міросозерцаніе Вл. Соловьева» тт. I—II (1913); изъ отдѣльныхъ книгъ и статей—см. сборникъ «О Вл. Соловьевѣ» (1911), К. Леонтьевъ «Собр. соч.», тт. VI и VII, статьи въ указанныхъ выше сборникахъ Булгакова, отдѣльныя статьи А. Бѣлаго, В. Иванова («Борозды и межи»), Мережковскаго («Въ тихомъ омутѣ»); оцѣнка его спора со славянофилами—Миллюковъ «Изъ исторіи русской интеллигенціи» (1908). О поэзіи Вл. Соловьева (въ связи съ темой гл. XXVIII-ой) см. В. Брюсовъ «Поэзія Вл. Соловьева» («Далекіе и близкіе», 1912), Булгаковъ «Стихотворенія Вл. Соловьева» («Русск. Мысль», 1916 г.).

XXVIII. Отъ «декадентства» къ «символизму».

«Исторія русской поэзіи» не имѣетъ исчерпывающаго изслѣдованія; вышедшая подъ этимъ заглавіемъ духтомная работа Абрамовича (1915)—ниже всякой критики. Есть кое-какія монографіи объ отдѣльныхъ поэтахъ «пушкино-лермонтовской» полосы. «Полное собраніе сочиненій» Тютчева въ одномъ томѣ (1911) сопровождается цѣнностію статьей Брюсова; см. о немъ также И. Тургеневъ «Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Тютчева» («Собр. соч.», т. XII), Фетъ «О

стихотворенія Тютчева» («Русск. Слово», 1859), Вл. Соловьевъ «Поэзія Тютчева» («Собр. соч.», т. VI), Бальмонтъ «Горныя вершины» (1904), Франкъ «Космическое чувство въ поэзіи Тютчева» («Русск. Мысль», 1913 г.), Горнфельдъ «О русскихъ писателяхъ», т. I (1912). См. еще сборникъ «Философскія теченія въ русской поэзіи» (1896). Монографія Дарскаго «Чудесные вымыслы» (1914) довольно слаба; интересна книжка Мережковского «Две тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ» (1915).—Стихотворенія Некрасова до сихъ поръ еще не собраны полностью; лучшимъ изданіемъ является четырехтомное 1879 года. Письма Некрасова не собраны; см., впрочемъ, «Архивъ села Карабихи» (1916), Евгенийевъ «Некрасовъ» (1914), Пыпинъ «Некрасовъ» (1905), «Некрасовскій сборникъ» (1918), Вятринскій «Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и не собранныхъ произведеніяхъ» (1911). Изъ статей о Некрасовѣ—см. Достоевскій «Дневникъ Писателя» (1877), Андреевскій «Литературныя чтенія» (1891), С. Кулинь «Творчество Некрасова» (1903), Бальмонтъ «Некрасовъ» («Горныя вершины», 1904), Айхенвальдъ «Силуэты русскихъ писателей», вып. II (1908), Чуковский «Некрасовъ и модернисты» («Лица и маски», 1914) и указанную выше работу Мережковского.—Стихотворенія Фета собраны въ мало удовлетворительномъ трехтомномъ изданіи (1910), его же «Воспоминанія» (1890); статьи о немъ—Вл. Соловьева, Брюсова, Бальмонта, Айхенвальда въ указанныхъ выше книгахъ; изслѣдованія Дарскаго «Радость земли» (1916) и Федина «Фетъ» (1915), въ послѣдней есть кое-какіе интересные матеріалы.—Майковъ «Полное собраніе сочиненій», тт. I—IV (1913); наиболее интересныя статьи о немъ—Бюлинскій «Стихотворенія Майкова» (1842 г.) Вл. Соловьевъ («Собр. соч.», т. VI), Ѡ. Зѣлинскій «Литичный міръ въ поэзіи Майкова» («Изъ жизни идей», т. I), Мережковский «Вѣчные спутники» (1897).—Цолонскій «Полное собраніе стихотвореній», тт. I—V (1896); изъ статей о немъ—въ указанныхъ выше книгахъ Вл. Соловьева, Айхенвальда и въ сборникѣ «Философскія теченія въ русской поэзіи» (1896).—Стихотворенія Надсона вышли въ одномъ томѣ тридцатымъ изданіемъ (1918); о поэзіи его—Гриневичъ-Якубовичъ «Очерки русской поэзіи» (1904), Протопоповъ въ часто указывавшемся выше сборникѣ критическихъ статей; новѣйшая критика обходитъ его поэзію молчаніемъ.—Фобановъ написалъ такъ много, что собранныя въ пяти томахъ его Стихотворенія» (1896) не исчерпываютъ и малой доли имъ написаннаго. О немъ—въ указанныхъ выше книгахъ Андреевскаго, Гриневича-Якубовича и Вал. Брюсова.

Литература о «декадентствѣ» и «символизмѣ» обширна, но крайне поверхностна; печальнымъ образцомъ полного непониманія могутъ служить многочисленныя статьи и замѣтки Михайловскаго девяностыхъ годовъ. Полемическіе матеріалы—въ журналистикѣ этихъ годовъ; см. особенно журналы основоположниковъ «декадентства»: «Міръ искусства» (1899—1904), «Вѣсы» (1904—1909) и журналы эпигоновъ символизма «Золотое Руно» (1906—1910) и «Аполлонъ» (1909—1917). Про отдѣльныхъ авторовъ есть заслуживающія вниманія статьи и очерки.—Сочиненія Минскаго вышли въ четырехъ томахъ (1907); отдѣльно изданы «При свѣтѣ совѣсти» (1890), «Реалія будущаго» (1905), «Альма» (1900), «На общественныя темы» (1909) и др. О немъ—въ указанныхъ выше книгахъ Брюсова, Айхенвальда, Гриневича-Якубовича, Андреевскаго и др.; см. также въ статьѣ Волинскаго «О символизмѣ и символистамъ» («Сѣверн. Вѣстн.», 1898 г.), плохо разбиравшагося вообще въ явленія и понятія «декадентства» и «символизма».—Мереж-

ковскій «*Полное собраніе сочиненій*», тт. I—XXIV (1915); полная бібліографія произведеній Мережковскаго и литературы о немъ—*Ларинъ*, въ томѣ XXIV-омъ указаннаго изданія. Статьи о немъ—*Михайловскій* «Собр. соч.», тт. VI—X, *Шестовъ* «Собр. соч.», т. IV, а также «*Миръ Искусства*» 1901 г.; см. въ этомъ же журналѣ статьи *Шестакова* (1902), *Фозанова* (1903) и др.; *Андрей Бѣлый* «*Дугъ зеленый*» (1910) и «*Арабески*» (1910), *Бердяевъ* «*Sub specie aeternitatis*» и «*Духовный кризисъ интеллигенціи*» (1907—1910), *Брюсовъ* и *Айхенвальдъ* въ указанныхъ выше книгахъ, *Лундбергъ* «*Мережковскій и его новое христіанство*» (1914; въ приложеніи—интересная статья о З. Гиппиусѣ), *Ивановъ-Разумникъ* «*Мертвое мастерство*» («*Творчество и критика*», 1912 г.; см. также статьи въ «*Завѣтахъ*», 1913 г. № 2 и 1914 г. № 5).—Собраніе стиховъ З. Гиппиусъ кн. I (1904), кн. II (1910), «*Послѣдніе стихи*» (1918); шесть томовъ рассказовъ и романы—довольно прѣсная литература; критическія статьи «*Антонъ Крайняго*»—наиболѣе острое, послѣ стиховъ, въ творествѣ З. Гиппиусъ. О немъ, кромѣ указанной выше статьи *Лундберга*, см. статью *Брюсова* въ сборной «*Русской литературѣ XX вѣка*», *Чуковский* «*Лица и маски*» (1914), *А. Бѣлый* «*Арабески*». О «*Послѣднихъ стихахъ*»—*Ивановъ-Разумникъ* «*Бобокъ*» («*Знамя*» 1919, № 2).—«*Собраніе сочиненій Л. Шестова* въ шести томахъ (1912); о немъ—въ указанныхъ выше сборникахъ статей *Бердяева*, *Закржевскаго* («*Подполье*»), *А. Бѣлаго*; блѣдная книга *Грифцова* «*Три мыслителя. Розановъ, Мережковскій, Шестовъ*» (1911); общій очеркъ міровоззрѣнія—*Ивановъ-Разумникъ* «*О смыслъ жизни*» (1909).

Произведенія главныхъ трехъ «декадентовъ», *Бальмонтъ*, *Брюсова* и *Сологуба* соединены въ обширныя «Собранія сочиненій». Десятитомное «*Полное собраніе стиховъ Бальмонта*» (1913) заключаетъ въ себѣ лишь часть написаннаго и переведеннаго *Бальмонтомъ*; см. указанную ниже бібліографическую работу *Фомина*. Изъ обширной литературы о немъ укажемъ на «*Записки Неофилологическаго Общества*», вып. VII (1914), статью *Аничкова* «*Бальмонтъ*» («*Русская литература XX вѣка*», т. I), статьи *Брюсова*, *А. Бѣлаго*, *Волжскаго*, *Айхенвальда* въ указанныхъ выше ихъ сборникахъ, *Анненскаго* «*Бальмонтъ-лирикъ*» («*Книга отраженій*», т. I, 1906 г.), *Элиса* «*Русскіе символсты*» (1910), *Валтрушайтисъ* «*О внутреннемъ пути Бальмонта*» («*Завѣты*», 1914, № 6).—«*Полное собраніе сочиненій и переводовъ В. Брюсова* въ двадцати пяти томахъ не закончено изданіемъ (1913—1915 гг.); полная бібліографія—*Фомина*, въ томѣ II «*Русской литературы XX вѣка*». О немъ—см. въ указанныхъ выше книгахъ *А. Бѣлаго*, *Гриневича-Якубовича*, *Чуковскаго*, *Элиса*, *Закржевскаго* и др. Кромѣ того—двѣ курьезныя книги *Шемшуринъ* «*Стихи Брюсова и русскій языкъ*» (1908) и «*Футуризмъ въ стихахъ Брюсова*» (1913).—«*Собраніе сочиненій Ѳ. Сологуба* въ двадцати томахъ (1913—1915 гг.) продолжалось отдѣльными томами; «*Бібліографія сочиненій Ѳ. Сологуба*» по 1909 г. излана отдѣльной брошюрой (1909), см. также указанную выше работу *Фомина*. Изъ критическихъ статей отмѣтимъ сборникъ «*О Ѳедорѣ Сологубѣ*» (1911), указанныя выше книги *Брюсова*, *А. Бѣлаго*, *Айхенвальда*, *Чуковскаго*, *Горифельда* (его же статья въ «*Русской литературѣ XX вѣка*»); см. еще *Шестовъ* «*Поэзія и проза Сологуба*» («*Сочин.*», т. VI) и указанную выше книгу *Иванова-Разумника* (1909).—Литература о представителѣ «реалистическаго аллегоризма», *Л. Андреевѣ*, очень обильна; его «*Собраніе сочиненій* въ 16-ти томахъ закончено изданіемъ въ 1916 году. Объ его творествѣ—см. въ указанныхъ выше книгахъ *Закржевскаго*, *Айхенвальда*, *Чуковскаго* (послѣдняго также «*Л. Андреевъ большой и маленькій*», 1908); *Мережковскій* «*Въ обезьяньихъ лапахъ*» («Собр. соч.», т. XVI), *Реншертъ* «*Л. Андреевъ и его социальная идеоло-*

ил» (1909), *Волжскій «Изъ міра литературныхъ исканій»* (1906), *А. Бѣлый «Арабески»* (о «Жизни Человѣка»), а также въ указанной выше книгѣ *Иванова-Разумника* и въ его сборникѣ «Творчество и критика». — Подлинно реалистическое творчество *Ремизова* имѣетъ своимъ истокомъ *Льскова*, «Полное собраніе сочиненій» котораго вышло въ двѣнадцать томъхъ (1903). О немъ—книга *Волынского «Льскова»* (1898), позднѣйшія попытки монографій неудачны; статья *Лернера* въ сборной «Исторіи русской литературы XIX вѣка». Этотъ большой художникъ почти совсѣмъ не затронутъ еще новѣйшей критикой.— «Сочиненія» *Ремизова*, тт. I—VIII (1912); дальнѣйшія книги: «Подорожіе» (1913), «Докука и балагурье» (1914), «Весеннее порошье» (1915), «Укрѣпа» (1916), «Среди мурья» (1917), «Русскія женщины» (1918) и др. См. *Ивановъ-Разумникъ* въ указанномъ выше сборникѣ статей; кромѣ того см. «Черная Россія» («Завѣты» 1912 № 8) и статью «Дѣя Россіи» во второмъ сборникѣ «Скиѣы» (1918). См. также *Рыстенко «Замѣтки о сочиненіяхъ Ремизова»* (1913).—О трехъ вершинахъ «символизма» литература не очень обильна. «Собранія сочиненій» *Вяч. Иванова* пока нѣтъ; стихи и статьи его выходили отдѣльными книгами: стихи—*Кормчія звѣзды* (1903), «Прозрачность» (1904), «Эросъ» (1907), «Сог Арденс», ч. I и II (1911), «Нѣжныя тайны» (1912), «Младенчество» (1918); трагедіи—«Танталъ» («Сѣверн. Цвѣты Ассирійскіе», 1905), «Прометей» («Русск. Мысль», 1912); сборники статей и книги «De societatis vesticgalium publicorum populi Romani» (1917, — старая работа В. Иванова), «Эллинская религія страдающаго бога» (1917; см. «Вопросы Жизни» 1905 г.), «По звѣздамъ» (1908), «Борозды и межжи» (1916), «Родное и вселенское» (1918). Изъ критическихъ статей основной является *А. Бѣлый «Вяч. Ивановъ»* («Русская литература XX вѣка», т. III). См. также *Шестовъ «Вячеславъ Великолѣпный; къ характеристикѣ русскаго упадочничества»* («Русск. Мысль», 1916 г., № 10), *Брюсовъ «Далекіе и близкіе»* (1912), *А. Блокъ «Творчество В. Иванова»* («Вопр. Жизни», 1905 г., № 5), *К. Эрбергъ «О воздушныхъ мостахъ критики»* («Аполлонъ», 1909 г., № 2).—Стихотворенія и пьесы *Александра Блока* неоднократно переиздавались въ четырехъ томахъ его сочиненій (последнее изданіе—1919 года); статьи пока не собраны. Изъ статей о немъ—см. отмѣченныя выше книги *А. Бѣлаго*, *Брюсова*, *Горнфельда*; статьи *Иванова-Разумника «Роза и Крестъ»* («Завѣты», 1913 г., № 10) и «Испытаніе въ грозѣ и бурѣ» («Нашъ Путь», 1918 г., № 1) собраны между другими въ книгѣ «*Александръ Блокъ. Андрей Бѣлый*» (1919).—«Собранія сочиненій *А. Бѣлаго* пока нѣтъ; вышли только разрозненные его тома. Отдѣльными книгами выходили: четыре «Симфоніи» (1904, 1902, 1905, 1908); три сборника стиховъ—«*Золото въ лазури*» (1904), «*Пепель*» (1908), «*Урна*» (1909); романы—«*Серебряный Голубь*» (1910), «*Петербургъ*» (1912—3, отд. изд. 1916), «*Котикъ Летаевъ*» (I и II сборникъ «Скиѣы» 1918), «*Дневникъ чудака*» (1919); сборники статей—«*Символизмъ*» (1910), «*Арабески*» (1911), «*Лугъ зеленый*» (1910), «*На перевалѣ*» (1918—1919); статьи—«*Трагедія творчества*» (1912), «*Революція и культура*» (1917); поэма—«*Христосъ Воскресъ*» (1918); изслѣдованіе—«*Рудольфъ Штейнеръ и Гете въ міровоззрѣніи современности*» (1916).—Статьи о его творествѣ весьма не многочисленны. См. сборникъ «*Книга о русскихъ поэтахъ*» (1909), отысканы въ отмѣченныхъ выше книгахъ *Брюсова*, *Элиса*, статью *Иванова-Разумника «Андрей Бѣлый»* («Русская литература XX вѣка», томъ III); см. указанную выше книгу «*Александръ Блокъ. Андрей Бѣлый*».

XXIX. Въ преддверіи XX вѣка.

Эпоха «между двухъ революцій» не имѣетъ еще отдѣльныхъ о себѣ изслѣдованій—она вся въ журналистикѣ начала XX вѣка, представляющей почти всѣ общественныя теченія русской мысли. Исключеніе составляетъ «анархизмъ», имѣющій передъ собою большое будущее, но обслуживаемый слабыми силами въ прошломъ. Бакуинь, Кропоткинъ, Толстой не имѣли еще достаточно крупныхъ послѣдователей. «Соціально-демократическія» группы различныхъ направленій имѣли въ своемъ распоряженіи «толстые» журналы: «Правду» (1905—1906), «Современный Міръ» (до 1917 г.), «Лѣтопись» (1915—1917); старые «народники»—«Русское Богатство» (1892—1918); эпигоны либерализма—«Вѣстникъ Европы» (до 1917 г.); либеральная буржуазія—сперва «Освобожденіе» (1903—1905), потомъ еженедѣльникъ «Полярная Звѣзда» (1905—1906), затѣмъ «Русскую Мысль» (1907—1917); «соціалисты-революціонеры»—«Завѣты» (1912—1914). Ко всей этой журнальной литературѣ надо обратиться, чтобы изучить движеніе русской общественной мысли «между двумя революціями». Изъ отдѣльныхъ дѣятелей этихъ группъ—о «марксистахъ» см. выше гл. XXIV; эпигоны народничества характеризуются публицистикой *Пьшехонова*, рядъ статей котораго соединены въ отдѣльныхъ сборникахъ (см. *Рубакинъ*, «Среди книгъ», т. I, 278—9); «либералы» имѣли во главѣ *П. Милокова*, собравшаго свои статьи въ цѣломъ рядѣ томовъ (*ibid.*, 273); однимъ изъ политическихъ «идеологовъ» соціалистовъ-революціонеровъ былъ *В. Черновъ* (о статьяхъ и книгахъ его—см. *ibid.*, 289), а наиболѣе виднымъ публицистомъ—*Мстиславскій* («Завѣты»). Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ явленій эпохи былъ сборникъ «*Вѣхи*» (1908) и обширная вызванная имъ литература (приведена въ приложеніи къ 5 изданію этого сборника; см. также указанную книгу *Рубакина*, I, 398); ср. во Введеніи настоящаго Указателя.—Эпоха «мировой войны» и послѣдующей революціи совершенно перетасовала бывшія дѣленія; литература этого вопроса выходитъ за предѣлы настоящей книги.

XXX. Заключение.

Въ заключеніе даемъ перечень наиболѣе существенныхъ общихъ трудовъ по исторіи русской общественной мысли, исторіи революціоннаго движенія и исторіи литературы XIX вѣка, на которые мы или совсѣмъ не дѣлали, или дѣлали лишь случайныя ссылки въ предыдущихъ главахъ.—Начнемъ съ «*Исторіи русскаго революціоннаго движенія*»: до сихъ поръ единственной связной исторіей является очень устарѣвшая и поверхностная нѣмецкая книга подъ такимъ заглавіемъ *Туна* (дополнена и исправлена *Шишко*, 1906). Еще слабѣе такая же польская книга въ двухъ томахъ *Кульчицкаго* (по-русски переведенъ только первый томъ). Изъ исторіи революціонныхъ теченій новѣйшаго времени очень поверхностна партійная «*Исторія російской соціалдемократической рабочей партіи*» *М. Лядова* въ двухъ частяхъ (1906); значительную фактическую цѣнность представляетъ двухтомная книга жандармскаго полковника *Спиридовича* «*Революціонное движеніе въ Россіи*» (1914—1916), изданная специально для «охранныхъ» надобностей и попавшая на книжный рынокъ лишь послѣ революціи 1917 года; въ ней документальная, со специфической окраской, исторія революціоннаго движенія отъ начала восьмидесятыхъ годовъ до послѣднихъ дней. Вторая часть дополнена и переработана въ книгу «*Партія соціалистовъ-революціонеровъ и ея предше-*

стевенники» (1918), написанную уже въ иномъ тонѣ и очень цѣнную по документальной сторонѣ. Внутренняя «*Исторія социалистовъ-революціонеровъ*» дана въ книжкѣ *Слетова-Нечетнаго* (переиздана въ 1917 году). Но все это отдѣльныя части картины; общей «*Исторіи русской революціи*» отъ декабристовъ до 1917 года у насъ еще нѣтъ.— Что касается «*Исторія русской общественной мысли*», то подъ такимъ заглавіемъ вышли (1914—1918) три тома *Плеханова*, доводящіе обзоръ до начала XIX вѣка; незаконченныя главы IV-го тома вышли въ 1919 году; отдѣльныя главы этой работы изъ исторіи XIX в. были напечатаны въ «*Современ. Мірѣ*» (1910—1912 гг.). Направленіе всей книги— ортодоксально-марксистское. — Переходнымъ мостомъ отъ «исторіи общественной мысли» къ «исторіи литературы» является книга *Овсяннико-Куликовскаго* «*Исторіи русской интеллигенціи*» въ трехъ частяхъ (1906—1908; четвертая часть - см. «*Вѣстн. Восп.*», 1912); это— исторія развитія «общественно-психологическихъ типовъ» XIX-го вѣка въ русской литературѣ.— Отсюда переходъ къ многочисленнымъ «*Исторіямъ русской литературы XIX вѣка*», изъ которыхъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія сборная пятитомная «*Исторія*» изд-ва «*Мірѣ*» (1908—1912); какъ и во всякомъ сборномъ трудѣ въ ней много слабыхъ и растянутыхъ статей, но есть и цѣнныя главы; въ общемъ это пока единственная подробная исторія русской литературы XIX вѣка. Изъ остальныхъ имѣютъ значеніе «*Очерки по исторіи русской литературы*» *Бенгерова* (1907); характерны по «марксистскому» пониманію «*Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка*» *Андреевича-Соловьева* (1902), и по личности автора— «*Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ*» *Кропоткина* (1907). Остальныя «*Исторіи*» либо очень устарѣли, либо написаны съ популярными или педагогическими цѣлями.— Изъ исторій «новѣйшей» русской литературы совершенно устарѣла наивная «*Исторія новѣйшей русской литературы*» *Скабичевскаго*, но до сихъ поръ не замѣнена никакой болѣе новой сводкой фактическаго матеріала. Разрозненные «*Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы*» *Когана*, т. I и III (1908—1912) крайне поверхностны, особенно въ части касающейся «современниковъ». Незаконченная пока «*Русская литература XX-го вѣка*» (1914—1916 гг.) всѣ недостатки сборнаго изданія искупаетъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, отдѣльными интересными статьями и, главное, цѣнными автобіографическими записками ряда главныхъ писателей и художниковъ словѣ начала XX вѣка— *Бальмонта*, *Брюсова*, *Мережковскаго*, *Л. Андреева*, *Θ. Сологуба*, *Ремизова*, *Вяч. Иванова*, *Ал. Блока*, *Андрея Бѣлаго*.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ.

ОТЪ АВТОРА	СТР. I, 5
----------------------	--------------

ВВЕДЕНИЕ:

I. Что такое интеллигенція?	7
---------------------------------------	---

Обычное слишком широкое пониманіе термина „интеллигенція“; необходимость ограниченія и отграниченія этого понятія.—Отдѣльные „интеллигенты“ и интеллигенція какъ группа; преемственность и внутренняя связь въ этой группѣ; внѣклассовость и внѣсословность. Четыре формальныхъ признака интеллигенціи.

Попытки опредѣлить внутреннее содержаніе понятія „интеллигенціи“; Лавровъ и его теорія критически мыслящихъ личностей. Культура и цивилизація, претвореніе первой во вторую. „Дикари высшей культуры“; антимѣщанство, какъ характерная черта интеллигенціи. Отсутствіе формальныхъ признаковъ, позволяющихъ разъ навсегда раздѣлить регрессивное отъ прогрессивнаго; необходимость обратиться къ изслѣдованію содержанія. Направленіе процесса; творчество новыхъ идеаловъ; цѣль; активность въ достиженіи этой цѣли. Опредѣленіе интеллигенціи.

II. Содержаніе исторіи русской интеллигенціи	22
--	----

Цѣль и задачи исторіи русской интеллигенціи; внѣшняя сторона этой исторіи и ея внутреннее содержаніе; отсутствіе первой въ предлагаемой книгѣ, представляющей изъ себя философію исторіи русской интеллигенціи. „Большая дорога“ въ исторіи развитія русской интеллигенціи и проселочныя дороги; исключительное вниманіе, обращенное на первую.—Философія исторіи русской интеллигенціи—въ то же время и философія русской литературы; литература, какъ фокусъ, собирающій лучи, посланные жизнью. Русская литература—евангеліе русской интеллигенціи. Необходимость руководящей ариадниной нити. Среда и процессъ.

Мѣщанство. Опредѣленіе понятій. Мѣщанство, какъ фонъ, на которомъ происходила исторія русской интеллигенціи. Понятіе „мѣщанства“ и „буржуазіи“; терминологія Герцена; мѣщанство, какъ внѣсословное и внѣклассовое

понятіе. Возможность только формальнаго опредѣленія мѣщанства. Мѣщанство, какъ понятіе этическое.

Индивидуализмъ. Двойкій смыслъ; индивидуализмъ, какъ проблема социологическая и индивидуализмъ, какъ проблема этическая: индивидуализмъ и социализмъ, индивидуализмъ и мѣщанство. Личность и общество; центральное значеніе этой проблемы.

Индивидуализмъ и мѣщанство, какъ главное содержаніе исторіи русской интеллигенціи; борьба съ мѣщанствомъ и борьба за индивидуализмъ (этико-социологическій).

Выводы.

Глава I. Въ преддверіи XIX-го вѣка.

- I. Отсутствие интеллигенціи при наличности отдѣльныхъ „интеллигентовъ“ въ до-Петровскую эпоху. XVIII-ый вѣкъ; революція Петра и Ломоносова. Общій фонъ литературной жизни XVIII-го вѣка—мѣщанство формы, литературное мѣщанство ложно-классицизма 39
- II. Зарожденіе интеллигенціи, какъ преемственной группы, въ екатерининскую эпоху; внѣсословность и внѣклассовость этой группы; сословный составъ и внѣсословные идеалы 42
- III. Сатирическіе листки, полемика Новикова съ Екатериной; личное усовершенствованіе, какъ панацея всѣхъ социальныхъ золъ—точка зрѣнія Екатерины, необходимость социальныхъ реформъ—точка зрѣнія Новикова, какъ представителя русской интеллигенціи. Два теченія—общественное и индивидуалистическое; представители перваго—Новиковъ, Фонвизинъ, Радищевъ, Пнинъ; представитель второго—Державинъ. 46
- IV. Фонвизинъ. „Бригадиръ“ и „Недоросль“; борьба за право человѣка; типъ Стародума: двойственное рѣшеніе вопроса о личности и человѣкѣ. Благо личности и общества—анти-индивидуалистическое рѣшеніе этого вопроса Фонвизинимъ въ „Выборѣ гувернера“ 50
- V. Радищевъ. Принципъ естественнаго права и социально-общественное толкованіе его Радищевымъ. „Человѣкъ“ и „личность“ для общественника и индивидуалиста; срединное положеніе, занятое Радищевымъ и вообще интеллигенціей XVIII-го вѣка; отношеніе къ вопросу о народномъ благѣ и національномъ богатствѣ. Ода „Вольность“. 55
- VI. Продолжатели Радищева. Пнинъ. Сознаніе необходимости синтеза личности и общества. Ода „Человѣкъ“ и „Опытъ о просвѣщеніи“. 62
- VII. Державинъ—какъ представитель другой группы русской интеллигенціи; зачатки индивидуализма. Реальная личность, какъ объектъ поэзіи Державина. Эпикуреизмъ и страхъ смерти 67
- VIII. Вопросъ о „роли личности въ исторіи“: диаметрально-противоположныя точки зрѣнія двухъ группъ русской интеллигенціи (Державинъ и Пнинъ). Соединенная борьба обѣихъ группъ русской интеллигенціи съ мѣщан-

ствомъ въ жизни и въ литературѣ. Борьба съ литературнымъ мѣщанствомъ и постановка проблемы индивидуализма, какъ содержаніе исторіи русской интеллигенціи первой четверти XIX-го вѣка

71

Глава II. Сентиментализмъ и романтизмъ.

I. Рознь между интеллигенціей и высшими сословно-общественными классами конца XVIII-го вѣка. Ложно-классицизмъ послѣднихъ и сентиментализмъ, какъ идеология первой. Сентименталистическія вѣянія въ сатирическихъ листкахъ

74

II. Карамзинъ. „Письма русскаго путешественника“, какъ произведеніе „гуманическое“; шагъ назадъ въ сферѣ интеллектуальнаго развитія, но зато созданіе новыхъ обширныхъ кадровъ русской интеллигенціи. Синтетичность сентиментализма; впервые—приматъ реальной личности надъ абстрактнымъ человѣкомъ, первый шагъ къ этическому индивидуализму. Анти-раціоналистичность сентиментализма. Этический индивидуализмъ и отрицательное отношеніе къ соціологическому номинализму. „Реальная личность“ сентиментализма—анти-реалистическое построеніе, въ которомъ, однако, непосредственныя переживанія индивидуума занимаютъ первое мѣсто. Разрывъ сентиментализма съ абстрактнымъ человѣкомъ. Проповѣдь самосовершенствованія, постепенство—первый шагъ къ разложенію сентиментализма, къ этико-соціологическому номинализму и ультра-индивидуализму

77

III. Сознательная борьба сентиментализма съ литературнымъ мѣщанствомъ; „мѣщанская драма“—сословно-мѣщанская и литературно-анти-мѣщанская. этическое анти-мѣщанство сентиментализма, очеркъ Карамзина „Чувствительный и холодный“, типы Эраста и Леонида.—Разложеніе сентиментализма—его вырожденіе въ литературно-этическое мѣщанство; романтизмъ, какъ преемникъ сентиментализма

88

IV. Что такое романтизмъ?—Обычныя опредѣленія. Мнѣніе Бѣлинскаго.—Романтизмъ, какъ система міровоззрѣнія и какъ психологическая категорія. Стремленіе и проникновеніе „за предѣлы предѣльнаго“, мистицизмъ, какъ религіозный романтизмъ. Три рода романтизма—романтизмъ логическій, этический и эстетическій, романтизмъ мысли, воли и чувства. Характерные ихъ признаки. Совпаденіе этихъ трехъ родовъ романтизма съ романтизмомъ нѣмецкимъ, англійскимъ и французскимъ; Гофманъ, Байронъ, Гюго. Основная черта всякаго романтизма—разрывъ съ обыденностью; рѣзкое анти-мѣщанство романтизма; революціонность его въ конечномъ счетѣ.—Русскій романтизмъ начала XIX-го вѣка—псевдо-романтизмъ

95

V. Жуковскій, какъ главный представитель логическаго псевдо-романтизма. Связь съ Карамзинымъ; поэзія Жуковскаго—сентиментальный псевдоромантизмъ. Реальная фантастика вмѣсто проникновенія „за предѣлы предѣльнаго“; раціоналистическій мистицизмъ вмѣсто романтическаго мистицизма. „Христіанская философія“ Жуков-

- скаго и его проектъ „О смертной казни“.—Значеніе поэзіи Жуковскаго; его сентиментальный псевдо-романтизмъ, какъ первая ступень къ эстетическому индивидуализму.— Борьба съ мѣщанствомъ ложно-классицизма и сентиментализма; „Арзамасъ“ 101
- VI. Пушкинъ. Конѣцъ борьбы съ литературнымъ мѣщанствомъ. „Русланъ и Людмила“, какъ рѣшительный ударъ логическому псевдо-романтизму Жуковскаго, какъ послѣдніе разсчеты Пушкина съ литературнымъ мѣщанствомъ сентиментальнаго псевдо-романтизма и какъ переходъ отъ романтизма логическаго къ этическому. „Байронизмъ“ и его невѣрное пониманіе Пушкинымъ; этический псевдо-романтизмъ его поэзіи. Байроническій псевдо-романтизмъ Пушкина, какъ первая ступень къ социологическому индивидуализму. „Цыганы“. Одновременная личность въ міровоззрѣніи Алеко-Пушкина социологическаго индивидуализма и этическаго анти-индивидуализма.—Лермонговъ и его байроническій псевдо-романтизмъ 111
- VII. Бестужевъ-Марлинскій, какъ представитель „эстетическаго“ псевдо-романтизма въ русской литературѣ. Ультра-романтизмъ Бестужева, какъ послѣдняя вспышка литературнаго мѣщанства. Послѣдніе удары этому мѣщанству: Пушкинъ — типъ Алексѣя Берестова, Лермонтовъ—типъ Грушницкаго. Смерть мѣщанскаго ультра-романтизма въ борьбѣ съ реализмомъ 125

Глава III. Декабристы.

- I. Преемственная связь между русской интеллигенціей XVIII и XIX столѣтій; Новиковъ, Радищевъ и декабристы; вліяніе масонства и разрывъ съ нимъ интеллигенціи двадцатыхъ годовъ. Значеніе національныхъ и освободительныхъ войнъ 1812—1815 гг. для русскаго самосознанія. Ожиданіе политической реформы сверху и скорое разочарованіе. Рѣчь Александра I и эпиграмма Пушкина. Переходъ русской интеллигенціи отъ конституціонныхъ надеждъ къ революціоннымъ мыслямъ 136
- II. Тайныя общества; ихъ возникновеніе и развитіе. „Союзъ Спасенія“; его возникновеніе и разложеніе; его основныя задачи. „Союзъ Благоденствія“; его значеніе въ дѣлѣ пропаганды идей декабризма; вытѣсненіе въ немъ этики политикой, какъ одна изъ причинъ упраздненія Союза Благоденствія. Южное и Сѣверное тайныя общества. Цѣли и задачи декабристовъ 144
- III. Декабризмъ, какъ въ общемъ внѣклассовое и внѣсословное теченіе. Теченія и группы въ декабризмѣ; три главныхъ направленія. Н. Муравьевъ, Н. Тургеневъ и Пестель 150
- IV. Взгляды Н. Муравьева: родовая и денежная аристократія, какъ узда деспотизма; проектъ конституціи; экономическій либерализмъ и приматъ политическаго надъ социальнымъ. 155
- V. Взгляды Н. Тургенева: приматъ социальнаго надъ политическимъ; проекты социальной реформы. „Опытъ теоріи налоговъ“ и экономическій либерализмъ; таможенный тарифъ 1819 г. Примѣчанія Н. Тургенева къ проекту

конституціи Н. Муравьева. Значеніе Н. Тургенева среди декабристовъ	160
VI. Взгляды Пестеля: система послѣдовательнаго демократизма и республиканскія тенденціи; синтезъ соціального и политическаго	170
VII. „Русская Правда“ Пестеля; первоначальная и окончательная редакція. Внѣсословный и внѣклассовый характеръ идеаловъ Пестеля; его взгляды на земельный вопросъ. Общинное землепользованіе и частная земельная собственность, какъ взаимныя коррективы; ошибка Пестеля	174
VIII. Значеніе Пестеля для декабризма и для исторіи русской общественной мысли. Этико-соціологическія основанія; утилитаризмъ и раціонализмъ Пестеля	181
IX. Внѣсословность и внѣклассовость декабризма; три основныя его теченія; методологическая схема и дѣйствительность. Значеніе декабризма для послѣдующаго развитія русской общественной мысли	189

Глава IV. Пушкинъ и Лермонтовъ.

I. Декабристы въ литературѣ. Отношеніе Грибоѣдова и Пушкина къ декабризму съ одной стороны и къ этическому мѣщанству—съ другой. Реализмъ, какъ новое оружіе борьбы русской интеллигенціи съ этическимъ мѣщанствомъ. Что такое реализмъ?—Реализмъ, какъ психологическая категорія и система міровоззрѣнія; самоограниченіе эмпирической дѣйствительностью. Раціонализмъ, какъ философскій реализмъ. Реализмъ и романтизмъ, поллярность ихъ; трагическія коллизіи и ихъ совмѣщенія (псевдо-романтики, Лермонтовъ, Гл. Успенскій, Гаршинъ и др.). Неизбѣжность реализма для русской интеллигенціи XIX-го вѣка	II, 5
II. Пушкинъ, какъ величайшій представитель реализма въ русской жизни и литературѣ. „Реальная личность“, какъ реалистическое построеніе. Наличность у Пушкина трехъ родовъ индивидуализма—соціологическаго, этическаго (вслѣдъ за Карамзинымъ) и эстетическаго (вслѣдъ за Жуковскимъ). Поворотный пунктъ—1825 г.; „Борисъ Годуновъ“; разрывъ съ романтизмомъ. Постепенный переходъ Пушкина отъ соціологическаго къ эстетическому индивидуализму. Теорія искусства для искусства; рѣшеніе этой проблемы Пушкинымъ: цѣль искусства—въ искусствѣ, но цѣль художника, какъ человека—въ самой жизни	10
III. Теорія эта въ произведеніяхъ Пушкина; „Скупой рыцарь“ и „Моцартъ и Сальери“, какъ художественное отраженіе этой теоріи	14
IV. Рѣшеніе Пушкинымъ проблемы соціологическаго индивидуализма. „Галубъ“: гибель непобѣжденной личности въ борьбѣ съ обществомъ; „Маленькій всадникъ“—гибель побѣжденной въ этой борьбѣ личности. Двойственнаго отношенія Пушкина къ Петру	18
V. Противопоставленіе личности опредѣленной общественной группѣ; Пушкинъ и бюрократическая аристократія, его борьба съ мѣщанствомъ жизни; идеаль родовой аристократіи; утопизмъ и ошибки Пушкина. Ненависть	

къ этическому мѣщанству; гибель среди него и въ борьбѣ съ нимъ; гибель, но не поражение	25
VI. Лермонтовъ; анти-мѣщанство—его основная черта; борьба его съ мѣщанствомъ жизни, какъ таковой, и связь его въ этомъ съ Чеховымъ. Ошибочное мнѣніе о пессимизмѣ Лермонтова.	32
VII. Раздвоеніе Лермонтова: романтическіе порывы и реалистическія пути; стремленіе „за предѣлы предѣльнаго“ и жадная любовь къ земному; оптимизмъ Лермонтова. Пантеизмъ Лермонтова, какъ компромиссъ между романтическими чувствами и реалистическими взглядами	37
VIII. Жажда жизни; разрывъ съ обыденностью; „Мцыри“. Мотивъ одиночества, переходъ Лермонтова отъ эстетическаго индивидуализма къ социологическому; индивидуализмъ Лермонтова, какъ слѣдствіе его анти-мѣщанства; у Пушкина—обратное. Отсутствіе этическаго индивидуализма. Гибель Лермонтова въ трагическомъ одиночествѣ; гибель, но не поражение, въ борьбѣ съ мѣщанствомъ жизни	41
IX. Пушкинъ и Лермонтовъ, полярность ихъ: отъ индивидуализма къ анти-мѣщанству и отъ анти-мѣщанства къ индивидуализму; цѣльность и раздвоенность; эллинизмъ и іудей. Наслѣдники Пушкина—Гоголь, Тургеневъ, Л. Толстой; наследники Лермонтова—Достоевскій, Чеховъ, „декаденты“	47

Глава V. Эпоха официальнаго мѣщанства.

I. Разгромъ русской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ. Государственное мѣщанство, какъ подпочва мѣщанства этическаго.	52
II. Эпоха официальнаго мѣщанства (1825—1855 г.). Характеристика ея.	55
III. Государственная опека; мундиръ	60
IV. Терроръ системы официальнаго мѣщанства послѣ 848 г.; циркуляры 1848—1855 гг.; общій девизъ—„не разсуждать, повиноваться“.	66
V. Разрѣзъ историческаго пласта эпохи официальнаго мѣщанства—Козьма Прутковъ. Характеристика этого писателя и его значеніе—живое воплощеніе въ немъ главныхъ сторонъ системы официальнаго мѣщанства.	71

Глава VI. Гоголь.

I. Безсознательная сатира на эпоху и систему официальнаго мѣщанства. Поэтъ „растительной жизни“; „растительность“, какъ первый этапъ на пути къ мѣщанству; постепенная градація на этомъ пути въ типахъ Гоголя; достигнутый апогей въ „Мертвыхъ душахъ“.	80
II. Страхъ Гоголя передъ изображенной имъ „мглою жизни“; попытка однимъ ударомъ добить этическое мѣщанство; переходъ къ „Перепискѣ“; замѣна „неумолимаго рѣзца“ сатиры перомъ публициста.	82

III. „Переписка“, апологія системи офіціального мѣщанства вмѣсто борьбы съ ней; этическое мѣщанство Гоголя.	88
IV. Сознаніе своего безсилія и возвращеніе къ художественному творчеству; второй томъ „Мертвыхъ душъ“; стремленіе однимъ ударомъ поразить мѣщанство; типы „идеальныхъ людей“; вѣтричное пораженіе Гоголя мѣщанствомъ.	93
V. Теорія самосознания у Гоголя; аскетизмъ его; рационализмъ Гоголя; полное отсутствіе религіозной романтики. Гибель побѣжденнаго Гоголя въ борьбѣ съ мѣщанствомъ.	97

Глава VII. Гончаровъ.

I. Гончаровъ, какъ апологетъ и проповѣдникъ мѣщанскихъ идеаловъ и идеологъ этическаго мѣщанства. „Обыкновенная исторія“, типъ Адуева-дяди; ошибка Бѣлинскаго.	101
II. Адуевъ, какъ положительный типъ; характерность его; „адиевщина“ эпохи офіціального мѣщанства. Дальнѣйшее развитіе этого типа въ Штольцѣ.	104
III. „Обломовъ“. Обломовъ, какъ переходъ отъ растительности къ мѣщанству.	109
IV. Штольцъ; эволюція адиевщины	113
V. „Обрывъ“, безсиліе Гончарова построить типъ не мѣщанскій (Волоховъ). Преемникъ Адуева и Штольца—Тушинъ. Гончаровъ и его герои; знакъ равенства между ними.	119
VI. Гончаровъ—Адуевъ въ кругосвѣтномъ плаваніи; „Фрегатъ Паллада“; плаваніе по казенной надобности. Фиксированіе въ художественномъ словѣ идеаловъ этическаго мѣщанства. Письма Гончарова. „Больной мѣщанинъ“.	124
VII. „Объективизмъ“ Гончарова; безсиліе его „психологическаго анализа“; отсутствіе чувства мѣры въ описаніи необыкновеннаго. Произведенія Гончарова, какъ пѣснь торжествующаго мѣщанства; фіаско. Значеніе Гончарова; осужденіе обломовщины и восхваленіе адиевщины. Гибель самого Гончарова въ мѣщанствѣ.	136

Глава VIII. Лишніе люди.

I. Лишніе люди, какъ неизбежные результаты системы офіціального мѣщанства. Ихъ предтечи въ аракеевскую эпоху—Кавказскій плѣнникъ, Алеко, Чацкій. Разочарованность, исканіе и протестъ.	141
II. Онѣгинъ и Печоринъ. Приматъ реальной личности надъ истиной. Отсутствіе силы у Онѣгина; невѣрно направленная сила у Печорина и раздвоенность его. Раздвоенность, какъ характерная черта лишнихъ людей.	143
III. Типы лишнихъ людей—Чулкатуринъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда.	146
IV. Бельтовъ.	151
V. Рудинъ.	154

VI. „Активная слабость“ лишних людей; раздвоенность между реалистическимъ и романтическимъ типами; „умъ съ сердцемъ нѣ въ ладу“; раздвоенность между индивидуализмомъ и мѣщанствомъ. Роль лишнихъ людей въ исторіи эволюціи русской интеллигенціи; судьба ихъ. 159

Глава IX. Тридцатые годы.

I. Исторія русской интеллигенціи въ эпоху официального мѣщанства.	164
II. Философскій романтизмъ части русской интеллигенціи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Родоначальникъ русскаго шеллингянства — Велланскій и его работы; нѣмецкая философія въ Россіи начала XIX вѣка и отношеніе къ ней общества и правительства. Кружокъ профессора Павлова; „архивные юноши“.	170
III. „Общество любителей“. Изданіе „Мнемозины“ и значеніе ея въ исторіи русской мысли. Кн. В. Одоевскій, Кюхельбекеръ и др.; кружокъ Веневитинова.	175
IV. Воспріятіе эстетическихъ взглядовъ Шеллинга; эстетическій индивидуализмъ русскихъ шеллингянцевъ и возможное ихъ вліяніе на Пушкина; борьба ихъ съ сентиментальнымъ псевдо-романтизмомъ. Изданіе „Московского Вѣстника“; распаденіе кружка „любителей“.	181
V. Тридцатые годы, — кружокъ Станкевича; связь его съ русскимъ шеллингянствомъ двадцатыхъ годовъ.	186
VI. Философія Станкевича и его постепенная эволюція.	190
VII. Шеллингъ и Фихте.	194
VIII. Гегель. Конецъ философскаго романтизма и переходъ къ реализму въ статьяхъ Бѣлинскаго начала сороковыхъ годовъ. Распаденіе кружка Станкевича.	199
IX. Кружокъ Герцена. „Умозрительныя“ и „соціальныя“ идеи тридцатыхъ годовъ и столкновенія ихъ. Эволюція Герцена отъ „соціальности“ къ „умозрительности“ и эволюція Бѣлинскаго отъ „умозрительности“ къ „соціальности“.	205
X. Сосединеніе кружковъ Станкевича и Герцена.	210

Глава X. Бѣлинскій.

I. Реализмъ Бѣлинскаго и его философскій романтизмъ. Проблема „любви“ въ кружкѣ Станкевича.	III, 5
II. Эстетическій индивидуализмъ русской интеллигенціи въ періодѣ шеллингянства; теоріи Бѣлинскаго; романтическая теорія искусства; приматъ реальной личности.	8
III. Переходъ къ философіи Фихте; этическій индивидуализмъ и анти-мѣщанство; насильственный разрывъ съ реализмомъ. Русское фихтианство и Лермонтовъ.	11
IV. Крайности русскаго фихтианства; уклонъ къ этическому ультра-индивидуализму; неизбежное, хотя и временное мѣщанство.	15
V. Гегельянство, какъ спасеніе отъ мѣщанства и псевдо-романтизма. „Московский Наблюдатель“; статьи Бакунина. Этический и социологическій анти-индивидуализмъ русскаго гегельянства; апофеозъ „дѣйствительности“; ко-	

нецъ философскаго псевдо-романтизма. Переходъ къ сороковымъ годамъ.	19
VI. Развитие Бѣлинскимъ теорій гегельянства въ смыслѣ философскаго реализма; отождествленіе „разумной дѣйствительности“ съ реальной дѣйствительностью и съ исторической необходимостью. Пожертвованіе реальной личностью для избавленія отъ философскаго романтизма и для укрѣпленія реалистическаго міровоззрѣнія; переходъ къ реализму, сопровождаемый рѣзкимъ поворотомъ отъ реальной личности къ абстрактному человѣку. Соціологическій анти-индивидуализмъ, какъ характеристика переходнаго періода между тридцатыми и сороковыми годами	22
VII. „Очерки Бородинскаго сраженія“. Органическая теорія общества; вліяніе шеллингянства; связь съ славянофильствомъ. Общество, какъ расширеніе (а не ограниченіе) человѣческой личности; попытка примиренія этического индивидуализма съ соціологическимъ анти-индивидуализмомъ	26
VIII. Вѣрное истолкованіе Гегеля. Сохраненіе эстетическаго индивидуализма и даже переходъ къ эстетическому ультра-индивидуализму („Менцель“). Отзвуки мѣщанства; апологія обыденности; отождествленіе „обыденности“ съ „дѣйствительностью“. Промежуточный періодъ между тридцатыми и сороковыми годами: соціологическій анти-индивидуализмъ, эстетическій ультра-индивидуализмъ; примать абстрактнаго человѣка надъ реальной личностью и начало перехода отъ романтизма къ реализму.	32
IX. Бунтъ противъ соціологическаго анти-индивидуализма. „Неразумная дѣйствительность“. Соціологическій индивидуализмъ; примать реальной личности; этический индивидуализмъ Бѣлинскаго	36
X. Окончательный переходъ къ реализму	40
XI. Терминологія: реализмъ и идеализмъ, романтизмъ и номинализмъ. Философскій индивидуализмъ Бѣлинскаго	44
XII. Соціализмъ; дѣйствительность на почвѣ социальности	49
XIII. Утопическій соціализмъ, отношеніе къ нему Бѣлинскаго. Этический индивидуализмъ Бѣлинскаго; отрицательное отношеніе къ утилитаризму. Ошибки Бѣлинскаго, самопротиворѣчіе его: смѣшеніе соціологическаго индивидуализма и этического анти-индивидуализма; теорія прогресса; „шигалевщина“ въ пространствѣ и шигалевщина во времени. Развитие этихъ идей въ послѣдствіи Герценомъ	53
XIV. Отношеніе къ славянофильству; первые звуки народничества.—Реакція противъ былаго эстетизма, но не утилитаризмъ въ искусствѣ	59
XV. Бѣлинскій, какъ знамя русской интеллигенціи.	63

Глава XI. Западники и славянофилы.

I. „Великій расколъ“ русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ. Причина раскола; центральный его пунктъ—проблема индивидуализма. Начало раскола—1825 г.; кружки

- Веневитинова и Станкевича. Славянофильство и западничество, какъ полюсы въ психологическихъ типахъ мышленія. Общая идея, лежащая въ основѣ и западничества, и славянофильства: проблема философіи исторіи, вопросъ объ особомъ пути развитія Россіи. Постановка этихъ вопросовъ Чаадаевымъ. Чаадаевъ. Его значеніе въ исторіи русской общественной мысли; его внѣшняя связь съ декабристами и расхожденіе съ ними: соціально-политическіе интересы декабристовъ и философо-историческіе запросы Чаадаева. „Философическія письма“ Чаадаева и система его міровоззрѣнія 68
- II. Историческій процессъ и прогрессъ; смыслъ исторіи. Христіанство (католичество), какъ внутренняя идея процесса исторіи. Европа и Россія; ошибочный путь второй; единство пути прогресса. Необходимость для Россіи перейти на обще-европейскій путь историческаго развитія. 72
- III. Изолированность Чаадаева и внѣшность его связи съ предшествующей исторіей русской интеллигенціи. Вліяніе на Чаадаева эпохи официальнаго мѣщанства; обычная переоцѣнка этого вліянія. Чаадаевъ, какъ родоначальникъ соціально-философскихъ запросовъ русской интеллигенціи и какъ предшественникъ Герцена; его связь съ послѣдующей исторіей русской общественной мысли. Вопросъ о мистицизмѣ Чаадаева. Раціонализмъ; ирраціонализмъ не есть еще мистицизмъ; псевдо-мистицизмъ Чаадаева и его рѣшеніе съ этой плоскости вопросовъ философіи исторіи 76
- IV. Борьба съ позитивными теоріями прогресса, но въ то же время типично „шигалевское“ рѣшеніе вопроса о прогрессѣ. Крайній этическій и соціологическій антииндивидуализмъ Чаадаева. Вліяніе Чаадаева на западничество и славянофильство; обычная ошибка терминологіи—причисленіе Чаадаева къ западникамъ; его точки соприкосновенія со славянофильствомъ 81
- V. Эволюція взглядовъ Чаадаева; мысль о возможности особаго пути развитія Россіи; предвосхищеніе Чаадаевымъ основныхъ положеній народничества. „Апология сумасшедшаго“. Вліяніе Чаадаева на современную ему интеллигенцію 86
- VI. Отношеніе западничества и славянофильства къ проблемамъ, впервые поставленнымъ Чаадаевымъ; пункты расхожденія. Реалистичность западничества и романтичность славянофильства; разногласіе въ частныхъ вопросахъ. Борьба славянофильства съ воображаемымъ соціологическимъ ультра-индивидуализмомъ западниковъ и борьба западничества съ воображаемымъ этическимъ антииндивидуализмомъ славянофиловъ. Отношеніе къ „націи“ и „народу“. Идея національности. Борьба славянофиловъ съ соціологическимъ номинализмомъ; согласіе съ ними Бѣлинскаго; борьба съ „гуманическимъ космополитизмомъ“. Отношеніе къ космополитизму; диссертация К. Аксакова. Ошибка славянофильства; смѣшеніе понятій „націи“ и „народа“ 90
- VII. Споръ между славянофильствомъ и западничествомъ о значеніи личности. Теорія родового быта; статья Кавелина 96

VIII. Возраженія Самарина и дальнѣйшая полемика. Смѣшеніе понятій „личности“ и „человѣка“; попытка ихъ разграниченія Кавелинымъ и Самаринимъ. Характерная печатка; теорія „приниженія“ личности	101
IX. Теорія Хсмякова. Взаимное непониманіе славянофиловъ и западниковъ; одинаковое уваженіе начала личности и тѣми и другими	105
X. Община въ пониманіи славянофиловъ; община, не какъ экономическая, а прежде всего какъ этическая концепція. Общинное начало, какъ противовѣсь соціологическому номинализму и теоріи искусственной ассоціаціи. Община и личность: политическая романтика. Этический индивидуализмъ славянофильства.	111
XI. Теорія К. Аксакова; Земля и Государство. Личность и государство; анархистскія тенденціи славянофильства. Интеллигенція, какъ „народъ самосознающій“ (опредѣленіе И. Аксакова). Общая характеристика славянофильства. Религіозный романтизмъ; философскій антииндивидуализмъ; этический индивидуализмъ. Теорія естественнаго права. Пропасть (философская и психологическая) между западничествомъ и славянофильствомъ; точка соприкосновенія. Соціологическій индивидуализмъ западничества и этический индивидуализмъ славянофильства, какъ рѣшеніе съ двухъ различныхъ сторонъ одной и той же проблемы; взаимодополнительность этихъ рѣшеній	115
XII. Западничество и славянофильство, какъ союзники въ борьбѣ съ системой официальнаго мѣщанства. Ненависть къ этическому мѣщанству	120
XIII. Дальнѣйшія судьбы славянофильства и западничества. Славянофильство, какъ консервативное доктринерство; вырожденіе его въ доктринерство реакціонное. Вырожденіе западничества въ доктринерство либеральное. Синтезъ лучшихъ сторонъ славянофильства и западничества; народничество. Герценъ; мостъ между соціологическимъ индивидуализмомъ западниковъ и этическимъ индивидуализмомъ славянофиловъ	123

Глава XII. Герценъ.

I. Первые входы социализма въ исторіи русской общественной мысли; увлеченіе сенъ-симонизмомъ въ кружкѣ Герцена и Огарева. Эволюція этого кружка.	128
II. Попытка рѣшенія Герценомъ проблемы индивидуализма: „По поводу одной драмы“. Требованіе „жить во всѣ стороны“	131
III. Совмѣстима ли широта личности съ глубиной? Отвѣты Герцена, „Дилетантизмъ въ наукѣ“ и „Буддизмъ въ наукѣ“. Индивидуализмъ въ наукѣ къ Требованію совмѣщенія широты съ глубиной	134
IV. „Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести“ и „Новыя варіаціи на старыя темы“; соціологическій индивидуализмъ Герцена; вѣрное рѣшеніе имъ вопроса объ эгоизмѣ. Приматъ реальной личности	138
V. Герценъ за границей. Отношеніе къ буржуазіи; терминъ „мѣщанство“, какъ имѣющій этическое значеніе.	

- Разногласіе съ Бѣлинскимъ. Характеристика мѣщанства Герценомъ; противоположеніе индивидуализма и мѣщанства, какъ этическихъ понятій. Анти-мѣщанство Герцена, какъ основа его міровоззрѣнія; сходство съ Лермонтовымъ. Анти-мѣщанство Герцена, какъ основа его теоріи народничества. 144
- VI. Герцень и февральская революція. „Съ того берега“. Отходная мѣщанской Европѣ. Вѣра въ возможность особаго соціально-экономическаго пути развитія Россіи, какъ начало народничества; утопія Герцена. Община . . . 150
- VII. Борьба съ либеральнымъ доктринаризмомъ и проповѣдь освобожденія крестьянъ съ землей. Разрывъ съ эпигонами западничества и приближеніе къ славянофильству. Возможность особаго пути развитія Россіи; Герцень о категоріяхъ возможности и необходимости . . . 156
- VIII. Связь Герцена съ славянофильствомъ и западничествомъ 161
- IX. Община и личность; рѣшеніе Кавелина, принятое Герценомъ. Философія исторіи Герцена; зависимость проблемы индивидуализма отъ соціально-философскихъ вопросовъ, впервые поставленныхъ Чаадаевымъ. Что такое прогрессъ? Отрицаніе телеологичности историческаго процесса; разсматриваніе Герценомъ этого процесса im Sein; прогрессъ какъ свойство развитія. Неприложимость категоріи цѣлесообразности къ историческому процессу. Ошибка Герцена, впоследствии повторенная русскимъ марксизмомъ 167
- X. Отсутствие смысла всемірной исторіи; „свирѣпѣйшая имманенція“ Герцена. Настоящее, какъ цѣль историческаго процесса 172
- XI. Приложеніе этихъ теорій Герцена къ его рѣшенію этической проблемы индивидуализма; приматъ настоящаго надъ будущимъ — приматъ реальной личности надъ абстрактнымъ челоукомъ. Философско-историческій индивидуализмъ Герцена; вытекающій отсюда его соціологическій индивидуализмъ. Синтезъ Герценомъ соціологическаго индивидуализма западничества и этическаго индивидуализма славянофильства въ философско-историческомъ индивидуализмѣ; содержаніе народничества . . . 177
- XII. Фактическое рѣшеніе народничествомъ проблемы индивидуализма отождествленіемъ понятій личности и мужика. Приматъ соціальнаго надъ политическимъ; анархистскія тенденціи въ народничествѣ. „Нація“ и „народъ“. Ошибка Герцена. Характеристика и опредѣленіе народничества Герцена 183
- XIII. Народничество Герцена, какъ догматическо-оптимистическое построеніе. Постепенный переходъ Герцена отъ догматическаго къ критическому и отъ оптимистическаго къ пессимистическому народничеству. Характерныя разночтенія (въ „Концахъ и Началахъ“). Основная ошибка Герцена; анти-мѣщанство интеллигенціи, какъ внѣсословной, внѣклассовой группы народа; анти-мѣщанство, какъ характерное свойство именно русской интеллигенціи 190
- XIV. Необходимость признанія выдающагося значенія народничества въ исторіи русской интеллигенціи; народ-

	стр.
ничество Герцена, какъ завершение стараго и начало новаго періода этой исторіи	195

Глава XIII. Шестидесятые годы.

I. Законъ Лешателье и социальная динамика. Стихийность движенія шестидесятыхъ годовъ. Гибель системы оффиціального мѣщанства. 19-ое февраля 1861 года . . .	IV, 5
II. Русская интеллигенція и социализмъ. „Разночинецъ пришелъ!“ — внѣклассовость и внѣсословность русской интеллигенціи по составу. Буржуазія въ шестидесятыхъ годахъ; фритредерство и протекціонизмъ	7
III. Первая и вторая половина шестидесятыхъ годовъ; точка перелома—1861 годъ. Неудовлетворенность реформой. Прокламации. „Земля и Воля“; разгромъ ея. Выстрѣлъ Каракозова; бѣлый терроръ конца шестидесятыхъ годовъ	11
IV. Первая половина шестидесятыхъ годовъ. Дѣятельность Герцена и Чернышевскаго; между первой и второй половиной — Добролюбовъ. Вторая половина шестидесятыхъ годовъ; Писаревъ; нигилизмъ	15
V. Дифференціація русскаго общества. Центральный вопросъ эпохи—община или частное землевладѣніе? Крушеніе либеральныхъ надеждъ и переходъ социалистической части интеллигенціи на революціонный путь. Эволюція взглядовъ Чернышевскаго	18
VI. Начало дѣятельности Чернышевскаго. Борьба съ либералами-манчестерцами; „О поземельной собственности“, „О новыхъ условіяхъ вельскаго быта“. Разочарованіе въ реформахъ. „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“	21
VII. Отъ либерализма къ революціонности. Позднѣйшій романъ Чернышевскаго „Прологъ“, какъ историческій документъ. Заключительная глава романа „Что дѣлать?“; вѣра въ революцію	23
VIII. Исторія русской мысли въ шестидесятыхъ годахъ. Лѣвые гегельянцы; Фейербахъ и его вліяніе. „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ Чернышевскаго. Прекрасное и полезное. Добролюбовъ и Писаревъ. „Разрушеніе эстетики“	27
IX. Добролюбовъ, его вліяніе и значеніе. Отъ „эстетики“ къ „этикѣ“. Статья Чернышевскаго „Антропологическій принципъ въ философіи“. Матеріализмъ; полемика съ Юркевичемъ. Дальнѣйшіе шаги Писарева къ догматическому матеріализму	31
X. „Разрушеніе морали“; утилитаризмъ. Романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“ Положительное и отрицательное значеніе „крайностей“ шестидесятыхъ годовъ	35
XI. Писаревъ, его вліяніе и значеніе. Демократы-социалисты „Современники“ и демократы-индивидуалисты „Русскаго Слова“, какъ властители думъ первой и второй половины шестидесятыхъ годовъ. „Разночинцы“ и „кающіеся дворяне“. Общественныя чаянія и ожиданія Писарева	39
XII. Статьи Писарева „Разрушеніе эстетики“, „Посмотримъ!“, характерныя для „мыслящихъ реалистовъ“ конца	

шестидесятихъ годовъ. Отъ Фейербаха къ Бюхнеру. Отъ Писарева къ нигилизму	43
XIII. Нигилизмъ. Сущность его—отрицаніе всёхъ цѣнностей, и объективныхъ, и субъективныхъ. Типы „нигилистовъ“ въ беллетристикѣ шестидесятихъ годовъ. Характеристика нигилизма Пироговымъ. „Нигилисты“ и „мыслящіе реалисты“	46
XIV. Конѣцъ шестидесятихъ годовъ—переходъ отъ „мыслящихъ реалистовъ“ къ „нигилистамъ“. Характеристика этого перехода Михайловскимъ въ статьѣ „Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ“. Живое дѣло и мертвыя формулы. Герценъ о нигилистахъ. Тупицкъ. Конѣцъ шестидесятихъ годовъ и новые пути	51

Глава XIV. Чернышевскій.

I. Чернышевскій. Связь съ Герценомъ; отрицательное отношеніе къ утопическому социализму	58
II. Центръ тяжести міровоззрѣнія Чернышевскаго; народное благосостояніе и національное богатство; дилемма	61
III. Условное рѣшеніе этой дилеммы Чернышевскимъ, гипотетическія выкладки: два возможныхъ случая	64
IV. Приматъ распредѣленія надъ производствомъ. О раздѣленіи труда, физиологическомъ и экономическомъ; примирительное рѣшеніе Чернышевскаго и непримѣнимость его. Абстрактность критерія „народнаго благосостоянія“; благо реальной личности. Яркій социологическій индивидуализмъ Чернышевскаго; крайній социологическій номинализмъ его	68
V. Приложение принципа „народнаго благосостоянія“ къ частнымъ вопросамъ. Община. Перенесеніе спора на практическую почву. Взгляды Кавелина; разграниченіе общины поземельной и административной; одобреніе Самарина	75
VI. Взгляды Чернышевскаго. Национализація общинныхъ земель; возраженія противъ государственнаго закрѣпленія общины, идеализація „расторговавшагося мужичка“. Ошибка Чернышевскаго: частное владѣніе не есть коррективъ общиннаго. Признаніе Чернышевскимъ своей ошибки	79
VII. Возможность скачка черезъ капиталистическій періодъ развитія. Особый путь развитія Россіи: буквальное пониманіе этой формулы Чернышевскимъ и рѣзкое разногласіе съ Герценомъ	84
VIII. Опроверженіе взгляда о мѣщанствѣ Европы. Причины разногласія съ Герценомъ	88
IX. Борьба съ либеральнымъ доктринерствомъ эпигоновъ западничества. Анти-индивидуалистичность экономического либерализма. Индивидуализмъ какъ основной принципъ и социализмъ, какъ конечный идеаль у Чернышевскаго и вообще въ народничествѣ	91
X. Философская основа міровоззрѣнія Чернышевскаго. Материалистическій монизмъ. Типичный реализмъ эпохи шестидесятихъ годовъ; рационализмъ ея. Рационализмъ въ этикѣ; утилитаризмъ, какъ этической анти-индивидуализмъ Ошибка Чернышевскаго; измѣреніе этической цѣн-	

ности дѣйствія его соціальной пользой; отождествленіе соціологическаго принципа блага реальной личности съ этической нормой. Параллель шестидесятыхъ годовъ съ девяностыми; утилитаризмъ и фатализмъ въ этикѣ. Основная черта міровоззрѣнія Чернышевскаго и всей эпохи шестидесятыхъ годовъ; совмѣщеніе соціологическаго индивидуализма съ этическимъ анти-индивидуализмомъ 95

Глава XV. Добролюбовъ.

- I. Добролюбовъ, какъ звено между двумя половинами эпохи шестидесятыхъ годовъ. Дѣятельность Добролюбова и Чернышевскаго, какъ взаимодополнительная. Вліяніе Чернышевскаго; неоригинальность соціально-экономическихъ воззрѣній Добролюбова. Приматъ народнаго надъ національнымъ и соціальнаго надъ политическимъ 101
- II. Вопросъ о личности и ея значеніи. Лишніе люди, отношеніе къ нимъ Чернышевскаго и Добролюбова въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ; перемѣна взглядовъ около 1859 г. 105
- III. Отношеніе къ мѣщанству; „темное царство“ и „обломовщина“ 115
- IV. Ошибочное отождествленіе лишнихъ людей и мѣщанъ 119
- V. Взгляды Чернышевскаго и Добролюбова на эстетику. Диссертация Чернышевскаго; ошибочное мнѣніе объ его эстетическомъ анти-индивидуализмѣ; перемѣна его взглядовъ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Утилитаристическій критерій въ этикѣ у Добролюбова; его эстетическій анти-индивидуализмъ. Значеніе и роль Добролюбова въ исторіи русской общественной мысли . . . 123

Глава XVI. Писаревъ.

- I. Писаревъ: періоды его дѣятельности. Отношеніе къ мѣщанству и лишнимъ людямъ; „карлики“ и „вѣчныя дѣти“. Зависимость отъ Чернышевскаго и разногласія съ нимъ. Взгляды на личность; юношескій эгоизмъ 131
- II. Утилитаризмъ и фритредерство; параллель. Переломъ воззрѣній Писарева (1863—64 г.). Отрицаніе „общаго идеала“ и наличность его 138
- III. Взгляды на задачу воспитанія; статья Пирогова и отношеніе къ ней Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева. 143
- IV. Задача критики; теоріи Бѣлинскаго и повтореніе въ обратномъ порядкѣ хода развитія этихъ теорій Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ; возвращеніе Писарева къ фикціанскимъ взглядамъ Бѣлинскаго 146
- V. Статья „Базаровъ“ (1862 г.); стегей развитія теоріи отрицанія теорій и идеала отрицанія идеаловъ 153
- VI. Переломъ. Одинокое заключеніе. Разработка общественно-историческихъ вопросовъ; колебаніе между детерминизмомъ и индетерминизмомъ 157
- VII. Статья „Реалисты“ (1864 г.). Типъ „мыслящаго реалиста“; наличность „общаго идеала“. Соціалистическіе взгляды Писарева. Крайній рационализмъ Писарева; рѣшеніе соціальнаго вопроса созданіемъ „мыслящаго пролетаріата“; теоріи самосовершенствованія и „кружковщины“ . . 161

VIII. Отношеніе къ эстетикѣ; продолженіе воззрѣній Чернышевскаго и Добролюбова. „Разрушеніе эстетики“ Писаревымъ во второмъ періодѣ его дѣятельности; эстетическій анти-индивидуализмъ. Ошибка Писарева; различіе системъ морали не опровергаетъ общеобязательности этическихъ нормъ; приложимость этого же принципа и къ эстетикѣ. Аргументація отъ личнаго вкуса. Самопротиворѣчія Писарева, тождественныя съ самопротиворѣчіями Чернышевскаго. Мертвая зыбь индивидуализма и анти-индивидуализма; гибель въ ней Писарева 168

Глава XVII. Нигилизмъ.

I. Писаревщина и ниѣилизмъ; опредѣленіе понятій. Мыслящіе реалисты и ниѣилисты; послѣдніе, какъ эпигоны первыхъ 176

II. Базаровъ; отношеніе къ нему Тургенева. Отрицательное отношеніе къ „шигалевщину“ во времени“. Череванинъ и его „кладбищенство“; ниѣилизмъ, какъ разложеніе міровоззрѣнія шестидесятыхъ годовъ; ниѣилизмъ, какъ радикальное мѣщанство 178

III. Слова Михайловскаго; мнѣніе Герцена о „Собакевичахъ ниѣилизма“ 184

IV. Основное противорѣчіе эпохи шестидесятыхъ годовъ; соціологическій индивидуализмъ и этический анти индивидуализмъ. Заключение 188

Глава XVIII. Семидесятые годы.

I. Итоги предшествовавшаго десятилѣтія; поставленныя и неразрѣшенныя имъ проблемы. Реакція писаревщины V, 5

II. Еще разъ Кавелинъ и Самаринъ; „Задачи психологіи“ перваго и отзывъ о нихъ втораго. Признаніе семидесятниками необходимости „общаго идеала“. Теоретическое рѣшеніе соціальной проблемы; отождествленіе интересовъ личности и народа. Возстановленіе эстетики 8

III. Внѣшняя сторона исторіи русской интеллигенціи въ семидесятыхъ годахъ. Бакунисты и лавристы. Анархизмъ, какъ характерно романтическая концепція. Героическая борьба семидесятниковъ. „Хожденіе въ народъ“; пропаганда и агитація. Приматъ соціальнаго надъ политическимъ. Разочарованіе въ возможности соціальной революціи; признаніе необходимости борьбы за политическую свободу 12

IV. „Земля и Воля“; синтезъ „политики“ и „соціализма“. Терроризмъ; начало второй половины семидесятыхъ годовъ (1878 г.). Распаденіе „Земли и Воли“; „Народная Воля“ и „Черный Лередѣль“. Народовольцы; къ соціальному черезъ политическое. 1-ое марта 1881 г.; разгромъ „Народной Воли“ (1883); конецъ эпохи семидесятыхъ годовъ 17

V. Содержаніе исторіи русской интеллигенціи въ семидесятыхъ годахъ. Критическое народничество Михайловскаго; расцвѣтъ русскаго соціализма. Особый путь развитія Россіи. Составъ русской интеллигенціи; разночинцы и кающіеся дворяне; общественная отвѣтственность за личное

положеніе и личная отвѣтственность за общественное положеніе	21
VI. Критическое народничество, какъ синтезъ антииндивидуалистической идеологіи „уязвленной совѣсти“ кающихся дворянъ и ультра-индивидуалистической идеологіи „возмущенной чести“ разночинцевъ. Мнѣнія народа и интересы его. Что такое „народъ“?	25
VII. Ростъ буржуазіи въ семидесятыхъ годахъ; „чумазый идетъ!“. Буржуазія и русскій социализмъ; роль буржуазіи въ Россіи. Слабыя и сильныя стороны критическаго народничества; его дальнѣйшая судьба послѣ Михайловскаго . . .	29

Глава XIX. Лавровъ.

I. Лавровъ, какъ ближайшій предшественникъ Михайловскаго; значеніе его въ исторіи русскаго общественнаго движенія и въ исторіи русской общественной мысли. Лавровъ, какъ связующее звено между Герценомъ и Михайловскимъ	35
II. „Историческія Письма“. Личность и общество	38
III. Борьба Лаврова съ крайнимъ социологическимъ номинализмомъ; его социологическій индивидуализмъ	40
IV. Теорія прогресса; взгляды Герцена, Лаврова и Михайловскаго	42
V. „Субъективный методъ“; телеологичность историческаго процесса	45
VI. Лавровъ и лавризмъ; упадокъ вліянія Лаврова; переходъ главнаго значевія къ Михайловскому	47

Глава XX. Михайловскій.

I. Центральный пунктъ міровоззрѣнія Михайловскаго; двуединый критерій блага реальной личности и блага трудящихся классовъ, т.-е. народа	49
II. Личность и народъ въ міровоззрѣніи Михайловскаго; мнѣнія и интересы народа	52
III. Отношеніе къ экономическому либерализму; антииндивидуализмъ его. Индивидуализмъ въ социализмѣ	55
IV. Отношеніе къ общинѣ; борьба на два фронта. Община и личность. Требованіе государственнаго закрѣпленія общины	58
V. Особый путь развитія Россіи; возможность его. Трагедія критическаго народничества; противорѣчіе между вѣроятной возможностью и возможностью желательной. Пессимизмъ Михайловскаго; его ошибка	62
VI. Социологическія теоріи Михайловскаго. Борьба съ органической теоріей общества; критика социологическихъ концепцій Спенсера	66
VII. Преодоленіе рационализма. Три фазиса социальнаго развитія; субъективный антропоцентризмъ и телеологизмъ у Михайловскаго, связь съ индивидуализмомъ. Простая и сложная кооперація	68
VIII. Выясненіе вліянія органической теоріи на міровоззрѣніе Михайловскаго; разница между ними; $A: B = C: D$ и $A: B = C: D$. Органическій и надь-органическій типы развитія	72

- IX. Борьба съ дарвинистической социологіей и съ „геніальнымъ буржуа-натуралистомъ“; дарвинистическій критерій совершенства—приспособляемость. „Мѣщанство въ природѣ“. Практический и идеальный типъ; мѣщанство и индивидуализмъ 76
- X. Законъ Бэра; критерій совершенства—степень разнородности; физиологическое раздѣленіе труда. Основное положеніе Михайловскаго: неприложимость закона Бэра и закона дивергенціи къ социологіи; приложимость ихъ къ индивидуальному развитію. Физиологическое и экономическое раздѣленіе труда. Формула прогресса Михайловскаго 80
- XI. Теорія борьбы за индивидуальность. Органический и надъ-органический путь развитія; эволюція и прогрессъ. Типъ и степень развитія. Борьба личности и общества, какъ частный случай борьбы за индивидуальность. Борьба за индивидуальность и борьба за существованіе, какъ диаметральнопротивоположныя 84
- XII. Личность и семья. Теорія любви. „Женскій вопросъ“. Теорія борьбы за индивидуальность, какъ подробное и полное рѣшеніе проблемы социологическаго индивидуализма; всеобщность этой теоріи, по мнѣнію Михайловскаго 89
- XIII. Типъ „профана“; отношеніе къ наукѣ—иллюстрація къ социологическимъ теоріямъ борьбы за индивидуальность и прогресса 94
- XIV. Субъективизмъ; опредѣленіе понятій. „Субъективный методъ“, какъ критическій идеаль. Примѣнимость въ социологіи категорій необходимости, возможности и справедливости. Субъективное „nicht“ въ объективной теоріи борьбы за индивидуальность. 97
- XV. Субъективизмъ и три фазиса социальнаго развитія. Признаніе телеологизма въ социологіи; субъективизмъ, какъ этико-социологическій индивидуализмъ. 101
- XVI. Социологія и этика; взаимная связь. Отношеніе къ утилитаризму; „что такое счастье?“ Отрицаніе интуитивной этики; безсиліе правильно поставить вопросъ; дуализмъ сущаго и должнаго. Субъективизмъ Михайловскаго и катедеръ-соціализмъ. Категоріи возможности въ социологіи. Детерминизмъ и три фазиса социальнаго развитія. 105
- XVII. Проблема свободы; отношеніе къ ней Михайловскаго. Роль личности въ исторіи; направленіе историческаго движенія и скорость его. 108
- XVIII. Общая характеристика міровоззрѣнія Михайловскаго. Полярность основныхъ точекъ зрѣнія Михайловскаго и Герцена; индивидуализмъ и мѣщанство. Михайловскій, какъ „последній народникъ“. 112
- XIX. Ошибки міровоззрѣнія Михайловскаго.—Шаткость философскаго фундамента; игнорированіе гносеологіи. Что есть истина? — истины и Истина. Правда-истина и правда-справедливость; сущее и должное. Отношеніе къ метафизикѣ; ошибка Михайловскаго 115
- XX. Узкое пониманіе термина „индивидуальность“. Широта и глубина человѣческой личности, какъ типъ и степень развитія. Убѣжденіе въ обратной пропорціональ-

	СТР.
ности широты и глубины человѣческой личности, какъ центральная ошибка Михайловскаго. Формула прогресса Михайловскаго при этомъ осознаніи	120
XXI. Теоріи борьбы за индивидуальность, типовъ и степеней, органическаго и надъ-органическаго путей развитія, фізіологическаго и экономическаго раздѣленія труда	125
XXII. „Ravoc profundı“ у Михайловскаго. Значеніе Михайловскаго; сходство и различіе съ Герценомъ и Чернышевскимъ. Рѣшеніе ихъ проблемы индивидуализма; призываніе Михайловскаго. Односторонность его индивидуализма; соціологическій индивидуализмъ Михайловскаго и этической индивидуализмъ Толстого и Достоевскаго . . .	129

Глава XXI. Толстой и Достоевскій.

I. Толстой и Достоевскій; ихъ взаимная связь. Вліяніе окружающей дѣйствительности	VI, 5
II. „Почвенничество“ Достоевскаго и народничество Толстого въ шестидесятыхъ годахъ. Основныя черты почвенничества; политическій романтизмъ Достоевскаго; теорія „хроническаго самопожертвованія“; возведеніе возможнаго частнаго случая въ необходимый общій принципъ .	7
III. Взгляды Толстого; различеніе націи и народа, мнѣній и интересовъ. Замѣчательная статья: „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“ (1862 г.). Мысли Толстого о раздѣленіи труда. Толстой и кающееся дворянство; Достоевскій и разночинство. Вырожденіе народничества у Толстого и Достоевскаго.	11
IV. Отношеніе къ мѣщанству Толстого и Достоевскаго. Ненависть къ „сomme il faut“ у Толстого. Типъ Оленина. Типы супруговъ Бергъ, Вронскаго и Каренина	15
V. Типы мѣщанъ у Достоевскаго. „Опытъ о буржуа“; торговый домъ Гоппе и К ^о	19
VI. Толстой. Индивидуализмъ и анти-индивидуализмъ Толстого; борьба десницы съ шуйцей; мертвая зыбь. Типы дяди Ерощки и Пьера Безухова, какъ разборъ внѣшней и внутренней стороны проблемы индивидуализма; попытка синтеза въ Левинѣ	21
VII. Соціологическія воззрѣнія Толстого въ его романахъ; роль личности въ исторіи. Философія исторіи Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ“. Теорія причинности; смѣшеніе Толстымъ понятій условія, причины и повода	28
VIII. Борьба съ „историзмомъ“ и фатализмъ Толстого; личныя цѣли Провидѣнія. Маимый законъ историческаго движенія. Анти-индивидуалистичность философіи фатализма; шахматная партія Провидѣнія. Аналитическая сила и синтетическое безсиліе Толстого. Одновременный этической индивидуализмъ; постепенный переходъ къ міровоззрѣнію восьмидесятыхъ годовъ	32
IX. Толстой и толстовство; великій человѣкъ и „servum pecus“. Теорія непротивленія злу насиліемъ. „Стоитъ только всёму захотѣть“.. Этической индивидуализмъ на почвѣ религіи	39
X. Ультра-индивидуализмъ Толстого конца XIX вѣка. Теорія самосовершенствованія. Выводы	44

XI. Достоевскій; центральный пунктъ его міровоззрѣнія. Отношеніе къ анти-индивидуализму; типъ князя Валковскаго; этический ультра-индивидуализмъ въ типѣ Кириллова. Борьба съ Богомъ за самоцѣльность человѣческой личности; отождествленіе „самоцѣльности“ со „своеволіемъ“; борьба индетерминизма съ фатализмомъ. Валковскій и Кирилловъ, какъ два полюса этического индивидуализма 49

XII. Борьба съ этическимъ и социологическимъ анти-индивидуализмомъ въ „Запискахъ изъ подполья“. Приматъ воли надъ разумомъ; борьба съ рационалистической этикой и съ утилитаризмомъ 55

XIII. Борьба съ социологическимъ анти-индивидуализмомъ, съ шигалевщиной социализма; корни и причины этой борьбы. Анти-индивидуалистичность утилитаризма 59

XIV. Основная мысль „Преступленія и наказанія“; способъ доказательства отъ-противнаго; оригинальность теории Раскольникова. Люди „имѣющіе право“ и „дрожаящая тварь“; право и долгъ; проведеніе теории въ жизнь. Въ чемъ ошибка: въ теории или въ примѣненіи ея? Отвѣты Раскольникова и самого Достоевскаго. Рѣшеніе Достоевскаго; Раскольниковъ, какъ *reductio ad absurdum* формулы анти-индивидуализма. Въ чемъ преступленіе и въ чемъ наказаніе Раскольникова 63

XV. „Страданіе есть путь искупленія“, отношеніе Достоевскаго къ этому положенію. Эпизодъ изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Общеобязательность этической нормы; осужденіе и Сони Мармеладовой и Раскольникова; параллель съ осужденіемъ князя Андрея и Сони въ „Войнѣ и Мирѣ“ Толстымъ 70

XVI. Разработка той же темы въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Иванъ Карамазовъ, какъ среднее пропорциональное между Раскольниковымъ и Кирилловымъ. Осужденіе его; принципиальное отрицаніе этической нормы Раскольниковымъ и Иваномъ Карамазовымъ; этическая и психологическая правда Достоевскаго 76

XVII. Дальнѣйшее развитіе мыслей Достоевскаго; Иванъ Карамазовъ; его самопреодоленіе; побѣда надъ Чортомъ. Продолженіе борьбы съ Богомъ за человѣческую личность; принятіе идеи Бога и абсолютный телеологизмъ; міровая гармонія. „Страданія неповинныхъ“; признаніе факта, какъ сущаго и его отрицаніе, какъ должнаго. „Страданіе есть путь искупленія“, но „неповинныя страданія неискупимы“. Бунтъ мысли; безконечная глубина этического индивидуализма. Возраженія Достоевскому; слабость ихъ. Рельефная постановка религіозной и этической проблемы 81

XVIII. „Великій Инквизиторъ“, какъ новое доказательство отъ-противнаго. Великій Инквизиторъ и шигалевщина; идея неперенссимости свободы. Христіанство, какъ страданія милліоновъ отъ бремена свободы, при блаженствѣ немногихъ десятковъ въ нравственномъ само-совершенствованіи. Идеаль Великаго Инквизитора; блаженство милліоновъ въ счастья подчяненія, при страданіи немногихъ десятковъ подъ бременемъ свободы. Одинаковая анти-этичность обоихъ рѣшеній, по Достоевскому.

	стр.
Неизбѣжный переходъ отъ этического анти-индивидуализма къ этическому мѣщанству	90
XIX. Десница и шуйца Достоевскаго. Теоріи старца Зосимы; ихъ слабая сторона и ихъ дѣйствительное значеніе. Анархизмъ Достоевскаго; его борьба съ социализмомъ, какъ объясненіе его шуйцы	95
XX. Значеніе Толстого и Достоевскаго для семидесятихъ годовъ и для исторіи русской общественной мысли XIX-го вѣка	101

Глава XXII. Кризисъ народничества. Златовратскій и Гл. Успенскій.

I. Конѣцъ эпохи семидесятихъ годовъ; разгромъ Народной Воли. Пониженіе этического уровня; вырожденіе интеллигенціи и усиленіе „культурнаго“ общества. Ростъ этического мѣщанства. Борьба послѣднихъ могиканъ семидесятихъ годовъ съ общественнымъ мѣщанствомъ; полный неуспѣхъ	104
II. Восьмидесятыя годы и Лавровъ. Ошибочное оправданіе Лавровымъ политическаго индифферентизма; его сознаніе собственной ошибки; возведеніе этой ошибки въ принципъ восьмидесятниками. Дѣятельность Лаврова въ восьмидесятихъ годахъ; „Вѣстникъ Народной Воли“. Разложеніе революціонной интеллигенціи; ренегатство и провокаторство. Разложеніе общественныхъ идеаловъ семидесятихъ годовъ; гибель утопій стараго народничества. Сознаніе этого въ художественной литературѣ	107
III. Златовратскій. Наростающій пессимизмъ: „Въ артели“ и „Городъ рабочихъ“. Люди и дѣла. Гибель старыхъ социальныхъ формъ	111
IV. Вопросъ объ общинѣ въ народнической беллетристикѣ. „Очерки крестьянской общины“ и „Устои“ Златовратскаго. Нарожденіе „кулаковъ“ и „міровдовъ“. Пессимистъ-народникъ и оптимистъ-марксистъ. Безпочвенность	116
V. „Интеллигенты“ въ народѣ. „Не сольешься, а сопьешься“. Народники безъ народа. Опрошеніе и хожденіе въ народъ семидесятниковъ и восьмидесятниковъ; въ чемъ разница. Итоги художественнаго народничества Златовратскаго	121
VI. Глѣбъ Успенскій. Поиски твердой точки опоры; дифференціація общины; приматъ экономки надъ этикой въ общинѣ; разрушеніе однородности средствъ къ существованію. Въ чемъ горе деревни?—„крестьянская дума одинока“... Деревня ждетъ „знающаго человѣка“; беспощадная обрисовка его Успенскимъ. „Отрадныя явленія“ и кулачество. Публицистъ Успенскій и художникъ Успенскій	125
VII. Шествіе капитализма: символическое описаніе. „Грѣховодникъ-капиталь“ и два рода причинъ отрицательнаго отношенія къ нему Успенскаго: причины этического и эстетическаго характера. „Власть земли“; крестьянская жизнь и ея цѣль; крестьянство и интеллигенція; „не суйся!“ Земледѣльческіе идеалы или цивилизація?	129

VIII. Легенда о мертвомъ желѣзѣ и живомъ человѣкѣ. Пшеница и плевелы капитализма; невозможность ихъ отдѣленія. Соціологическія воззрѣнія Успенскаго; вліяніе Михайловскаго. Пессимизмъ. Какъ и чѣмъ организована народная жизнь—„умомъ или... сигомъ?“ Самопроизвольность организациі.—Общіе выводы изъ художественныхъ произведеній Успенскаго; пессимизмъ его народническихъ воззрѣній и незамѣченная имъ „третья возможность“. Разложеніе народничества въ эпоху общественнаго мѣщанства.	134
--	-----

Глава XXIII. Эпоха общественнаго мѣщанства.

I. Этическое мѣщанство въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ. Типъ Молотова изъ романовъ Помяловскаго; влеченіе разночинца къ этическому мѣщанству и осужденіе имъ этого мѣщанства	140
II. Романъ Писемскаго „Мѣщане“ (1877 г.); гастрономическій критерій мѣщанства	144
III. Тургеневъ о мѣщанствѣ; типы Астахова, Фустова, Берсенова; романъ „Новь“ (1877 г.); революціонеръ и постепеновецъ Соломинъ. Статьи о мѣщанствѣ П. Ткачева	147
IV. Характеристика эпохи общественнаго мѣщанства. Русское „культурное“ общество въ произведеніяхъ Салтыкова; сатирикъ эпохи общественнаго мѣщанства. Журналь „Недѣля“ и газета „Новое Время“; проповѣдь добродѣтельнаго бюрократизма и безпринципности; „Чего изволите?“	150
V Пѣвкоснямательство. „Надо дѣло дѣлать“ Проповѣдь примиренія съ дѣйствительностью; либерализмъ „примѣнительно къ подлости“	154
VI Основные принципы эпохи общественнаго мѣщанства; теоріи постепеновства, малыхъ дѣлъ и самосовершенствованія; ихъ внѣшній индивидуализмъ и внутреннее мѣщанство; Тарпейская скала индивидуализма. Возведеніе частнаго случая въ общій принципъ	158
VII. Толстовство восьмидесятихъ годовъ; его этическое мѣщанство. Внутренняя и внѣшняя свобода; принципы постепеновства, малыхъ дѣлъ и самосовершенствованія въ толстовствѣ; опрощеніе, непротивленіе злу	162
VIII. Эстетика въ восьмидесятихъ годахъ; возстановленіе ея значенія; вырожденіе ея въ эстетизмъ. Проблема „искусства для искусства“; попытка рѣшенія ея. Искусство „объективное“ и „субъективное“; чистое искусство. Искусство для человѣка или человѣкъ для искусства?—ошибочность и того и другого рѣшенія; цѣль искусства—въ искусствѣ, но цѣль художника, какъ человѣка—въ жизни. „Privilegium odiosum“ эпохи общественнаго мѣщанства	164
IX. Лишніе люди и восьмидесятники; промежуточные люди. Конецъ восьмидесятихъ годовъ; малыя дѣла и большое бѣдствіе; 1891—92 годъ.	170

Глава XXIV. Девяностые годы.

I. Эпоха второго великаго раскола русской интеллигенціи; народничество и марксизмъ. Предшественники	
---	--

- русской социаль-демократіи; лавристы семидесятыхъ годовъ. Вторая половина семидесятыхъ годовъ. Распаденіе „Земли и Воли“ (15 авг. 1879 г.); увяданіе чернопредѣльчества и расцвѣтъ народоульства. Разгромъ „Народной Воли“ въ 1881—83 гг.: неудачныя попытки ея возстановленія. Переходъ чернопредѣльчества къ марксизму. „Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ“ (1878 г.). Первая русская социаль-демократическая группа „Освобожденіе Труда“ (1883 г.) V II, 5
- II. „Русскій марксизмъ“ и „русскій социализмъ“. Развитіе русскаго марксизма въ восьмидесятыхъ годахъ; количественная слабость и качественная сила его. Борьба съ системой общественнаго мѣщанства. Голодный годъ; пробужденіе русской интеллигенціи; кристаллизація ея вокругъ народничества и марксизма; пышный расцвѣтъ послѣдняго и гибель бакунизма. Стремленіе русской интеллигенціи къ оптимистическому міровоззрѣнію. Быстрый ростъ марксизма съ 1893—94 гг.; появленіе книгъ Струве и Бельтова; марксистскіе журналы. Количественное усиленіе и качественное ослабленіе русскаго марксизма 8
- III. Споръ марксизма съ народничествомъ: вопросъ объ общинѣ. Что такое община? Государственное закрѣпленіе общины; законъ 14 декабря 1893 г.; бумажный законъ и дѣйствительность; законы 8 июня 1893 г. и 12 марта 1903 г. Общинное право, какъ *de jure* коллективное и *de facto* индивидуальное; разложеніе общины. 11
- IV. Особый путь развитія Россіи. Отношеніе къ этой теоріи марксизма восьмидесятыхъ годовъ. Книга В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи“ (1882 г.) и критическое отношеніе къ ней Михайловскаго. Необходимость перестройки міровоззрѣнія критическаго народничества; интеллигенція, народъ и буржуазія. Отношеніе Плеханова къ особому пути и типу экономическаго развитія Россіи въ „Нашихъ разногласіяхъ“ (1884 г.); о націонализаціи земли; признаніе возможности непосредственнаго перехода общины въ высшую коммунистическую форму землевладѣнія. 15
- V. Эволюція принципа особаго пути развитія Россіи въ исторіи русской общественной мысли второй половины XIX-го вѣка. 18
- VI. Распредѣленіе и производство; народническій приматъ перваго надъ вторымъ, отвергаемый самими же народниками; ростъ буржуазіи, какъ причина этого. Национальное богатство и народное благосостояніе; возможность знака равенства между ними, согласно Чернышевскому; доведеніе этой точки зрѣнія до абсурда толстовствомъ восьмидесятыхъ годовъ; правильное пониманіе ея марксизмомъ. Приматъ производственнаго момента надъ распредѣлительнымъ; отличіе отъ манчестерства. „Къ распредѣленію черезъ производство“. 22
- VII. Теоретическія основоположенія марксизма. Приматъ экономическаго надъ социальнымъ и отождествленіе ихъ. Классовая идеологія. „*Amor fati*“ ортодоксальнаго марксизма; его философскій монизмъ. Категоріи сущаго и должнаго; упраздненіе послѣдней. Анти-индивидуализмъ ортодоксальной марксистской догмы. 28

- VIII. Роль личности въ историческомъ процессѣ; личность, какъ *quantité négligeable*. Отрицаніе значенія интеллигенціи; теченіе „экономизма“ („Рабочая Мысль“). Марксизмъ, какъ интеллигентская идеологія. Двойственное отношеніе марксизма къ вопросу объ экспроприаціи мелкаго производителя. Попытка разорвать съ двойственностью. Соціалъ-демократія и ея отношеніе къ росту буржуазіи. Фритредерство и протекціонизмъ. 30
- IX. Теорія „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Оптимистичность и анти-индивидуалистичность подобнаго положенія; примѣры ея приложенія. Кулакъ, какъ „высшій типъ человѣческой личности“ въ деревнѣ. Сущность этой теоріи; возведеніе объективнаго закона социологіи въ субъективную норму. 35
- X. Фаталистичность ортодоксальнаго марксизма; игнорированіе разницы между необходимостью единослѣдственности тождественныхъ причинъ и возможностью разнопричинности тождественныхъ слѣдствій; анти-индивидуализмъ. 39
- XI. Борьба народничества и марксизма на философско-соціологической почвѣ; широта безъ глубины, глубина безъ широты. Полемика Бельтова и Михайловскаго; ошибки того и другого. 43
- XII. Отождествленіе марксизмомъ социальнаго и экономическаго процесса; замѣна асерторическаго положенія аподиктическимъ утвержденіемъ; методологія и дѣйствительность. Любовь къ „ближнему“ и „дальному“. Категоріи необходимости и справедливости въ ихъ примѣненіи къ социальному процессу; субъективное отрицаніе этики шестидесятниками и ея объективное отрицаніе марксистами; отказъ отъ рѣшенія вопроса. Заслуги марксизма и начало его разложенія. 46
- XIII. Критическое теченіе въ марксизмѣ. Отрицаніе *Zusammenbruchstheorie* и *Verlendungstheorie*; отрицаніе принципа „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Критика примата производства надъ распредѣленіемъ. Тенденція къ индивидуализму. 52
- XIV. Критика марксистскаго монизма; отрицаніе причинной связи между экономикой и правомъ. 56
- XV. Критика философскихъ основъ марксизма и отождествленія сущаго съ должнымъ. Отношеніе критическаго теченія въ марксизмѣ къ субъективизму Михайловскаго. Параллель между девятидесятыми и шестидесятыми годами; отношеніе къ „этикѣ“ и „эстетикѣ“. Значеніе марксизма. 59

Глава XXV. Чеховъ.

- I. Чеховъ, какъ сатирикъ эпохи общественнаго мѣщанства; условное значеніе такого опредѣленія. Трагедія жизни въ пониманіи Чехова; мѣщанство жизни, какъ таковой; страхъ жизни; Чеховъ и Лермонтовъ. 67
- II. Идеалы эпохи общественнаго мѣщанства въ освѣщеніи Чехова. „Ивановъ“. Ненависть къ мѣщанству и признаніе безъисходнаго мѣщанства жизни. Абсолютный пессимизмъ перваго періода творчества Чехова (до 1892 г.) 70

III. „Скучная исторія“, „Степь“, „Моя жизнь“ и др. рассказы.	74
IV. Приближеніе Чехова къ толстовству; „Пари“, „Припадокъ“ и др. Признаніе Чехова въ письмѣ 1894 г.; протестъ противъ толстовства; „Палата № 6“; „Хорошіе люди“, „Моя жизнь“ и др.	76
V. Второй періодъ творчества Чехова; спасеніе отъ пессимизма въ „вѣрѣ въ прогрессъ“. Золотой вѣкъ на землѣ—„черезъ двѣсти-триста лѣтъ“.	80
VI. Мнѣнія Астрова, Вершинина, Тузенбаха и самого Чехова. Требованіе широты и красочности жизни.	82
VII. Спасла ли Чехова отъ пессимизма „вѣра въ прогрессъ“? Неизбѣжность отрицательного отвѣта. Неудачныя попытки оптимизма; „Вишневый садъ“, „Невѣста“. Причина неудачи; чеховская вѣра въ прогрессъ, какъ „шигалевщина во времени“; этической анти-индивидуализмъ; продолжающійся пессимизмъ Чехова, какъ слѣдствіе этического индивидуализма его чувства и какъ безсознательный протестъ противъ этического анти-индивидуализма его теоретической шигалевщины.	86
VIII. Раздвоеніе Чехова между индивидуализмомъ и анти-индивидуализмомъ. Призывъ къ труду, какъ анестезирующему средству; человекъ какъ цѣль и какъ средство. Десница и шуйца Чехова.	88

Глава XXVI. М. Горькій.

I. Горькій. Начало дѣятельности. Оптимизмъ, отношеніе Горькаго къ марксизму. Два періода творчества Горькаго.	92
II. Первый періодъ творчества (до 1898 г.). Ультраиндивидуализмъ; культъ силы. Постепенное осужденіе идеаловъ ультра-индивидуализма; Ларра.	96
III. Типъ „босняка“. Борьба съ мѣщанствомъ обыденности. Вопросъ о мѣщанахъ и лишннихъ людяхъ, какъ ось творчества Горькаго второго періода.	98
IV. „Ома Гордѣевъ“. Маякинъ—типъ „малаго инквизитора“; анти-индивидуализмъ и мѣщанство его. Типъ лишняго человека—Ома Гордѣевъ; безвыходность положенія	101
V. Впередъ или назадъ? Осужденіе движенія назадъ къ мѣщанству; „Трое“. Типъ Ильи Лунова; развитіе его міровоззрѣнія. Его гибель въ мѣщанствѣ.	105
VI. Выводы Горькаго—въ „Мѣщанахъ“. Окончательное осужденіе ультра-индивидуализма; Петръ Безсѣменовъ; мѣщанство его. Положительный типъ—Ниль; тенденція Горькаго къ этическому анти-индивидуализму; развитіе этой тенденціи въ „На днѣ“	109
VII. Послѣдовательность Горькаго въ типѣ Луки; эволюція его взглядовъ на силу и слабость; переходъ отъ апологіи силы къ оправданію слабости.	113
VIII. Низкая истина и возвышающій душу обманъ; примать человека надъ истиной; правда факта и правда идеи. Лука—оправданіе слабыхъ, Сатинъ—апология сильныхъ; этической анти-индивидуализмъ обоихъ. Абстракт-	

	стр.
ный человекъ Сатина и Горькаго. „Человекъ“; возвращеніе къ идеаламъ Пнина. Этической анти-индивидуализмъ Горькаго	116
IX. Отношеніе Горькаго къ интеллигенціи, экзекуція надъ самимъ собой. Ненависть къ „культурному“ обществу и дикарямъ высшей культуры. „Еще о чортѣ“. „Дачники“; интеллигенція и quasi-интеллигенція. Ежовъ изъ „Өомы і'ордѣва“. Истинная интеллигенція у Горькаго; въ чемъ правда Горькаго въ его отношеніи къ интеллигенціи? . . .	122
X. „Мужикъ“; типы Суркова и Шебуева. Гипертрофія интеллекта у русской интеллигенціи; примать интеллекта надъ инстинктомъ. Выставленіе Горькимъ идеаловъ Михайловскаго. Десница и шуйца Горькаго	128
XI. Чеховъ и Горькій. Раздвоенность обоихъ между индивидуализмомъ и анти-индивидуализмомъ; десницы и шуйцы. Анти-мѣщанство и вѣра въ прогрессъ; Тарпейская скала индивидуализма Горькаго. Взаимоотношеніе Чехова и Горькаго; ихъ полярность. Псевдо-романтизмъ Горькаго. Наличность этического анти-индивидуализма въ возрѣніяхъ Горькаго и Чехова. Творчество М. Горькаго послѣ 1905 года.	133

Глава XXVII. Идеалистическій индивидуализмъ.

I. Разложеніе марксизма девяностыхъ годовъ; критико-философское теченіе русской общественной мысли; очеркъ развитія русской философской мысли. Идеалисты тридцатыхъ, матеріалисты шестидесятыхъ и позитивисты семидесятыхъ годовъ	VIII, 5
II. Энгельсированное гегельянство девяностыхъ годовъ. Отъ Гегеля къ Канту; начало возрожденія русской философской мысли. Журналъ „Вопросы философіи и психологіи“. Книга Бердяева-Струве и сборникъ „Проблемы идеализма“	8
III. Книга Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. Разрывъ съ марксизмомъ; приближеніе къ Михайловскому; сходство и различіе.	11
IV. Статьи Струве; его разрывъ съ марксизмомъ. Отъ марксизма къ либерализму. Отъ марксизма къ идеализму; „Предисловіе“ къ книгѣ Бердяева. Дуализмъ сущаго и должнаго; рѣшеніе Канта. Борьба ортодоксальнаго марксизма съ критико-идеалистическимъ теченіемъ; неравныя силы. Попытка эпигоновъ марксизма опереться на эмпириокритицизмъ. Сборникъ „Очерки реалистическаго міровозрѣнія“; крайняя философская слабость возраженій. . . .	15
V. „Проблемы идеализма“ (1903 г.). Этическая проблема въ свѣтъ философскаго идеализма. Эгоизмъ и альтруизмъ; личность и нравственность. Соціальная проблема; личность и общество. Естественное право. Борьба естественнаго права съ историческимъ направленіемъ. Анти-индивидуализмъ ортодоксальнаго „историзма“; Марксъ и Савиньи; личность, какъ производная „національнаго духа“. Отсутствіе крайняго историзма среди русскихъ юристовъ; историко-соціологическая точка зрѣнія. Обосно-	

ваніе естественнаго права на почвѣ критической фило- софіи; этико-соціологическій индивидуализмъ	19
VI. Дальнѣйшее развитіе русскаго идеализма; статьи въ „Новомъ Пути“ и „Вопросахъ жизни“. Идеализмъ и общественныя программы. Соціализмъ, какъ исторически необходимое средство для торжества индивидуализма. Соціализмъ и либерализмъ; „недемократическій либера- лизмъ“, какъ <i>contradictio in adjecto</i> ; ошибочность этого по- ложенія. Критическая реабилитація утопизма и анти-мѣ- щанство	23
VII. Основныя черты идеалистическаго теченія; его идейныя предки. Вл. Соловьевъ и рѣшеніе имъ проблемы индивидуализма.	27
VIII. Чичеринъ; его философія права и борьба за есте- ственное право. Михайловскій и его соціологическій ин- дивидуализмъ; этический индивидуализмъ Толстого и Достоевскаго.	29
IX. Дальнѣйшее направленіе идеалистическаго те- ченія; мистическій идеализмъ, вопросъ объ его реакціон- ности; мистическій идеализмъ и анархизмъ. Значеніе идеалистическаго индивидуализма въ исторіи русской общественной мысли. Пышный расцвѣтъ индивидуализма, какъ заключеніе XIX-го столѣтія	32

Глава XXVIII. Отъ „декадентства“ къ „символизму“

I. Взглядъ на русскую литературу XIX вѣка. Реализмъ и романтизмъ. „Темныя слухи о какомъ-то романтизмѣ“. Тройной узелъ литературы пушкинской эпохи: религія жизни Пушкина, религія бунта Лермонтова, религія смерти Гоголя. Пушкинскій періодъ русской литературы (1840— 1890)—полвѣка побѣды реализма и разложенія его. Этапы разложенія теоретическаго реализма: первое пораженіе демократіи, идейное—въ нигилизмѣ; второе, обществен- ное—въ эпохѣ общественнаго мѣщанства; разложеніе худо- жественнаго реализма въ натурализмъ. Поиски новыхъ путей. Четверть вѣка побѣды символизма и разложенія его (1890—1915)	39
II. „Темныя слухи о какомъ-то символизмѣ“. Истоки новаго теченія. Русская поэзія XIX вѣка. Начало „дека- дентства“. Три поэта: К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ, Ф. Соло- губъ. Идеологія декадентства	42
III. Нитцше и нитцшеанство; вліяніе послѣдняго. Самообожествленіе „я“. Культъ „мгновенія“. Полутопность и полусонность. Жизнь—игра. Бесплодіе.	45
IV. „Башня съ окнами цвѣтными“. Одиночество. Отно- шеніе къ мѣщанству. Отношеніе къ словѣку. Гибель въ одиночествѣ. „Люциферіанство“ и „магизмъ“. Конечъ де- кадентства; начало символизма.	49
V. „Кризисъ индивидуализма“. Идеологъ декаден- ства Л. Шестовъ. Что такое символизмъ? Символизмъ, какъ принципъ творчества и символизмъ, какъ міропо- знаніе. Новыя формы.	54
VI. Вл. Соловьевъ и символисты. Отношеніе къ симво- лизму былого декадентства. Право на символизмъ. Вер-	

шины символизма; три поэта: В. Ивановъ, А. Блокъ, А. Бѣлый	57
VII. В. Ивановъ; личина и ликъ; рационализмъ. Вѣнокъ и вѣнецъ А. Блокъ; исходъ изъ „стеклянной пустыни“ декадентства; Вѣчная Женственность и Прекрасная Дама; Роза и Крестъ. А. Бѣлый; „путь безумія“ и завершенный кругъ его; романы; вершина символизма	60
VIII. „Побѣда“ новаго течения и начало пораженія. Символизмъ ad usum delphini—аллегоризмъ; Л. Андреевъ и его значеніе	63
IX. „Новый реализмъ“; пути выработки его формъ. Романы В. Брюсова, Ѳ. Сологуба, Д. Мережковского. Вершины новаго реализма—А. Ремизовъ и его романы; новыя силы	66
X. Побѣда символизма и разложеніе его. Двѣ линіи новаго развитія. Третье пораженіе демократіи—политическое. Между двухъ революцій	69

Глава XXIX. Въ преддверіи XX вѣка,

I. Вѣчные пути развитія—реализмъ и романтизмъ, какъ міропознанія. Реализмъ и социализмъ, романтизмъ и анархизмъ.	72
II. Реалистическое теченіе русской общественной мысли начала XX вѣка. „Либеральная“ группа интеллигенціи и двѣ социалистическихъ.	75
III. Марксизмъ и социаль-демократія. Пересмотръ вопроса о роли и значеніи интеллигенціи.	77
IV. Народничество и социаль-революціонерство. Пренная слабость философскаго фундамента марксизма и народничества. Социально-экономическій споръ. Аграрный вопросъ, какъ experimentum crucis. Постепенная эволюція марксизма	79
V. Аграрный вопросъ и народничество. Соціализація земли и социализмъ. „Пролетаріатъ“ и „народъ“. Слабыя и сильныя стороны народничества	81
VI. Революція 1905 года и ея судьбы. Годы реакціи: Уставшая интеллигенція“. Кающіеся разночинцы. „Вѣхи“. Духовный максимализмъ и предчувствія мірового взрыва.	84
VII. Міровая война 1914 года. Паденіе и разложеніе демократіи. „Кризисъ социализма“. Революція 1917 года. Что впереди?	87

XXX. Заключение.

Общій взглядъ на исторію русской общественной мысли XIX вѣка. Прошлое, настоящее и будущее русской творческой мысли и русской интеллигенціи.	90
--	----

